

СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

ISSN 0132-1366

№

1

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК



СЛАВЯНО ·
· ВЕДЕНИЕ



2009



«НАУКА»

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК



СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ



ЖУРНАЛ ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 1965 г.

2009

МАРТ

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

АПРЕЛЬ

*Журнал издается под руководством
Отделения историко-филологических наук РАН*

Содержание

СТАТЬИ

- Рашковский Б.Е.* (Москва). Книга Иосиппон как источник по истории славян и некоторых других народов Восточной Европы в исследованиях 1940–1990-х годов 3
- Вилкул Т.Л.* (Киев). Известие «Повести временных лет» о Любечском снеме 1097 года: интерпретации и ошибочные чтения 16
- Васильев В.Л.* (Новгород). Из славянской топонимической архаики русского Северо-Запада («рифмованный сегмент» на *-комо*) 25
- Макарова И.Ф.* (Москва). Османская матрица для освобожденной Болгарии 39

СООБЩЕНИЯ

- Ченцова В.Г.* (Москва). Известие о деснице св. Николая Мирликийского в грамоте братьев Никольского монастыря Грилицы 1648 года 54
- Чеснокова Н.П.* (Москва). Грамота из монастыря Анастасии Фармаколитрии близ Фессалоники в рукописном собрании ГИМ: проблема атрибуции и датировки 68
- Макарцев М.М.* (Москва). Категория эвиденциальности в балканских языках: современный взгляд на проблему 74

ИЗ ИСТОРИИ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

- Боярченков В.В.* (Рязань). «Секретарь антикварского сословия»: О.М. Бодянский в обществе истории и древностей российских. К 200-летию со дня рождения ученого-слависта 91

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

- Хорошкевич А.Л.* Памяць стагоддзяў на карце Айчыны. Зборнік навуковых прац у гонар 70-годдзя Міхаіла Фёдаравіча Спірыдонава 103

<i>Стыкалин А.С. О.В. Хаванова. Заслуги отцов и таланты сыновей. Венгерские дворяне в учебных заведениях монархии Габсбургов, 1746–1784</i>	107
<i>Бучанов И.И. А.С. Левченков. Последний бой чешского льва. Политическая борьба в Чехии в первой четверти XVII века</i>	109
<i>Шведова Н.В. А. Zelenková. Slovenská prozódia a verzifikácia v rukopise Štefana Krčméryho (1935)</i>	112

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Чеснокова Н.П. Международная научная конференция по палеографии и кодикологии в Москве</i>	114
<i>Носов Б.В. Международная научная конференция «Россия, Польша, Германия: история и современность европейского единства в идеологии, политике и культуре»</i>	116
<i>Королькова П.В. Конференция «Ценностные категории славянской культуры: категория времени»</i>	120
<i>Дронов М.Ю. Историко-культурологический семинар «Подкарпатские русины и Россия»</i>	126

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

М.А. РОБИНСОН (главный редактор),
Г.К. ВЕНЕДИКТОВ, Р.П. ГРИШИНА, В.И. КОСИК,
Г.Ф. МАТВЕЕВ, В.В. МОЧАЛОВА, К.В. НИКИФОРОВ, С.В. НИКОЛЬСКИЙ,
В.Я. ПЕТРУХИН, Л.А. СОФРОНОВА, А.С. СТЫКАЛИН, Б.Н. ФЛОРИЯ,
В.А. ХОРЕВ, Т.В. ЦИВЬЯН

А.С. Стыкалин (отв. секретарь)

Заведующие отделами: *Адельгейм И.Е.* (отдел литературоведения),
Белова О.В. (отдел культурологии),
Стыкалин А.С. (отдел истории)

Зав. редакцией *Г.А. Михеева*

Сотрудники редакции: *Авакова Л.А., Пономарева Е.В., Веслова И.Ю.*

Адрес редакции: 119991, Москва, Ленинский пр-т, 32а, Телефон 938-01-20
 E-mail: zhurslav@mail.ru

Рукописи принимаются в электронном виде с распечаткой (1 экз.) объемом: статьи не более 40 тыс. знаков, сообщения – до 30 тыс., рецензии – до 20 тыс. знаков. Научный аппарат должен быть оформлен в соответствии с правилами, принятыми в журнале. Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

© 2009 г. *Б. Е. РАШКОВСКИЙ*

КНИГА ИОСИППОН КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ СЛАВЯН И НЕКОТОРЫХ ДРУГИХ НАРОДОВ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В ИССЛЕДОВАНИЯХ 1940–1990-х годов

Книга Иосиппон занимает особое место среди еврейских источников по истории Восточной Европы. Этот псевдоэпиграф, написанный в середине X в. анонимным автором из южной Италии и выдающий себя за еврейский оригинал «Истории иудейской войны» Иосифа Флавия, стал для средневекового еврейства главным источником знаний по истории периода Второго Храма и, одновременно, – единственным опытом написания всемирной истории с позиций раввинистического иудаизма. В результате, сведения о восточноевропейских народах, отразившиеся в «Таблице народов» Иосиппона, никогда не исчезали из исторической памяти средневекового еврейства, хотя контекст этих преданий, казалось, не сильно этому способствовал. Дело в том, что библейский нарратив для автора Иосиппона был частью его собственной этнокультурной традиции. И в этом проявлялось его отличие от христианских или мусульманских авторов, использовавших текст X гл. книги Бытия, для поиска библейской генеалогии своих этносов.

Причина, по которой наш автор начинает свое повествование именно с «Таблицы народов», проста. Она связана главной темой его труда – войной между иудеями и римлянами, относимыми им к народу киттим, происходящему от одного из сыновей родоначальника греков – Явана, сына Яфета (Быт 10:4). Список потомков Сима и Хама в Иосиппоне отсутствует.

В следующей за «Таблицей народов» истории о Цефо, сыне Элифаза и внуке Эдома, проводится важнейшая для автора Иосиппона мысль о вечном и изначальном соперничестве евреев и римлян. Благодаря введению в ткань повествования этого предания, наш автор объединяет два варианта идентификации Рима в еврейской традиции: происхождение римлян от Киттим и от брата Иакова – Исава (Эдома). Последний, как и Иаков, был внуком Авраама и потомком Сима. В результате «Таблица народов», действительно, служит исходной точкой для завязки всемирно-исторической драмы – столкновения двух народов, происходящих от двоюродных братьев-соперников [1. Р. 138]. Большинство племен, упомянутых в «Таблице народов» (в их числе славяне, русы, печенеги, хазары и другие восточноевропейские народы), более не фигурируют в повествовании нашего автора. Они являются историческим фоном кон-

фликта, и потому нужны автору только для того, чтобы поместить отношения евреев и римлян в некий всемирно-исторический контекст.

Тем не менее, «Таблица народов» использовалась как основной инструмент источниковедческой критики Иосиппона как в европейской гебраистике, так и в складывающейся в Новое время еврейской историографии. В середине XVI в. Азария де Росси, еврейский историк эпохи Ренессанса, все еще склонный видеть в Иосиппоне произведение I в., считал упоминания в «Таблице народов» франков, болгар и готов поздней интерполяцией [2. Р. 331]. В 1666 г. Джон Буксторф первым использовал данные Иосиппона в сравнении со свидетельствами других еврейских источников по истории Восточной Европы в своем издании «Еврейско-хазарской переписки» [3. Р. 8]. К сведениям Иосиппона обращались и исследователи XVIII–XIX вв. Их достижения в изучении памятника весьма значительны, особенно на фоне произошедшего в течение XIX в. расширения источниковой базы европейской ориенталистики и науки о еврействе. Итог этим исследованиям был подведен А.Я. Гаркави [4. С. 34–35].

О начале современного этапа изучения Иосиппона можно говорить, начиная с выхода ряда статей и исследований Д. Флюссера. Работа, результатом которой стала публикация критического издания памятника, была начата им вскоре после окончания Второй мировой войны и продолжалась более трех десятилетий. Но основные выводы Д. Флюссера по проблемам изучения Иосиппона, имеющим отношение к теме данной статьи, были сформулированы еще в 1940–1950-е годы.

Подготовленное им издание основывается на древнейшей полной датированной рукописи Иосиппона, скопированной в Италии в 1282 г. с другой ранней рукописи, написанной рабби Гершомом бен Йехудой (ок. 960–1026). Рукопись Гершомы была, по предположению Д. Флюссера, списана с оригинала или близкого к нему списка [5. Р. 3]. Она хранится в израильской Национальной библиотеке в Иерусалиме под номером 8^o41280.

Благодаря изысканиям Флюссера, стало ясно, что представления историографии XIX в. об Италии, как о месте создания памятника, могут опираться не только на тексты ранних печатных изданий, появившихся в Мантуе, Венеции и Константинополе. Об итальянском происхождении Иосиппона свидетельствует также анализ многочисленных итальянизмов в тексте [6. Р. 116–117]. Хорошо известна автору Иосиппона и топография Италии, в особенности окрестностей Неаполя. Именно этот город, по мнению Флюссера, более всего претендует на то, чтобы считаться местом написания произведения [6. Р. 116]. Укладывается в эту схему и знакомство автора Иосиппона с латиноязычными источниками, в том числе с Вульгатой и латинским переводом сочинений Иосифа Флавия. С ними автор Иосиппона мог ознакомиться в библиотеке неаполитанского герцога Иоанна III (928–968) [7. Р. 207.; 8. С. 128–129]. Наконец, в обнаруженной Д. Флюссером рукописи содержится дата составления хронографа – 953 г. в переводе на современное летоисчисление.

Эта датировка неплохо согласуется с реалиями «Таблицы народов» Иосиппона. Так, только X веком может быть датировано известие нашего автора о том, что венгры, болгары и печенеги живут на реке Дунай [6. Р. 113–114.; 5. Р. 78–79]. Более того, речь, очевидно, может идти о первой половине или середине X в., так как дунайские болгары, по Иосиппону, относятся к потомкам Тогармы, тюркским народам, а не к славянам [5. Р. 80–81]. Русы также относятся нашим автором к германским, а не славянским народам.

Славянским известиям Иосиппона Д. Флюссер уделяет довольно много внимания. Им он посвятил отдельную работу, вышедшую в Праге в 1949 г. [9]. В ней опубликован список славянских народов из книги Иосиппон, сохранившийся в цитате из средневековой еврейской «Хроники Йерахмиэля» [9. S. 238–239]. На месте этой хроники в исследованиях Иосиппона следует остановиться особо.

Как и Иосиппон, «Хроника Йерахмиэля» представляет собой сложный компендиум, сложившийся со временем из текстов разного происхождения и предназначения. «Хроника» была написана в южной Италии в конце XI – начале XII в., о чем свидетельствует упоминание Раши (рабби Шломо Йицхаки; 1040–1105 гг.) без слов «память праведника да будет благословенна» [10. P. 135]. Труд Йерахмиэля бен Шломо был включен Элиазаром бен Ашером ха-Леви в состав «Книги памятных событий», написанной им в первой половине XIV в.

Уже первым исследователям «Хроники» – Нейбауэру и Гастеру – было очевидно, что в произведении Йерахмиэля сохранился, возможно, один из древнейших вариантов иосиппоновой «Таблицы народов». Д. Флюссер обратил внимание на то, что перечень славянских народов в «Хронике Йерахмиэля» наиболее близок к варианту, имеющемуся в иерусалимской рукописи Иосиппона.

Список славянских народов в цитате из «Хроники Йерахмиэля», сохранившейся в «Книге памятных событий» Элиазара бен Ашера [11. P. 128]	Список славянских народов в книге Иосиппон. Цитируется по [12. P. 7–8]
<p>Так же моравы, хорваты, сорбин, луц-нин, <i>дце-мин</i>¹, <i>б-рак-р</i> и <i>б-зимин</i>, считаются потомками Доданим. Они живут на берегу от границы болгар до Венеции, что на море, и оттуда распространяются до границ саксани и Великого Моря. Они называются <i>исклави</i>. Другие относят их к сыновьям Ханаана, но они возводят свою родословную к потомкам Доданим.</p>	<p>Также моравы, хорваты, сорбин, луц-нин, <i>ля-хин</i>, <i>к-ра-кр</i> и <i>боймин</i> считаются потомками Доданим. Они живут на <i>берегу моря</i> от границы болгар до Венеции, что на море; и оттуда распространяются до границ саксани и Великого Моря. Они называются <i>склави</i>. Другие относят их к сыновьям Ханаана, но они возводят свою родословную к потомкам Доданим.</p>

Обе цитаты идентичны. Между ними есть небольшие разночтения только в области орфографии, представляющие собой типичные описки, обильно засвидетельствованные в еврейской палеографии – путаницу между *бет* и *каф*, *вав* и *зайн*, *вав* и *йод*. Также имеются различия в написании личных имен и географических названий, характерные для традиций, к которым принадлежали писцы. Результат этого сравнения позволил Д. Флюссеру утверждать, что сведения о славянах попали в «Таблицу народов» Иосиппона не позднее второй половины XI в. [9. P. 240], хотя большую часть этих известий он датировал IX–X вв. Так, упоминание славянского этника *моравы* связывалось им с периодом существования Великой Моравии, а известие о присутствии венгров на Дунае рассматривалось как основание для датировки всего текста «Таблицы народов» X веком [9. P. 238–239]. Племя «луцнин» было идентифицировано Флюссером с чешскими лучанами, а народ «ляхин» – с поляками [9. P. 240]. Единственные этнические наименования, для которых Флюссер допус-

¹ Курсивом выделены разночтения в двух перечнях славянских народов.

кает южную, балканскую идентификацию – это хорваты и сербы. Однако и в них он предлагает видеть не балканских, а западных славян – чешских хорватов и лужицких сербов [9. Р. 240].

Вывод Флюссера о принадлежности славянских этниконов «Таблицы народов» к западным славянам, не мог не сказаться на работах исследователей, занимавшихся историей западнославянских стран. В немалой степени этому способствовало согласие Т. Левицкого с точкой зрения Д. Флюссера в статье об Иосиппоне в «Словаре славянских древностей» [13. S. 341]. Следует также отметить, что небольшая статья Д. Флюссера на чешском языке была более доступна, чем несколько его больших работ на иврите. В итоге попытки классифицировать славянские этники Иосиппона более подробно, чем это сделал Д. Флюссер, оказались не столь успешны.

В 1960-х годах Х. Ловмянский, ссылаясь только на работу Д. Флюссера 1949 г., предложил датировать сведения Иосиппона 980 г. Датировка связывается им с проблемой независимого существования Краковского княжества, в результате чего и сдвигается на несколько десятилетий вперед. Х. Ловмянский попытался классифицировать славянские этнонимы из Иосиппона по разным группам, предложив разделить весь перечень на два ряда. К первому относились, соответственно – моравы, хорваты, сербы (*сорбин*), лучане (*луцнин*), а ко второму – ляхин, кракар, боймин. К первому ряду им были отнесены названия племен располагавшихся на пути из Венеции в Саксонию, а во втором ряду, находящиеся между Русью и Чехией [14. S. 171].

Однако тут возникает проблема. Автор Иосиппона нигде не говорит о разделении списка славянских народов на какие-либо подгруппы. Наоборот, он пишет о том, что все эти народы, взятые вместе, живут от границ болгар и до Венеции на юге, а оттуда опять же все вместе – до границ саксов и Северного моря на севере. Этнополитические реалии Иосиппона далеко не всегда соответствуют политическим границам современной ему Европы. Он располагает этнонимы в соответствии с последовательностью перечисления имен предков-эпонимов в X гл. книги Бытия. Так что перечисление народов подряд не всегда вызвано у нашего автора представлением об их географическом соседстве. Например, вслед за римлянами (киттим) он помещает датчан (потомков Доданим) [12. Р. 7–8], потому что Киттим и Доданим располагаются в Быт 10 рядом друг с другом. Оба при этом являются сыновьями Явана, прародителя греков. Еще один характерный пример – единственный неевропейский народ в «Таблице» Иосиппона – «Мадай или ал-Дайлам, живущие в стране Хорасан» [12. Р. 5.] – упоминается в тексте, только потому что автор не мог обойти вниманием этникон, служивший обозначением библейских мидийцев. Логика расположения современных нашему автору народов на европейском пространстве обусловлена в равной мере уровнем его осведомленности и применявшейся им методикой толкования библейского текста.

Историко-географический метод Иосиппона был устроен по принципу мидраша – особого вида герменевтического толкования, основанного на принципе учета всех возможных смыслов или контекстов каждого встречающегося в Писании имени, названия или концепта. В большинстве случаев можно проследить прямую зависимость между расположением библейских эпонимов в масоретском тексте и порядком их расселения в Иосиппоне. «Таблица народов», предшествовавшая новелле о происхождении римлян от Цефо, связывала воедино набор библейских этниконов с раннесредневековым миром, в ко-

тором должны были жить и действовать еврейский хронист и его читатели. Она играет в Иосиппоне ту же роль, что и пародирующая молитву Ave Maria новелла о Паулине, в которой проводится мысль о преемстве между греко-римским язычеством и христианством. Реальность такового преемства была для нашего автора не менее, если даже не более, существенна, чем реальность расположения варварских племен на окраинах ойкумены.

Вернемся, однако, к историографии изучения Иосиппона. Вопрос о Кракове и его упоминание нашим автором в качестве независимого славянского этнополитонима привлек внимание К.Т. Витчака к проблеме достоверности этого свидетельства. Перенимая гипотезу Х. Ловмянского о существовании в «Таблице народов» двух этногеографических рядов, в которых автором располагаются различные славянские племена и народности, исследователь предлагает внести в эту схему ряд изменений. К.Т. Витчак датирует сведения Иосиппона о Кракове периодом до 992 г., когда этот город был присоединен к королевству Болеслава Храброго [15. S. 83–84]. Датировка свидетельства Иосиппона, по его мнению, укладывается целиком в период времени между 965–966 гг., когда Краков, по свидетельству Ибрахима ибн Йакуба [16. S. 48], еще принадлежал чешскому государству, и временем завоевания этого города польским королевством (992). Заслуживает внимания попытка К.Т. Витчака связать названия из так называемого «первого ряда» славянских этниконов Иосиппона с балканскими хорватами, сербами, моравой и захлумскими лучанами [15. S 80–81].

В построении К.Т. Витчака есть своя логика: этниконы *боймин*, *ляхин* и *кракар*, как их не интерпретируй, могут относиться только к западным славянам. В то время как названиям остальных народов ничто не мешает быть и южнославянскими. Хорваты, сербы, моравы и захлумские лучане располагаются автором Иосиппона от границ болгар до Венеции. Хотя логично было бы предположить, что средневековый еврейский хронист имел в виду именно западную границу болгарских владений, географическое расположение этой границы им не указано.

Еще одним направлением изучения Иосиппона стало исследование его связей с литературной традицией восточноевропейских народов. Одним из первых шагов в этом направлении стало исследование Н.М. Мещерским статьи 1110 г. Ипатьевского списка ПВЛ [17. Стлб. 260–264]. Он пришел к выводу, что помещенное в ней летописное сказание о посещении Александром Македонским Иерусалима было составлено с использованием отрывка из древнерусского перевода Иосиппона. На этом основании он предложил датировать перевод началом XII в. [18. С. 63–64; 66–67].

В.Я. Петрухин, отталкиваясь от вывода Н.М. Мещерского о существовании древнерусского перевода Иосиппона к началу XII в., выдвинул предположение о возможности опосредованного влияния еврейского хронографа на этногеографические представления автора ПВЛ [19. С. 25–27]. В.Я. Петрухин обращает внимание на сходство в описании Руси в летописной «Таблице народов» и в Иосиппоне: в обоих случаях происходит повтор этника *русь* при описании этнического происхождения и географического местоположения народа [19. С. 27; 20. С. 55].

Разделяя мнение Д. Флюссера о том, что список славянских народов Иосиппона в целом соответствует реалиям IX–X вв. [19. С. 30; 20. С. 55], В.Я. Петрухин связывает общие черты в этнографических и космографических пред-

ставлениях еврейского средневекового хрониста и древнерусского летописца с существованием какой-то третьей традиции, на которую могли опираться оба автора. С точки зрения В.Я. Петрухина, это могла быть «некая кирилло-мефодиевская традиция» [19. С. 31].

Кирилло-мефодиевская традиция, действительно, оказала влияние на ряд источников IX–XI вв., в которых имеются различные сведения о расселении восточноевропейских и, в первую очередь, славянских народов. В Италию, на родину автора Иосиппона, кирилло-мефодиевская традиция была перенесена во второй половине IX в. самими солунскими братьями, о чем свидетельствуют их жития (ЖК XVII, ЖМ VI–VIII) и «Итальянская легенда» [21. С. 16–18, 22. Р. 120]. Однако есть основания и для сомнений в такой интерпретации славянских известий Иосиппона. Сомнения эти могут быть связаны не только с различиями конфессионального характера, но и с отсутствием перечня славянских народов в древнейшем еврейско-арабском переводе книги.

В 1991 г. израильская исследовательница Ш. Села опубликовала обстоятельное исследование арабской версии Иосиппона, в котором пришла к выводу о преимущественном влиянии арабских источников на происхождение самой книги и, в особенности, ее арабского перевода. Ш. Селе удалось показать, что история уже знакомого нам Цефо в арабском Иосиппоне по ряду черт и сюжетных мотивов близка легендам об Исаве и его взаимоотношениях с Иаковом в арабо-мусульманском сборнике «Повествования о пророках» (Qisas al-anbiya), сохранившемся в редакциях X и XI вв. С мусульманской литературой арабский перевод Иосиппона роднит именование Иосифа и Иакова как пророков, не имеющее параллелей в еврейской традиции. Это обстоятельство, действительно, может служить серьезным доводом в пользу того, что мусульманские источники могли, по меньшей мере, оказать серьезное влияние на складывание еврейского хронографа [1. Р. 141–143]. Такой взгляд полностью противоречит точке зрения Д. Флюссера на Иосиппон, как на произведение, созданное одним автором на протяжении достаточно короткого периода времени с использованием, главным образом, еврейских и латинских источников.

Критерием, по которому арабская версия может сравниваться с латинской историей псевдо-Хегезиппа и еврейским Иосиппоном, закономерно выступает лексика, используемая автором источника, и орфография написания иноязычных личных имен и названий. Не будучи арабистом, Д. Флюссер в свое время постулировал, что в арабском переводе Иосиппона (в данном случае он имел в виду сравнительно позднюю христианскую рукопись XIV в.) сохранена орфография еврейского оригинала. Ш. Селе, однако, удалось показать, что влияние на арабскую версию Иосиппона со стороны источника, написанного в арабской графике, было, по меньшей мере, возможным. Исследовательница отмечает черты влияния арабского языка по преимуществу на начальные фрагменты Иосиппона, в том числе и на историю Цефо. Эней, к которому в Карфагене поступает на службу Цефо, обозначен во второй главе еврейского Иосиппона как נְאִיָּן , в то время как в 77-й главе имеется более правильное написание – נְאִיָּן [12. Р. 11, 355]. Подобная ошибка, объясняет Ш. Села, могла возникнуть только под влиянием орфографии арабского источника. Буква *гимел* соответствует здесь арабской *гайн*, что представляет собой характерное явление для еврейско-арабского языка [23. Р. 8]. Однако, орфография, например, имени Веспасиана ($\text{בְּסֵפְטִיָּנוֹס אֶסְטִיָּנוֹס}$ в еврейском Иосиппоне и $\text{بِسْفَتَانُوسَ اِسْتَانُوسَ}$ в арабском) может отражать как написание в арабском ис-

точнике, на который опирался создатель арабской версии памятника, так и произношение араба или арабоязычного еврея. В этом случае буква *ба* употребляется для обозначения отсутствующей в арабском языке фонемы «п». Однако все это лишь фрагментарные примеры. Более полной статистики, которая могла бы опровергнуть построения Д. Флюссера, Села не приводит, хотя и отмечает в своем исследовании наличие в тексте еврейского Иосиппона ряда арабизмов: например, использование глагола *плэ* в значении завоевывать или этимологизацию названия города Иерихон от арбского *рих* – ветер [23. Р. 31; 12. Р. 155, 175]. В результате вопрос о связи между еврейской и арабской версиями на уровне языка остается по-прежнему неразрешенным. В дальнейшем, выбрав для сравнения отрывок из «Таблицы народов» еврейского и арабского Иосиппона, содержащий список потомков Тогармы, мы увидим наличие гебраизмов в арабской версии «Таблицы народов».

Рукописи Иосиппона на еврейско-арабском языке в целом сохранились хуже, чем рукописи, обращавшиеся в христианской традиции, главным образом в литературе коптской церкви. В отличие от коптских рукописей, в Генизе не представлен полный или датированный текст арабского Иосиппона, однако в ряде случаев именно во фрагментах из Генизы сохранились первоначальные чтения [23. Р. 56–57]. Тем не менее, на основании даже этого небольшого фрагмента все же можно сделать некоторые выводы о характере связи между еврейской и арабской версиями «Таблицы народов». Попробуем сопоставить два варианта этого перечня.

Список потомков Тогармы из арабского Иосиппона [23. Р. 303]	Список потомков Тогармы из еврейского Иосиппона [24. Р. 4–5]
Тогарма – это десять племен: ал-хазар, ал-б-цинак, ал-лан, ал-б-лгар, з[...], б-тирах, ки[...], ун[г]ар, исуах, т-лмиц. Все они живут в северной стороне, и имена местностей, где они находятся, соответствуют их именам. Часть их живет на реке [Ат]иль, [но] ал-б-лгар, ал-б-цинак и унгар живут на реке ал-Да-у-ба.	Тогарма – это десять родов: кузар, пицинак, алан, болгар, канбина, буз, турк, захух, у-гр и толмац. Все они живут на севере и их страны называются по их именам, и живут они на реке Итиль. Но болгар, п-цинак и уг-р живут на большой реке, называемой Дануви, или Дунай.

Сходство фрагмента из Генизы с вариантом, имеющимся в еврейском Иосиппоне, поразительно. Названия народов «ал-хазар», «ал-б-цинак», «ал-лан», «ун(г)ар», талмиц, «ал-булгар» легко узнаются в арабской версии, хотя идентификация пятого, шестого и седьмого этнонимов не ясна [23. Р. 303–304]. Порядок первых четырех этнонимов одинаков в обеих версиях. В остальном между ними есть хоть и небольшие, но, в целом, достаточно существенные различия.

Интересно различие в обозначении хазар. В еврейском Иосиппоне этот этноним фигурирует в форме «кузар» (или «козар»), возникшей в процессе изменений текста еврейско-хазарской переписки в рукописной традиции. Арабский Иосиппон такого написания данного этнонима еще не знает. В нем употребляется форма *ал-хазар*, что соответствует не только обозначению этого народа в арабской историко-географической литературе, но также и в легендах на монетах хазарского чекана [25. Р. 226–227] в послании Хасдая ибн Шапрута и связанных с ним документах [26. С. 14; 27. Р. 10, 22; 28. С. 127–128]. Эт-

никон *хазары* в форме «кузарим» в еврейской литературе впервые появляется в «Книге времен» Йехуды бен Барзиллая [26. С. 126–127].

Ш. Села делает достаточно удовлетворительную попытку дать объяснения нескольким этнонимам из «Таблицы народов» еврейского Иосиппона. Так, по ее мнению, название народа *пшк* (исуах) в арабской версии является искажением *שכך* (сакух), а последующая перемена мест между буквами *шин* и *каф* дает в итоге искомый вариант *kswkh*. А дальше в нем уже нетрудно узнать «касах» или касогов русских летописей [24. Р. 303], что соответствует *קזח* (захух) еврейской версии. Наконец, не интeрпретированный Д. Флюссером этникон *כנבנה* (канбина) Ш. Села объясняет, заменив первый *нун* на *цаде* или *самех*. Таким образом, получается *כנבנע* (касбина), происходящее от *κασιπιοι* античных и ранневизантийских источников [23. Р. 304]. Также интересно, что этот этноним *כנבנה* (касбина) единственный в еврейском Иосиппоне может быть объяснен, исходя из арабской графики, где ошибка в расстановке диакритических точек приводит к замене буквы *са* на *нун*.

Однако, по нашему мнению, написание остальных этнонимов «Таблицы народов» свидетельствует о переводе с иврита на арабский, а не наоборот. Например, печенеги в арабском Иосиппоне обозначаются как «ал-бцинак», что является простой транслитерацией еврейского «пицинак» вместо нормативного арабского «ал-баджнак» (ср. у Ибраhима ибн Йакуба – ал-Баджанакия) [16. С. 6]. Происходит типичная в случае перевода с иврита на арабский замена еврейской буквы *ле* на арабское *ба*. Тем не менее автор арабской версии не только пишет «ал-б-цинак» через *ба*, но и сохраняет еще букву *цаде*. Последняя соответствовала арабской букве *сад*. В источниках, тексты которых написаны в арабской графике, нет ни одного случая написания этнонима «печенеги» через букву *сад*. Для этого всегда употреблялась буква *джим*. Единственным исключением из правила является арабский (христианский) перевод Иосиппона, который в этом плане зависит от еврейского текста [29. Р. 17; 4. С. 73]. В любом случае, если бы еврейскому переводчику было известно традиционное в арабской географической литературе обозначение печенегов, то он бы, наверняка, его использовал.

Дунайские болгары в арабской историко-географической литературе еще со времен ал-Фазари (конец VIII в.) традиционно именуется «бурджан» [30. С. 510]. Близкое по форме к Иосиппону написание этникона *болгары* имеется у ал-Масуди (ал-бургар, с вариантом «ал-булгар» [31. Р. 67] и у Ибраhима ибн Йакуба (ал-балкарин) [16. С. 1]. Так что наличие в арабском переводе Иосиппона формы «ал-булгар», как и в случае с печенегами, соответствующей орфографии еврейского оригинала, также свидетельствует о переводе с иврита.

Сопоставление списков сыновей Тогармы в еврейском и арабском Иосиппонах позволяет прояснить некоторые особенности географических представлений нашего автора. Прежде всего, при сопоставлении еврейской и арабской версий хорошо заметно, что потомки Тогармы располагаются автором источника на севере, или, точнее, относительно его родины – южной Италии – на северо-востоке. При этом все эти народы локализируются хронистом в Прикаспийском и Причерноморском регионах, между нижней Волгой и средним Дунаем. Названия тогармских народов в арабском Иосиппоне, как в варианте из Генизы, так и в тексте, опубликованном А.Я. Гаркави, близки друг другу. Совпадают между собой этниконы, идентифицируемые с хазарами, болгарями, печенегами и аланами. Этниконы *талмис* (طلميس) и *фитрах* (فيطرح), имеющиеся

в поздних христианских рукописях Иосиппона также имеют свои параллели в тексте еврейско-арабского Иосиппона из Генизы – т-лмиц (טלמיץ) и б-тирах (בטירח) [23. Р. 304; 4. С. 73].

Относительно свидетельства Иосиппона о славянских народах Ш. Села приходит к достаточно разумному выводу о том, что оно представляет собой позднюю вставку, появившуюся в рукописной традиции еврейского Иосиппона уже после того, как арабский перевод был выполнен. В позднейшей христианско-арабской рукописи Иосиппона, как и во фрагментах его арабской версии из Генизы, текст «Таблицы народов» заканчивается на описании потомков Доданим, что Ш. Села справедливо объясняет наличием в этом месте еврейского текста поздней приписки: *we-gam* *moğawa...* (Также и морава...), после которой следует перечень славянских народов [22. Р. 55].

Однако и Села не смогла устоять перед соблазном датировать список славянских этниконов Иосиппона. Исследовательница принимает свидетельство еврейского Иосиппона о народе *морава* за упоминание Великоморавского княжества. При таком понимании текста источника действительно приходится утверждать, что Иосиппон был написан еще до 906 г. – даты гибели этого государства. В результате возникает соблазн предположить, что приписка, содержащая информацию о славянах, появилась в тексте источника незадолго до 906 г., а сам текст был написан еще раньше [22. Р. 20]. Д. Флюссер обходит эту проблему, утверждая, что весь список славянских народов представляет собой информацию, восходящую к источникам IX в. [12. Р. 8]. На наш взгляд, и точка зрения Селы, и мнение Флюссера не совсем корректны.

Бесспорно, конечно, что Великоморавское государство в начале X в. было уничтожено венграми, хотя славянское население на его территории сохранялось, в особенности на землях современной Моравии, бывших ядром этого государства [32. С. 168–169; С. 399–400]. Кроме того, часть территории Великой Моравии, не занятая венграми, продолжала называться Моравией, и это название использовалось впоследствии в источниках X–XI вв. Сведения о ней имеются в недатированной части «Повести временных лет» и в летописной статье 6406 г. (898), куда она была заимствована из «Сказания о переложении книг на славянский язык», реконструированного А.А. Шахматовым и датированного им 898–906 гг. [33. С. 81, 84]. В последующие столетия «Сказание» использовалось как источник сведений по древнейшей истории славянских народов и славянской азбуки. В этом качестве оно уже в XI в. попало на Русь и, вслед за тем, вошло в состав «Повести временных лет» [33. С. 86; 34. С. 269–281]. Из «Сказания о переложении книг» в «Повесть временных лет» вошел также известный пассаж о расселении славянских народов и, в том числе, моравы: «И отъ техъ Словен разидошася по земли и прозъвашася имены свои, къде седъше на которомъ месте. Волохомъ бо нашъдъшемъ на Словены на Дунаискыя и седъшемъ и насилящемъ имъ, Словене же ови прешъдъше седоша на реце именьмъ Морава и прозъвашася Морава» [33. С. 90; 35. С. 8].

О Моравии, как о реально существующей стране, говорят также польские и чешские источники XI–XII вв. – «Хроника» Галла Анонима [36. С. 27] и «Чешская Хроника» Козьмы Пражского [37. С. 151]. Так что из текста Иосиппона напрямую не следует, что имелось в виду именно Великоморавское государство. Говоря о принадлежности Моравы к потомкам Ханаана (или Доданим), еврейский автор имеет в виду именно народ, а не политическое объединение.

Похожим образом обстоят дела с большинством других славянских этниконов Иосиппона. Почти каждый из них хоть раз да встречается в каком-нибудь из письменных источников, восходящих к X–XI вв. Славянские этнонимы и этнополитонимы Иосиппона встречаются и у таких информированных авторов, как еврейско-арабский путешественник Ибрахим ибн Йакуб, рассказ которого дошел в виде, переработанном ал-Бакри [38. С. 34–38], и Константин Багрянородный. Последнему известны и хорваты и сербы, причем как на юге – на Балканах, так и на севере – «по ту сторону Турции» (т.е. за владениями венгров) [32. С. 52–53, 134–136, 336–337. Ср. 39. С. 67–69].

Этнимон *боймин* (בוימין) образован средневековым еврейским хронистом от традиционного для западноевропейской литературы обозначения чехов, к которому им было присоединено славянское окончание, обозначающее племенную принадлежность. Обозначение Чехии как Богемии встречается уже в середине IX в. в «Баварском географе» в форме *Beheimare* [40. S. 111]. В конце X в. у Ибрахима ибн Йакуба чехи или богемцы обозначаются как «бой-м-х» (בוימין) [16. S. 60–61].

Этнимон לנדיז соответствует обозначению поляков их южными и восточными соседями [32. С. 316–317]. Однако отождествление последних с лендзянами (*lendizi* «Баварского географа») [41. S. 52], литчиками (*Литки*) Константина Багрянородного и лицикавиками (*Licicaviki*) Видукинда Корвейского остается проблематичным [32. С. 149–151; 383–385]. Во всяком случае, этнимон *ляхи* не встречается в письменных источниках до середины XI в. (ср. употребление прилагательного «лядский» в Новгородской первой летописи) [42. S. 12].

Этнополитоним *Краков*, создавший столько проблем в польской историографии Иосиппона, также не является анахронизмом. Однако если флюссеровская датировка нашего хронографа верна, то упоминание Иосиппона о Кракове снова является древнейшим. Константин Багрянородный, наиболее информированный современник нашего автора, еще не знает о существовании этого города. Ибрахим ибн Йакуб, которому уже известно о падении Хазарии и об Оттоне I, как императоре (965), называет этот город *مراوا* [16. S. 1].

Таким образом, можно отметить, что большинство перечисленных нашим автором этниконов встречаются в письменных источниках X в., хотя некоторые из них известны только начиная с его второй половины или даже с XI в. Существуют основания сомневаться в интерпретации этого известия как Ш. Селой, так и Д. Флюссером, так как, перечисляя потомков сыновей Яфета, Иосиппон говорит именно о народах, а не о государствах. Наряду с этим существуют известные трудности, не позволяющие датировать часть свидетельств Иосиппона о славянских народах X в. Так что приходится принять предположение Селы о том, что список славянских народов является более поздней припиской.

Остается, однако, вопрос о том, как возникла эта приписка. Если она появилась под пером одного из переписчиков Иосиппона, а не его автора, то тогда она отстоит еще дальше по времени от кирилло-мефодиевской традиции. Если же речь идет о еще более позднем периоде, чем время жизни нашего автора (по Д. Флюссеру, середина X в.), то возникновение данной приписки могло быть связано с обращением текста Иосиппона в рукописной традиции евреев Западной Европы, к которой и восходят дошедшие до нас наиболее ранние и полные рукописи Иосиппона, включая обнаруженную Д. Флюссером рукопись 1282 г.

Славянские земли были известны евреям Германии и северной Франции благодаря системе торговых связей, осуществлявшихся за счет экономической деятельности общин. Экономическая активность западноевропейских евреев способствовала развитию межобщинных культурных связей, благодаря которым информация о ранее неведомых землях Восточной Европы включалась в контекст традиционной еврейской учености. Обратимость этого культурного и экономического обмена состояла в том, что, с одной стороны, еврейские общины или небольшие торговые колонии распространялись все дальше на восток по пути «из немец в хазары», в то время как ученики из восточных земель отправлялись учиться в йешивы Германии и северной Франции, принося туда сведения о Восточной Европе [43. S. 89]. Результатом процесса стало «освоение» этих стран раввинистической мыслью с точки зрения историографических и космографических представлений.

Знакомство западноевропейских еврейских авторов с Восточной Европой отразилось в хронографических и исторических произведениях, сборниках рефератов, талмудических и библейских комментариев, созданных учеными Ашкеназа, часть из которых была связана с историей книги Иосиппон. Первым в их ряду следует назвать рабби Гершома, которым, как мы помним, был переписан протограф обнаруженной Флюссером иерусалимской рукописи 8^o41280 – древнейшей полной датированной рукописи Иосиппона. Кроме того, уже у Гершома, как и в Иосиппоне, славянский язык называется ханаанским [43. S. 26–27].

Название реки Дунай, в том же славянском произношении и в той же орфографии (דנאב), что и у Иосиппона, имеется у Калонимуса бен рабби Шабтая, уроженца Рима, прожившего, однако, значительную часть своей жизни на севере, в прирейнских землях [43. S. 63–64]. Это известие можно связать и с влиянием Иосиппона, однако следует помнить, что в арабском переводе из Генизы этой глоссы еще нет, а Дунай называется «ал-Дауба» [24. P. 304]. Кроме того, эта глосса имеет западнославянское происхождение, так как в южнославянских языках упомянутая река называется «Дунав» [44. С. 41].

Наконец, ряд славянских глосс существует и в комментариях рабби Шломо Йицхаки, известного еврейской средневековой традиции под акронимом Раши. Раши был в числе корреспондентов Йерахмиэля бен Шломо, автора «Хроники Йерахмиэля», в составе которой и сохранился древнейший вариант «Таблицы народов» Иосиппона вместе с интересующим нас известием о славянах [45. P. 368, 376; 10. P. 135].

Все это может служить еще одним доказательством появления списка славянских этниконов не в древнейшей редакции Иосиппона, с которой был сделан арабский перевод, а в результате последующего развития рукописной традиции. Анализ двух приведенных в этой статье отрывков из «Таблицы народов» свидетельствует в пользу первоначальности еврейского оригинала. С другой стороны, есть немало свидетельств того, что Ur-text Иосиппона был значительно более арабским, чем это представлялось Флюссеру и исследователям XIX – первой половины XX в.

Дальнейший прогресс в изучении Иосиппона может быть достигнут благодаря подготовке критического издания его арабской версии и нового исследования еврейского оригинала с учетом всех вариантов арабского перевода. Необходимо комплексное сравнительное исследование языка еврейского и арабского Иосиппона, вместе с предшествовавшими им латинскими и арабскими

памятниками, так как только оно может дать ответ на вопрос о первоначальности одной из версий нашего источника.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Sela Sh.* The Genealogy of Sefo (Σοφορ) ben Elifaz. An Importance of a Genizah Fragment for Jossipon's History // Genizah Research after 90 Years. The Case of Judaeo-Arabic. Papers Read at the Third Congress of the Society for Judaeo-Arabic Studies. Cambridge, 1992.
2. *De Rossi A.* The Light of Eyes. New Haven; London, 2001.
3. *Vixtorf J.* Liber Cosri. Basle, 1666.
4. *Гаркави А.Я.* Сказания еврейских писателей о хазарах и о хазарском царстве. СПб., 1874.
5. *Флюссер Д.* Книга Иосиппон. Иерусалим, 1980. Т. 2 (на ивр.).
6. *Флюссер Д.* Автор Книги Иосиппон, его личность и эпоха // ЦИОНТ. 1953. Т. 18 (на ивр.).
7. *Флюссер Д.* Автор Книги Иосиппон как историк // Место истории евреев во всемирной истории. Иерусалим, 1973 (на ивр.).
8. *Flusser D.* Der lateinische Josephus und der hebräische Josippon // Josephus – Studien. Göttingen, 1974.
9. *Flusser G.* Zpráva o Slovanech v hebrejské kronice z X století // Český Časopis Historický. Praha, 1949.
10. *Reiner J.* The Original Hebrew Yosippon in the Chronicle of Jerahmeel // Jewish Quarterly Review. 1969. Vol. 60. № 2.
11. *Йасиф Э.* Книга памятных событий или Летопись Йерахниэля. Тель-Авив, 2001 (на ивр.).
12. *Флюссер Д.* Книга Иосиппон. Иерусалим, 1978. Т. 1 (на ивр.).
13. *Lewicki T.* Josippon // Słownik starożytności słowiańskich. Warszawa; Wrocław; Krakow, 1965. Т. 2. Cz. 2.
14. *Lowmiański H.* Początki Polski. Warszawa, 1963. Т. 2.
15. *Witczak K.T.* Ludy i państwa słowiańskie w Tzw. Księdzie Josippon // Slavia antiqua. 1993. Т. 34.
16. *Kowalski T.* Relacja Ibrahima ibn Jakuba z podróży do krajów słowiańskich w przekazie al-Bekriego. Kraków, 1946.
17. Полное собрание русских летописей. СПб., 1908. Т. 2.
18. *Меуцерский Н.А.* Отрывок из книги Иосиппон в «Повести временных лет» // Палестинский сборник. Л., 1956. Вып. 2 (64–65).
19. *Петрухин В.Я.* Начало этнокультурной истории Руси. М.; Смоленск, 1995.
20. *Белова О.В., Петрухин В.Я.* «Еврейский миф» в славянской культуре. М.; Иерусалим, 2008.
21. *Флоря Б.Н.* Сказания о начале славянской письменности. СПб., 2004.
22. Magni Moraviae Fontes Historici. Brno, 1967. Т. 2.
23. *Села Ш.* Книга Иосиппон и параллельные ей источники на арабском и еврейско-арабском языках. Тель-Авив, 1991. Т. 1. Введение (на ивр.).
24. *Села Ш.* Книга Иосиппон и параллельные ей источники на арабском и еврейско-арабском языках. Тель-Авив, 1991. Т. 3. Корпус фрагментов книги Иосифа бен Гориона из Каирской генизы (на ивр.).
25. *Kovalev R.* Creating Khazar Identity through Coins: the special issue Dirhams of 837/8 // East and Central Europe in the Middle Ages / Ann Arbor, 2005.
26. *Кокочов П.К.* Еврейско-хазарская переписка в X в. Л., 1932.
27. *Mann J.* Texts and Studies in Jewish History and Literature. Cincinnati, 1931.
28. *Голб Н., Прицак О.* Хазарско-еврейские документы X в. М; Иерусалим, 2003.
29. *Cardona G.* I nomi dei figli di Togarmah secondo il Sepher Yosephon // Rivista degli studi orientali. Roma, 1966. Vol. 41.
30. Свод древнейших письменных известий о славянах. М., 1995.
31. al-Masûdî. Kitâb at-Tanbîh wa'l-Ischrâf // Bibliotheca Geographorum Arabicorum. Leiden, 1894. Т. 8.
32. *Константин Багрянородный.* Об управлении империей. М., 1989.
33. *Шахматов А.А.* Повесть временных лет и ее источники // ТОДРЛ. М.; Л., 1940. Т. 4.
34. *Рогов А.И.* Великая Моравия в письменности Древней Руси // Великая Моравия. Ее культурное и историческое значение. М., 1985.
35. Повесть временных лет. СПб., 1999.

36. *Галл Аноним*. Хроника и деяния князей или правителей польских / Пер. с лат. Л.М. Попова. М., 1961.
37. *Козьма Пражский*. Чешская Хроника / Пер. с лат. Г.Э. Санчук. М., 1962.
38. *Мишин Д.Е.* Сакалиба (славяне) в исламском мире в ранне средневековье. М., 2002.
39. *Майоров А.В.* Константин Багрянородный о происхождении и ранней истории хорватов // *Rossica Antiqua*. 2006. Т. 1.
40. *Lowmiański H.* Studia nad dziejami Słowiańszczyzny, Polski i Rusi w wiekach średnich. Poznań, 1986.
41. *Lowmiański H.* Lędziane // *Słownik starożytności słowańskich*. Warszawa; Wrocław; Kraków, 1967. Т. 3. Cz. 1.
42. *Wasilewski T.* Lachowie // *Słownik starożytności słowańskich*. Warszawa; Wrocław; Kraków, 1967. Т. 3. Cz. 1.
43. *Kupfer F., Lewicki T.* Źródła hebrajskie do dziejów słowian i niektórych innych ludów Środkowej i Wschodniej Europy. Wyjanki z pism religijnych i prawniczych XI–XIII w. Warszawa; Wrocław, 1956.
44. *Назаренко А.В.* Русь и Германия в IX–X вв. // Древнейшие государства Восточной Европы. М., 1994.
45. *Neubauer A.* Yerahmeel ben Shelomo // *Jewish Quarterly Review*. 1899. Vol. 11.



© 2009 г. Т. Л. ВИЛКУЛ

ИЗВЕСТИЕ «ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ»
О ЛЮБЕЧСКОМ СНЕМЕ 1097 года:
ИНТЕРПРЕТАЦИИ И ОШИБОЧНЫЕ ЧТЕНИЯ

«Снем» князей в Любече, состоявшийся в 6605/1097 г., традиционно считают одним из важнейших княжеских съездов. Князьям приписывают реформаторские устремления, весьма существенно повлиявшие на политическое развитие Руси. По общему мнению, на снеме была принята система отчин – наследственных владений потомков Ярославичей – и установлено новое распределение княжеских волостей [1. С. 139; 2. С. 90–91; 3. С. 52–55, 61–62; 4. С. 37–39, 198; 5. С. 12; 6. С. 475–476; 7. С. 281–283]. Часть исследователей строго разграничивает отчины старших сыновей Ярослава Мудрого – Изяслава, Святослава и Всеволода, – перешедшие к их детям, и остальные «держания», полученные младшими князьями от Всеволода Ярославича [3. С. 53–54; 4. С. 38–39; 8. С. 181]. В других работах, наоборот, не делается никаких различий между отчинами и держаниями¹. Пишут также о том, что после Любечского съезда на смену лествичной системе занятия престолов пришло династическое правление [9. С. 158–159]². Иногда в снеме вообще отказываются видеть значительное событие [10. С. 230–233] – в основном из-за того, что в том же 1097 г. снова началась борьба за передел земель и принятые решения сразу были нарушены, а сам снем более никогда нигде не упоминался.

Любечские постановления, как и большинство документов княжеских снемов древнерусского времени, до нас не дошли, но зафиксированы в «Повести временных лет» (ПВЛ). Однако ее известие краткое и местами невразумительное. Отвлекаясь от спекуляций по поводу изменений в древнерусской политической системе, можно заметить, что в летописи практически не разъяснены конкретные вопросы. Прежде всего – какие земли понимались под «отчинами», что, соответственно, провоцирует самые разные истолкования. Не говоря о том, насколько разнообразно историки распределяют волости троих Святославичей [11. С. 108–109; 12. С. 14–20], нет единого мнения и по поводу Святополка Изяславича. А ведь это единственный из старших князей-«отчин-

Вилкул Татьяна Леонидовна – канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института истории Украины НАН Украины.

¹ Например, М.С. Грушевский писал об отчинах Давыда Игоревича и Ростиславичей [2. С. 101], а именно об этих князьях летописец сообщает, что они получили свои «городы» (волости) от Всеволода.

² Имеется в виду, что с этого момента власть переходила от отца к сыну. Иное мнение см., напр., [4. С. 39; 7. С. 281–283].

ников», чьи границы владений хоть сколько-нибудь уточняются. Считают, например, что распределение волостей имело в виду только одно поколение и не распространялось на потомков князей [13. С. 192–193], что линия Изяслава получала наследственное право на Киев [2. С. 108–109; 3. С. 62; 4. С. 39], что права Святополка были умалены, так как ранее он владел Киевом и Новгородом, а теперь за ним закреплялся только Киев [2. С. 91; 14. С. 19], что смысл постановлений был в удалении от Киева Святославичей, de jure не имевших на столицу прав [7. С. 282]³...

Придавая смысл тем или иным положениям Любечского снема, исследователи опираются преимущественно не на текст списков ПВЛ, а на конъектуры, предложенные отечественными летописеводами. На оригинальные чтения летописи обращают минимум внимания. Правда, уже Н.М. Карамзин писал, что чтения всех списков неудовлетворительны [15. Т. 2. прим. 179]. А.Е. Пресняков также приводил текст ПВЛ, «как он нам дан», помещая реконструкции в скобках со знаком вопроса, и сделал беглый обзор разночтений. Ученый отметил, что здесь в обеих редакциях ПВЛ ошибки, и «порча текста очень стара» [2. С. 52, 55, прим. 121]. Но после издания А.Ф. Бычковым Лаврентьевской летописи [16] историки, как правило, молчаливо принимают конъектуры, не обращаясь к оригинальным текстам⁴. Как можно заметить, несколько темных мест содержится именно в той части известия о Любечском снеме, где фиксируется распределение волостей в интересах детей трех Ярославичей: Изяслава, Святослава и Всеволода. Ср. в Ипатьевском списке [17. Т. 2. Стб. 231]⁵:

Да нѣтъ ѿселѣ имѣмьса по едино срѣце . и съблюдѣмь Рускую землю . кождо [да] держитъ ѡ[т]чину свою . Стополку [Стополкъ] Киевъ Изяславль . Володимеръ . (?) Всеволожь . Дѣвдъ и Ѡлегъ . Ярославъ . (?) Стославъ . [а и]мь же раздалъ Всеволодъ города . Дѣвди Володимеръ . Ростиславичема Перемышьль . Володареви Теревовл[ь] . и Василкови.

Чтобы исправить невнятности и грамматические несогласования, было предложено несколько конъектур. По мнению А.Ф. Бычкова и Д.С. Лихачева, текст протографа должен был выглядеть так: «...кождо да держитъ отчину свою: Святополкъ – Киевъ Изяславлю, Володимеръ – Всеволожоу, Давыдъ и Олегъ и Ярославъ – Святославлю». А.А. Шахматов предложил читать иначе: «...Святополкъ – Киевъ Изяславль, Володимеръ – Всеволоже, Давыдъ и Ольгъ и Ярославъ – Святославле» [18. Р. III. Р. 1960–1962 (строки ПВЛ 256.31–257.3)]. Недавно Дональд Островски представил свой вариант и решил вернуться к чтению большинства списков ПВЛ (добавив только одну незначительную поправку): «Святопѣлку Киевъ Изяславль, Володимеръ Всеволожь, Давыдъ и Ольгъ и Ярославъ Святославъ». Как правило, в исторических работах текст ПВЛ цитируется в соответствии с конъектурой Бычкова–Лихачева, поскольку исправления Д.С. Лихачева вошли в издание ПВЛ [19].

Надо сказать, шахматовский вариант, с одним небольшим разночтением, «Изяславль» вместо «Изяславле», восходит к Воскресенской летописи, а текст Воскресенской, в свою очередь, – к более раннему Московскому летописному

³ Имеется в виду, что это было реакцией на самовольный захват города и узурпацию власти их отцом, Святославом Ярославичем, в 1073 г.

⁴ Например, со ссылкой на издание ПСРЛ (т. 1–2), цитируется вариант с конъектурами, предложенными Шахматовым, в [7. С. 281].

⁵ Варианты в квадратных скобках – из других списков, разночтения всех ранних списков см. ниже; здесь и далее проставлены вопросы и подчеркнута мной. – Т.В.

своду конца XV в. «И коиждо да держить отчину свою: Святополк Киевъ Изяславле, Володимиръ Всеволоже, Давыд и Олегъ, Ярослав, Святославле» [17. Т. 25. С. 19; 17. Т. 7. С. 12]. Это очевидное переосмысление темного места. Иные поздние своды также ничего не дают для понимания первоначальных чтений, в них только накапливаются ошибки или делаются попытки истолкования. В Софийской I летописи старшей редакции, например: «Стополкъ Киевъ, Изяславъ, Володимеръ Всеволожъ, Двѣдъ и Олегъ, и Ярославъ, Стославъ» [17. Т. 6. Вып. 1. Стб. 209]. Составитель Никоновской летописи «Изяславль», «Всеволожъ» и «Святославъ» понял как патронимы, и в результате фрагмент вообще утратил смысл: «Стополкъ Изяславич Киев, Владимир Манамах Всеволодичъ, Двѣдъ и Олегъ и Ярославъ Стославичи» [17. Т. 9. С. 129]. В Львовской летописи решение князей прочитано также своеобразно: «Святополкъ же съде въ Киеве, а Давыдъ въ Володимери, Ростиславичема – Перемышль и Володимеру, Тереболюбль и Васильку» [17. Т. 20. С. 99]. Как видим, оно преобразовано в распределение волостей, и владения Мономаха и Святославичей, не поддающиеся по ПВЛ определению, в этом отчете вообще выпущены. В большинстве же поздних сводов, как, например, Новгородской IV летописи, Новгородской Карамзинской, Тверском сборнике, Летописи Авраамки, Владимирском летописце фрагмент отсутствует. Весьма примечательно, что и летописец Московского летописного свода конца XV в., и ученые XIX–XX вв. предложили схожие конъектуры и попытались унифицировать всю конструкцию: либо «Изяславлю... Всеволожо... Святославлю», либо «Изяславле... Всеволоже... Святославле».

Действительно, понять смысл ПВЛ здесь достаточно сложно, поскольку уже в ранних списках летописи – Лаврентьевском, Радзивиловском, Московском Академическом, Ипатьевском и Хлебниковском (далее: Л Р А И Хл) порча текста, и некоторые ошибки общие. Ср. тексты, подчеркнуты важные в смысловом отношении расходящиеся сегменты [17. Т. 1. Стб. 257; 17. Т. 2. Стб. 231; 18. Р. III. Р. 1960–1962]:

Л	Р	А	И	Хл
кождо <u>да</u>	кождо <u>да</u>	кождо <u>да</u>	кождо	къж ^а
держить	держить	держить	держить	дръжит ^т
ѡтчину свою .	ѡтчину свою .	ѡтчинѣ свою .	ѡтчину свою .	ѡтчиноу свою .
стополкъ	стополкъ ^ѹ	стополкъ ^ѹ	стополку	стополкоу
киевъ .	киевъ .	киевъ .	киевъ	киевъ .
изяславль	изяславль .	изяславль	изяславль .	изяславль .
володимеръ	володимеръ .	володимеръ .	володимеръ	волѡ ^и меръ .
всеволожъ .	всеволож ^ѡ .	всеволожъ .	всеволожъ .	всеволож ^ѡ .
двѣдъ и ѡлегъ .	двѣ ^и . и ѡлегъ .	двѣдъ . и ѡлегъ .	двѣдъ и ѡлегъ .	двѣдъ . и ѡлегъ .
и ярославъ .	ярославъ .	ярославъ .	ярославъ .	ярославъ .
и стославъ	стославъ	стославъ	стославъ	стослави

Ни один из списков не дает «наиболее правильного» чтения. В Л, казалось бы, верное «Святополкъ», противостоящее «Святополку» РАИХл. Однако далее только в Л встречаем притяжательное «Володимеръ» против верного «Володимеръ» остальных списков (хотя речь идет о Владимире Мономахе, а не о городе Володимере). И, между прочим, именно в Л Святослав Ярославич полностью уравниен со своими сыновьями: «Двѣдъ и ѡлегъ . и ярославъ . и стославъ» (!). В Ипатьевской редакции пропущено «да» («держить» вместо «да держить»). Только в Хл встречаем «Стослави». Последнее чтение, – по-видимому, поздняя

реинтерпретация⁶. Или же проявление такого вида активности переписчика, как восстановление утерянного ранее сегмента: появление «Стослави» коррелирует с исчезновением подобной формы ранее, ср. «Изяславъ» Хл вместо «Изяславль» остальных списков. Кстати сказать, особенно много таких возвратов к упущенному именно у переписчика Хл. Все другие списки согласно фиксируют «Стославъ», и видимо, это чтение и присутствовало в оригинале. Чтение это явно ошибочное, в чем-то подобная ошибка имеется в Лаврентьевской летописи под 6620/1112 г., где «Всеволодъ» вместо требуемого по смыслу «Всеволодичъ». Речь идет о Мономахе, и порча, как и в нашем случае, также обнаруживается в списке, приводящем длинный ряд княжеских имен [17. Т. 1. Стб. 289].

В протографе, судя по всему, имелись мужские окончания: «Изяславль», «Всеволожь», «Святослав(л)ь» (возможно, в последнем слове было утеряно «л»). Сложнее решить, относится ли к оригиналу «Стополкъ», по Л, или «Стополку», по РАИХл. Первое чтение было принято поздними сводчиками: составителями Софийской I летописи, Московского летописного свода конца XV в. и др. Но эти своды основывались на какой-то летописи Лаврентьевско-Троицкой группы, и потому не могут считаться свидетельствами оригинального чтения ПВЛ. «Святополку», в самом деле, не стыкуется с предыдущей фразой. Нарушено управление, конструкция требует именительного падежа (приблизительный перевод: 'каждый да держит..., а именно: Святополк...'). Однако так могло быть и в протографе, если предположить переделку какого-то более раннего текста о договоре, а в Л – реинтерпретацию переписчика. Ведь, как мы видели, эта версия вовсе не свободна от погрешностей⁷. Косвенно о том, что текст переделывался уже на этапе составления ПВЛ⁸, а не только в

⁶ Возможно, множественное число появилось потому, что переписчик Хл хотел согласовать запись, в которой указано несколько сыновей Святослава.

⁷ Тогда «Святополку» коррелирует с: «Давыдови» и «Ростиславичема».

⁸ В последнее время А.А. Гиппиус предложил вернуться к гипотезе А.А. Шахматова о 3-й редакции ПВЛ в Ипатьевской летописи и многие неувязки в тексте ПВЛ до 1111 г. (по Лаврентьевскому и Ипатьевскому текстам) и 1111–1118 гг. (по Ипатьевскому) считать возникшими в результате этой редакции, датируемой традиционно 1118 г. В том числе, он попытался «расплотить» статью 1097 г. [20. Ч. II. С. 7–12]. При этом запись о Любечском съезде ученый отнес к древнейшему, непереработанному слою. Однако он не привел убедительных аргументов в пользу этой гипотезы. В частности, неувязки Ипатьевской редакции в статьях 1111–1118 гг. корректнее объясняются редактированием составителя Киевского свода, в к. XII – нач. XIII в. [21], вмешавшегося и в текст ПВЛ (напр., [22]). Так, точно те же особенности Ипатьевской летописи наблюдаем в последующих статьях: 1121 г. и далее; множество общих черт сближают статьи 1110-х и 1150–1170-х годов, и т.п. Что касается самой «Повести об ослеплении Василька», помещенной под 1097 г., странно предполагать, что запись об ослеплении Василька (бывшая в «анналистических записях», ведшихся до создания ПВЛ, по-видимому, довольно краткой) распространена одним редактором, а записи об остальных политических событиях того же времени – другим. Основанием для такого «расслоения» послужили для А.А. Гиппиуса отступления от одной подтемы к другой и возвращение к упущенной было мысли. Но это нормальное явление для пространственных летописных повестей, что подтверждают материалы позднейшего летописания XII–XIII вв. Кроме того, как видим, имеются несогласования и в записи ПВЛ о Любечском съезде. Разумеется, вопрос о редакциях ПВЛ – отдельный большой вопрос. Тем не менее, как представляется, для статей до 1111 г., для которых имеем общий текст Лаврентьевской и Ипатьевской группы списков, противоречия и стилистические погрешности этого общего текста следует объяснять работой составителя ПВЛ, а расхождения в списках – последующим бытованием текста начальной летописи. Некоторые данные подтверждают высказанное ранее предположение о существовании только одной редакции ПВЛ [23–25].

процессе бытования списков, свидетельствует несогласование в следующем фрагменте о «держаниях» от Всеволода Ярославича. Во всех списках лишний союз «и»: «Ростиславичема Перемышль . Володареви Теревовль . и Василкови». Скорее всего, вначале было только: «Ростиславичема . Перемышль . Теревовль», а имена «Володареви и Василкови» вставлены механически, из-за чего «и» попало не на свое место. Может быть, имена первоначально были написаны над строкой. Не исключено также, что в текст было добавлено и имя Ярослава Святославича. В старших списках, Л и И, интерпункция следующая: «Давыдъ и **В**легъ . **Я**рославъ» (в Л «и **Я**рославъ», но «и» – добавка Л, в РАИХл отсутствует), тогда как предполагалось бы, наоборот, «Давыдъ . **В**легъ и **Я**рославъ» или же «Давыдъ . **В**легъ . **Я**рославъ».

Исходя из этих наблюдений, можно предположить, что фрагмент был записан с погрешностями в архетипе ПВЛ, от которого отпочковались Лаврентьевская и Ипатьевская редакции. Притом речь, видимо, должна идти не только о механических ошибках или грамматических несогласованиях. Уже обращали внимание на то, что хотя бы приблизительно указана лишь волость Изяслава, а что такое «Всеволожь» и «Святославъ» («Святослав(л)ь»?) – осталось неизвестным. Может быть, смысл был в том, чтобы закрепить «Изяславль Киев» за Святополком и его потомками, и это и составляло основное содержание любечских решений. Так предполагали А.Е. Пресняков, М.С. Грушевский, А.П. Толочко (см. выше). В этом случае привлекательна идея А.П. Толочко о том, что на снеме договаривались о наследственном праве на Киев Святополка и его детей, и Киев определялся как «старший стол» в Руси. В таком случае вполне понятно, почему позднее об этом договоре – глухое молчание. Историческое развитие повернуло не в ту сторону, Святополчици никогда не княжили в Киеве, а потомкам Мономаха и Святославичей помнить прошлые договоренности было ни к чему.

Правда, в летописях повторные упоминания договоренностей вообще крайне редки. Поэтому из «неупоминания» Любеча еще мало что следует. Любопытнее другое – в исходной записи, по всей вероятности, все же отмечались города. Этого требует конструкция фразы с мужскими окончаниями: «Кыевь Изяславль . (?) Всеволожь . (?) Святослав(л)ь». Как правило, в записях ПВЛ 2-й половины XI в. упоминается традиционная тройца городов: Киев, Чернигов, Переяславль. В таком случае может возникнуть мысль, что города вычеркнуты для того, чтобы Мономаха поставить перед Святославичами. Чернигов явно «старше» Переяславля, и при сохранении их названий (например: «Кыевь Изяславль . Переяславль Всеволожь . Черниговъ Святослав(л)ь») такой ход был бы куда более заметен. «Косвенное» указание на старейшинство было невыгодно Мономаху, который «по волости» оставался в то время младше Святополка и Святославичей, а именно при этом князе составлялась или редактировалась ПВЛ⁹.

Тем не менее, процесс, результатом которого стала порча текста, не был, видимо, связан только и исключительно с «тенденциями» летописцев. Картина

⁹ Между прочим, в известии о Любечском снеме Святополк нигде не назван «старейшим», хотя он таковым являлся, что уже отмечалось в литературе [4. С. 38]. Что касается порядка старшинства в отношении Мономаха и Святославичей, как кажется, оно было признанным. В.Я. Петрухин обратил внимание на то, что подобный указанному в ПВЛ смещенный порядок старейшинства: Святополк, затем Владимир Всеволодович, и только затем Святославичи – наблюдается в «Хожении» игумена Даниила, хотя игумен Даниил, по некоторым признакам, был теснее всего связан с Черниговской землей и Святославичами [14. С. 195].

оказывается более сложной. Как можно заметить, в записях ПВЛ 1090–1100-х годов пространные повествования сочетаются с лаконичными известиями. Это, например, известие о смерти Мстислава Ростиславича, внука Изяслава 1093 г.; о смерти Мстислава Святополчича 1099 г.; уходе Мстислава, внука Игоря, от Давыда Игоревича и о снеме в Уветичах 1100 г.; снеме на Золотче 1101 г. [17. Т. 1. Стб. 225–226, 273, 275]. Кроме того, предполагают, что повесть об ослеплении Василька Теребовльского, помещенная под 1097 г., и некоторые пассажи статьи 1100 г. написаны уже после 1112 г., после смерти Давыда Игоревича (обзор мнений и литературу см. [26. С. 92]). В промежутке – краткие записи 1098–1099 гг., дублирующие сообщения «Повести об ослеплении Василька». Кстати сказать, в окончании ПВЛ именно упоминания съездов столь часты, что их порой берут за летописательский образец, хотя на фоне остальных летописей это выглядит как аномалия. Что важно, часть подобных кратких известий снабжена точными датами, и значит, фиксация их более-менее современна событиям¹⁰. Это должно означать, что составитель ПВЛ использовал записи своих предшественников, при этом он работал в основном в технике распространения известий, но некоторые краткие (в том числе, датированные) сообщения помещал наряду с повестями с минимальным согласованием и переработкой.

В нашем случае линия несогласования проходит между понятием «отчина» (вводная часть сообщения о Любечском снеме) и мужскими окончаниями «Изяславль», «Всеволожь», «Святославъ», предполагавшими фиксацию в этом сообщении городов (середина рассказа). Притом как раз начальная часть, где встречается слово «отчина», наиболее «книжная».

Само слово «отчина» также достаточно любопытно. Оно всего дважды упоминается в ПВЛ – первый раз в укорах киевлян Святославу Игоревичу под 968 г. («аще ти не жаль ѡчины своея») [17. Т. 1. Стб. 67], и второй раз собственно в рассказе о Любечском снеме¹¹. В летописях XII в. слово более часто, но только в Лаврентьевском и Ипатьевском сводах¹². В Новгородской I летопи-

¹⁰ В частности, повесть об ослеплении Василька Теребовльского под 1097 г. не имеет точных дат, а краткие сообщения 1098–1099 гг. их имеют.

¹¹ Встречаются также выражения «столь отца его» (в описании событий 1093 г. [17. Т. 1. Стб. 217]), в чем усматривают применение принципа «отчинности» еще до Любечского снема. См. работу А.П. Толочко [4. С. 36], в последнее время эту точку зрения принял А.В. Назаренко [7. С. 282] (ранее ученый против этого положения А.П. Толочко возражал). Такие примеры («столь отьця», «столь отень») я здесь специально не рассматриваю, хотя они также нечасты. Можно только добавить, что при рассмотрении ранних и поздних известий ПВЛ следует учитывать, что ПВЛ составлялась при Мономахе, и в летописи имеются следы вмешательства редактора в текст, прослеживаемые, в том числе, на уровне языка повествования. Опираюсь на доклад А.А. Гиппиуса «Языковая гетерогенность и качество нарратива в “Повести временных лет”», прочитанный на конференции «Комплексный подход в изучении Древней Руси» (Москва, 3 октября 2007 г.). Исходя из сравнения с параллельными ПВЛ текстами, статьи 1090-х годов правились составителем ПВЛ достаточно кардинально [27]. При этом, как известно, древние историки и хронисты часто не только отыскивали, но и придумывали прецеденты современной им действительности, как бы освящая реальность «старинной». См., например, [28. С. 115, 301].

¹² Общие для двух сводов упоминания: [17. Т. 1. Стб. 307 – Т. 2. Стб. 305; Т. 1. Стб. 309 – Т. 2. Стб. 310; Т. 1. Стб. 326 – Т. 2. Стб. 392; Т. 1. Стб. 329 – Т. 2. Стб. 405; Т. 1. Стб. 345 – Т. 2. Стб. 478; Т. 1. Стб. 357 – Т. 2. Стб. 555]. Только в Лаврентьевской встречается: [17. Т. 1. Стб. 412, 415]. Только в Ипатьевской [17. Т. 2. Стб. 299, 310, 342, 342-343, 384, 409, 410, 444, 474, 496, 500, 538, 573, 574, 578, 607, 611, 647, 660, 663, 665, 676, 688, 698].

си за XII в. оно отсутствует, что является известным показателем его книжного характера. Здесь оно встречается только с XIII в. Причем, если записи Новгородской I за XII в., в основном, демонстрируют образцы формульного лаконичного летописного стиля, то в статьях XIII в. появляются пространные повествования. Именно в них и отмечено «отчина»: в статьях 6718/1210 г., 6722/1214 г., 6723/1215 г., 6763/1255 г. и 6778/1270 г. [29. С. 51, 53, 54, 81, 89]. Кстати, первое же упоминание в статье 6718 г. в речи Мстислава Мстиславича: «Жаль ми своя отчины» – потом повторено в речах иных князей, что означает, что позднейшие летописцы брали предыдущие статьи именно как литературный образец. «Отчина» может появляться в агиографических и гомилетических сочинениях (у И.И. Срезневского и в СДРЯ названы Изборник 1073 г., Пандекты Никона Черногорца, Слова Григория Богослова, Толковая Палея, жития и др.) [30. Т. II. Стб. 830–831; 31. Т. 6. С. 312], см. также [32. С. 436–437]. Обычно считают, что в описании Любечского снema «отчина» употребляется в «светском» значении, и это один из наиболее ранних для древнерусских памятников случай, когда слово не есть перевод πατήρ и под., а обозначает «владения/волость отца»¹³. Однако примечательно совпадение идей вводной части рассказа о Любечском снeme и фрагмента паримейных чтений о св. Борисе и Глебе. В Паримейнике слово «отчина» встречается в чтении на 24 июля, озаглавленном «От Бытия»¹⁴. Правда, в некоторых списках «отчина» заменяется на «отечество» [34. С. 451], но, как кажется, «отчина» читается в разных группах и большинстве списков¹⁵. Ср. тексты:

ПВЛ

и снашася Любачи на оустроеныи мира . и глша к собѣ рекуще почто губи^м Русьскую землю . сами на сѧ котору дѣюще . а половци землю нашу несуть розно . и ради суть вже между нами рати . да нонѣ ѿселѣ име^мся въ едино срѣце и блюде^м Рускыѣ земли . кождо да держити ѡтчину свою...

Паримейник

Стѣнамъ твоимъ Вышегороде оустроихъ стража въса дни и въса нощи. Иже не оуснета ни воздрѣмлета, хранаша и оутврѣжающа. Ѡчину [Ѡчину] свою Русьскую землю Ѡсоупостатныхъ поганъ, и штъ оустѣбныа рати...

Вероятно, распространение слова «отчина» нужно связывать не столько с сочинениями или идеями Мономаха, как то обычно делают [3. С. 54; 6. С. 475; 7. С. 283], сколько с паримейными чтениями св. Бориса и Глеба. В любом случае, исходно оно принадлежало к торжественной топике и придавало некоторый налет книжности. Если предположить, что составитель ПВЛ работал с ранней записью о снeme, то основное его внимание, очевидно, было направлено на согласование этой записи с повестью об ослеплении Василька Теребовльского. Благодатная картина единения должна была оттенять последовав-

¹³ Второй – в письме Владимира Мономаха к Олегу Святославичу [17. Т. 1. Стб. 254].

¹⁴ Это чтение имеется не во всех редакциях Паримейника [33. С. 439].

¹⁵ Полного критического издания паримейных чтений, к сожалению, до сих пор нет. Н.Н. Невзорова в общем присоединилась к мнению Л.С. Соболевой, которая считает архаичной так называемую краткую редакцию (где в данном месте «отечствие», «Вышеграде» вм. «Вышегороде» и др.). Вместе с тем, исследовательница отмечает, что в этой редакции (один из двух ее списков – келейного сборника Кирилла Белозерского) – следы правки [34. С. 428–430]. В издании Д.И. Абрамовича – «отцину» [35. С. 118].

шие за ней ужасные события [2. С. 91; 27. С. 60], вызванные, конечно же, вмешательством дьявола. См. завершение сообщения о договоре в Любече:

«...и на то^м цѣловаша крѣ . да аще кто Ѡселѣ на кого буде^т . то на того буде^м вси . и крѣ чѣтныи . рекоша вси да будет на [нѣ хрестѣ чѣтныи] и вса земля Русьская и цѣловавшеса поидоша в своа си . И приде Стополкъ с Дѣдмь Киеву . и ради быша людье вси . но токмо дьяволъ печаленъ баше о любви сеи . и влѣзе сотона [въ ср^дце]...».

Надо думать, при переработке книжник в основном обращал внимание на вводную («и снашася Любачи ... име^мся въ едино ср^дце и блюде^м Рускъѣ земли») и заключительную («и на то^м цѣловаша крѣ ... и влѣзе сотона въ ср^дце») части, а средняя, помещающая список князей и их владений, претерпела сравнительно небольшие изменения. В частности, из нее были удалены города Владимира Всеволодича и Святославичей, систематически не стыкующиеся с «отчиной», расшифровано, кто такие Ростиславичи и, может быть, добавлено имя Ярослава Святославича.

В результате такой «работы с текстом», на которую, видимо, наслонились еще мелкие ошибки по невнимательности кого-нибудь из первых переписчиков или даже самого составителя ПВЛ (как, скорее всего, возникло испорченное «Святославъ», поскольку для начала XII в. сложно предположить, что летописец не различал Святослава Ярославича и его детей), известие стало красивым, но малосодержательным. Сам же договор превратился в длинный ряд имен, где после «Изяславля Киева» стало непонятным, что к чему относится. Можно было подумать, что «Всеволожь» – это название города, а «Володимерь» – притяжательное к «Всеволожу»; или, что «Всеволожь» относится к Давыду и Олегу, а «Святославъ» рядоположено с именами его сыновей. Судя по interpunctio списков и разнообразным попыткам коррекции в поздних сводах, порой текст так и понимали. Кстати сказать, этот испорченный фрагмент показывает, что продолжатели ПВЛ, как составитель Киевского свода XII в., так и составители владими́ро-суздальских сводов, уже были далеки от всех этих материй, и не делали попыток исправить текст. Общая ошибка «Святославъ» так и осталась общей ошибкой ранних списков. Для летописцев XII–XIII вв. такие фигуры, как Святослав Ярославич, стали неинтересны, положения же Любечского снema тем более не имели никакого значения. И лишь московский книжник конца XV в. при составлении Московского летописного свода впервые подошел к реконструкции имен и содержания договора вполне «по-исторически».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Сергеевич В.И.* Древности русского права. СПб., 1908. Т. 2: Вече и князь. Советники князя.
2. *Грушевский М.С.* Історія України–Руси. Київ, 1992. Т. II: XI–XIII віки.
3. *Пресняков А.Е.* Княжое право в Древней Руси. Лекции по русской истории. М., 1993.
4. *Толочко А.П.* Князь в Древней Руси: Власть, собственность, идеология. Київ, 1992.
5. *Толочко О.П.* Любечський з'їзд князів // Любечський з'їзд князів 1097 року в історичній долі Київської Русі. Чернігів, 1997.
6. *Свердлов М.Б.* Домонгольская Русь. Князь и княжеская власть на Руси VI – первой трети XIII в. СПб., 2003.
7. *Назаренко А.В.* Владимир Мономах и киевское столонаследие: традиция и попытка реформы // Древнейшие государства Восточной Европы. М., 2004.

8. *Tolochko O.* «All the happy families...». The Rurikids in the 11th century // *The Neighbours of Poland in the 11th Century.* Warsaw, 2002.
9. *Данилевский И.Н.* Древняя Русь глазами современников и потомков (IX–XII вв.). Курс лекций. М., 1999.
10. *Котляр Н.Ф.* Древнерусская государственность. СПб., 1998.
11. *Зайцев А.К.* Черниговское княжество // *Древнерусские княжества X–XIII вв.* М., 1975.
12. *Дімнік М.* Любецький з'їзд і пониження статусу Олега Гориславича // *Любецький з'їзд князів 1097 року в історичній долі Київської Русі.* Чернівці, 1997.
13. *Ключевский В.О.* Курс русской истории. М., 1987. Ч. 2.
14. *Петрухин В.Я.* Древняя Русь: Народ. Князья. Религия // *Из истории русской культуры.* М., 2000. Т. 1. Древняя Русь.
15. *Карамзин Н.М.* История Государства Российского. СПб., 1818. Т. 2.
16. *Летопись по Лаврентьевскому списку / Под ред. А.Ф. Бычкова.* СПб., 1872.
17. *Полное собрание русских летописей.* СПб.; Пг.; Л.; М., 1841–2004. Т. I–XLIII.
18. *The Povest' vremennykh let: An Interlinear Collation and Paradosis / Ed. by Donald Ostrowski.* P. I–III. Cambridge, Massachusetts, 2003.
19. *Повесть временных лет / Под ред. Д.С. Лихачева.* М.; Л, 1950 (1996). Т. 1.
20. *Гиппиус А.А.* К проблеме редакций Повести временных лет. *Славяноведение.* 2007. № 5. Ч. I; *Славяноведение.* 2008. № 2. Ч. II.
21. *Вилкул Т.* О происхождении общего текста Ипатьевской и Лаврентьевской летописей за XII в. (предварительные заметки) // *Palaeoslavica.* XIII. Cambridge, Massachusetts, 2005.
22. *Толочко А.П.* О заглавии «Повести временных лет» // *Ruthenica.* Київ, 2006. Т. V.
23. *Истрин В.М.* Замечания о начале русского летописания // *ИОРЯС.* Пг., 1923. Т. XXVI; Л., 1924. Т. XXVII.
24. *Timberlake A.* Redactions of the Primary Chronicle // *Русский язык в научном освещении.* М., 2001.
25. *Вилкул Т.* Повесть временных лет и Хронограф // *Palaeoslavica.* XV. № 2. Cambridge, Massachusetts, 2007.
26. *Словарь книжников и книжности Древней Руси.* Л., 1987. Вып. 1. XI – первая половина XIV в.
27. *Вілкул Т.Л.* Володимир Мономах: тексти і версії // *Український історичний журнал.* Київ, 2004. № 1.
28. *История и память. Историческая культура Европы до начала Нового времени / Под ред. Л.П. Репиной.* М., 2005.
29. *Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов.* М.; Л., 1950.
30. *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка. М.; Л., 1958. Т. 2.
31. *Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.).* М., 1988–2004. Т. 1–7.
32. *Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков).* М., 1999.
33. *Григоровичев Паримејник / Сост. Рибарова Зденка, Хауптова Зое.* Скопје, 1998.
34. *Невзорова Н.Н.* Паремии Борису и Глебу. Опыт прочтения // *ТОДРЛ.* 2004. Т. 56.
35. *Абрамович Д.И.* Жития св. мучеников Бориса и Глеба и службы им. СПб., 1916.



© 2009 г. В. Л. ВАСИЛЬЕВ

ИЗ СЛАВЯНСКОЙ ТОПОНИМИЧЕСКОЙ АРХАИКИ РУССКОГО СЕВЕРО-ЗАПАДА («РИФМОВАННЫЙ СЕГМЕНТ» НА -КОМО)

Русский Северо-Запад (исторические Новгородская и Псковская земли) справедливо считается периферийной областью раннего славянского заселения: «здесь перед нами как бы периферия периферии, то есть сугубая периферия» [1. С. 275]. Эта окраинная территория в значительной степени «консервирует» раннеславянскую топонимическую архаику. Региональный топонимический ландшафт скрывает немало тополексем, либо давно утраченных апеллятивной лексикой, либо, возможно, никогда ранее не представленных в фазе апеллятива (так называемых гениунных топонимов). Исследование таких тополексем весьма сложно. Не всегда они отличимы от дославянских образований, а на славянской почве обязательно требуют обращения далеко за пределы региона Русского Северо-Запада, к общеславянскому фону и фонду лексических основ, корней и аффиксов. Как правило, они находят лишь редкие цельноструктурные межтерриториальные параллели или не находят их вовсе. Наиболее перспективен анализ такого рода названий в тех случаях, когда они взяты не изолированно, а в составе структурно-словообразовательных групп. В центре внимания в рамках настоящей статьи – «рифмованный сегмент» тополексем на *-комо* (*Лукóмо*, *Перéкомо*, *Пáкомо*, *Рáкомо*). Они обнаруживают сходство не только в формальном отношении, но, как выяснилось, и в территориальном распределении, поскольку центральными районами исторической Новгородской земли, прилегающими к оз. Ильмень, исчерпываются почти все их фиксации.

На восточнославянской территории выявлено до десятка географических названий с основой *Луком-* (не считая вторичных названий-иррадиатов, возникших путем трансонимизации в прилегающей местности). Одно из них – современный ойконим *Лукóмо*, дер. на рч. Лютой (пр. пр. Шелони, впадающей в оз. Ильмень) в Дновском р-не Псковской обл., = *Лукома*, дер. в Запольской вол. Порховского у. 2-й половины XIX в. [2. Т. 34. № 11202], = *Лукомо*, дер. в

Васильев Валерий Леонидович – д-р филол. наук, профессор Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого.

Статья подготовлена в рамках проекта «Топонимическая архаика Новгородской земли (Этимологическое и лингвоэтническое исследование)», поддержанного РГНФ (проект № 05-04-04120а).

«великого князя волости Лари, что была Аркажского монастыря на речку на Лютой» в Илеменском пог. Шелонской пят. 1498 г. [3. Т. V. С. 169]¹.

В другой точке бассейна оз. Ильмень, примерно в 40 км юго-восточнее данного населенного пункта, писцовая книга Шелонской пят. сообщает о дер. *Луком* Должинского пог. 1539 г. [3. Т. IV. С. 436]. Пункт идентифицирован А.М. Андрияшевым [4. С. 271] с дер. *Лукова (Луково)* на руч. Хмелька (Хмельник) Должинской вол. Старорусского у. начала XX в. [5. Вып. III. С. 46–47] (в более поздних материалах этот населенный пункт уже не значится).

Оз. *Лукóма* со смежной рч. *Лукомкой* современная топографическая карта указывает в 6 км юго-западнее г. Луга Ленинградской обл. Рукописные материалы генерального межевания конца XVIII в. дают здесь дер. *Лукома* на северо-западном берегу оз. *Лукомского*; деревня, в свою очередь, отождествляется [4. С. 158] с дер. *Лукое* 1498 г. в Дремяцком пог. Шелонской пят. [3. Т. IV. С. 139].

В Ситенском пог. Деревской пят. под 1495–1496 гг. значились близлежащие дер. *Лукомо* и дер. *Над Луком озером* рядом с озером *Лукомо (Луком)*: «А угодыя къ тѣмъ деревнямъ озеро Лукомо»; «А угодей къ тѣмъ деревнямъ ... озеро Лукомъ» [3. Т. I. С. 587, 591, 598]. Более поздние писцовые книги 1539 и 1550–1551 гг. (письма Г.Я. Морозова и В.И. Калитина) при описании данной местности сообщают только об озере, именовавшемся *Лукое* («в озере в *Луком*»; «на озере на *Луком*»; «над *Луком* озером») [6. Т. 4. С. 126; Т. 5. С. 140, 146–150, 155]. В начале XX столетия здесь была дер. *Луково* на оз. *Луково* Боровенковской вол. Валдайского у. [5. Вып. V. С. 16–17], а сегодня известно лишь об оз. *Лукóво*, 38 га, в Турбинском сельсовете близ пос. Окуловка, районного центра Новгородской обл. [7]. Где-то неподалеку, в соседнем Локотском пог. Деревской пят., в конце XV в. стояла дер. *Налуком* [3. Т. II. С. 78].

Вне пределов Новгородской земли топонимические параллели более редки, но некоторые хорошо известны еще по древнерусским летописям. Таковы: *Лукомье* (укр. *Лукі́м'я*), село на р. Суле, упоминаемое как городище *Лукомль (Лукамль)* в Переяславской земле под 1179 г. [8. Т. II. С. 613; 9. С. 239; 10. С. 82; 11. С. 330]²; *Лукомль (Лукамля, Лукомье)*, село в Чашниковском р-не Витебской обл. Белоруссии, отмечаемое как город *Лукомль (Лукамль)* в Полоцком княжестве под 1096 г. и в конце XIV в. [8. Т. I. С. 248; Т. VII. С. 241; 13. С. 136, 140, 141, 150; 14. С. 212]; с последним ойконимом метонимически смежны гидронимы *Лукомльское оз.* и *Лукомка (Лукомля)* р. [15. Вд. III. С. 139; 16. Т. 2. С. 25]. Кроме них, есть руч. *Лукомской* среди правых притоков Зуши (верхнее правобережное Поочье) [17. С. 63], а списки российских селений вто-

¹ Здесь и далее при изложении топонимического материала использованы сокращения: геогр. – географическое название, личн. – личное имя, дер. – деревня, г. – город, с. – село, селение, р-н – район, обл. – область, губ. – губерния, у. – уезд, вол. – волость, пог. – погост, пят. – пятина, пос. – поселок, р. – река, рч. – речка, руч. – ручей, оз. – озеро, пр. пр. – правый приток, лев. пр. – левый приток. Ссылки на современные справочники административно-территориального деления областей опускаются.

² В.П. Нерознак, приводя летописную документацию для белорусского Лукомля, ошибочно дает цитату из Ипатьевской летописи под 1178 г.: «пюдоша за Соулоу и стаха близъ городища Лукомля» [12. С. 104], которая имеет непосредственное отношение к украинскому Лукомлю на р. Суле.

рой половины XIX в. дают дер. *Лукома* (*Луково*) на Волге рядом с порогом *Лукома* (*Лукомский, Луково*) в Ржевском у. Тверской губ. [15. Вд. III. С. 139].

Приведенная топонимия однозначно объясняется благодаря рус. диал. *лукѡма* 'изгиб оврага' [18. Т. 2. С. 272], единично зафиксированному слову, встреченному где-то на Севере (см. также [19. Вып. 17. С. 191])³. Это смутное сообщение об устаревшем слове с топографическим значением не исключает, однако, того, что в словаре Даля приведен не апеллятив, а топоним, семантико-деривационный аспект которого совершенно очевиден: это архаический дериват с редким суф. *-ом-* от корня *лук-* (< **lǫk-*), соотносимый с распространенным термином *лукá*, имеющим приблизительно такое же топографическое значение изгиба⁴.

Вряд ли к рассматриваемому топонимическому ряду принадлежит польский лимоним *Lukomie* в нижнем течении Вислы (сегодня – *Charzykowski Jezioro*) [23. С. 664]. В документации он повторяется с XIII в.: «*lacum, qui Loucome pominatur*» 1275 г., *Lucome* 1291 г., *lacum Lukomir* 1326 г., *Lukom* 1565 г. и др. Х. Гурнович, приводя эти исторические варианты названия, возводит его к адъективу **lukumu* от корня **lǫk-/luk-*, что указывает на искривленность озера [24. С. 54]. Этому мнению серьезно препятствует наличие варианта *Lukomir* в исторической парадигме данного лимонима, равно как присутствие на польской территории оз. *Lucemierz* (исторически *Lucomir*) на другом участке бассейна Вислы [23. С. 389] и р. *Lukomierz* среди притоков Одры [25. С. 142] (ср. и сербохорв. геогр. *Lukomir* [26. Т. VI. С. 213]). В контексте всех этих фактов польск. *Lukomie* лучше трактовать как йотовое производное от гипокористики **Lukomъ*, **Lǫkomъ*, усечения праславянского полного личного имени

³ В «Словаре русских народных говоров», помимо ссылки на словарь Даля, это слово приведено еще со значением 'извилистый овраг' (Север., 1959). Указание на 1959 г. как будто предполагает еще одну фиксацию слова *лукома*. Однако неопределенность его географии (Север.), почти полное следование значению из словаря Даля (в котором дано 'извилина, изгиб оврага') явно подсказывают, что мы встречаемся здесь с нередким в словарях сводного типа феноменом «умножения сущностей», в данном случае – с некой реминисценцией все той же старой далевской *лукомы*.

⁴ Лексема *лукá* в разнообразных взаимосвязанных топографических значениях известна во всех славянских языках, см. [20. С. 110–116; 21. С. 177–190]. Что касается топонимии Русского Северо-Запада, особенно средневековой, то она дает множество разнообразных дериватов от корня *лук-* (< **lǫk-*). Вот в сокращенном виде материал из новгородских писцовых книг конца XV–XVI в.: *Лука, Лучка, Лук, Луковище, Лукуй, Лукое, Луко, Лукий, Лучан* (*Лучано, Лучанское, Лучицы, Лучско, Лученский, Лучкино, Лутцкое*; префиксальные образования: *Облуцко, Облуцкий, Перелуково, Перелучье* (*Перелучь*), *Залучье, Получье, Прилук* и др. Современные данные тоже содержат много родственных топонимов (но чаще с основой *луков-*, относительно редко прослеживаемой по новгородским писцовым книгам). На Новгородской земле лексема *лукá* весьма активно функционирует в диалектной речи, предстает в ареально-семантическом «многоцветии» (образуя цепочки взаимопереходных значений: 'изгиб берега; поворот реки', откуда 'залив, заводь', с одной стороны, и 'низкий луг у излучины водоема' → 'низкий луг у водоема' → 'низкий луг' → 'луг' – с другой; специфично и «ботаническое» значение слова *лукá* – 'вид травы, растущей в сырых местах' [22. Т. 5. С. 50]), подвергается активной топонимизации (особенно часто по берегам рек в бассейнах Ловати и Полавы): *Лукá, Луки, Лучки, Бабыя Лукá, Малая Лукá, Выменская Лукá* и др. (к выразительному Полавско-Ловатскому скоплению таких названий принадлежит и всем известное древнее название г. *Великие Луки* на Ловати), образует много суффиксальных и префиксальных дериватов (*луковый, луковатыш, лучка, улукá, залучина, прилукá, прилук*), подробнее см. [21. С. 177–190].

**Łokomirъ*. Напротив, все топонимы с основой *Луком-*, сконцентрированные на восточнославянской территории, следует связать не с антропонимом, а с апеллятивом *лукѡма* (: *лукá*). В частности, возводить укр. *Лукомль* к краткой форме от **Łokomirъ*, как предлагается в [27. Вып. 16. С. 145], на мой взгляд, нет достаточных оснований.

Раннедревнерусский характер тополексема *Лукѡм-,о-,а*, показывающей архаическую суффиксацию, очевиден, как и ее диалектность: слово тяготеет к северной, северо-западной части восточнославянского пространства, к новгородским, псковским, тверским, витебским землям. О забвении исходного апеллятива, семантико-деривационная связь которого с апеллятивом *лукá*, тем не менее, оставалась и остается ощутимой, свидетельствуют случаи либо прямой утраты названий с основой *Луком-* в области новгородских пятин, либо замещение их более продуктивными топонимическими формами *Лукое*, *Луково* (что обнаруживается при сравнении материала новгородских писцовых книг конца XV–XVI в. с современными топонимическими данными).

Перѣкомо – название места на северо-западном побережье оз. Ильмень, неподалеку от устья р. Веренда, отразившееся в наименовании мужского Николаевского (Никольского) *Перекомского* (иначе – *Перековского* или *Перекопского*) монастыря. Сведения об основании монастыря, упраздненного в первые годы советской власти, идут с начала XV в.: «В лѣто 6915 (1407 г.) постави владыка Иоаннъ Новгородский церковь каменну святага Николая чудотворца на Верендѣ, и манастырь устроиша» [28. С. 251]⁵. Писцовая книга Шелонской пят. 1581/82 г. указывает «монастырь Николы чудотворца на *Перекоме*» в Паозерском погосте [31. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 712. Л. 17об.]⁶.

В житии св. Ефрема Перекомского содержится предание о том, что Ефрем, основатель монастыря, выкопал протоку (или перекоп) между р. Верендой и оз. Ильмень, отчего монастырь стал именоваться *Перекомским*. Разумеется, слово *перекоп* не может объяснить наименование *Перекомский*, перед нами не более чем топонимическая легенда. Безусловно, варианты наименования монастыря *Перекопский* (иногда *Перековский*, см. [6. Т. 1. С. 322]) – народно-этимологические переосмысления первичной формы *Перекомский*, утратившей мотивированность.

Нет сомнений в том, что новгородское геогр. *Перѣкомо* следует членить точно так же, как *Лукѡмо*, – в виде *Перѣк-ом-о* и считать архаической структурой с суф. *-ом-* от корня *перек-*. Этот корень находит отражение в рус. *поперѣк*, *поперѣчина*, *перѣчить*, диал. (новг.) *пѣречень* ‘рыба лещ; подлещик’, перм. ‘бревно поперечного ряда плота’, смол. *пѣрек* ‘поперек’, *перекавица* ‘длинная полка через всю комнату’ [19. Вып. 26. С. 115, 272], новг. *перечешѡк* ‘рыба подлещик’ [22. Вып. 7. С. 128], блр. *пѣрек* ‘поперек’, диал. *перакавѣк* ‘гряда, которую пашут поперек полосы, когда нельзя провести плугом до самого конца загона’ [32. С. 141], укр. *перѣка* ‘противоречие, противодействие’, др.-рус. *перекъ* ‘ширина, поперечина’, болг. *пряк* ‘прямой’, сербохорв. *пријек*

⁵ Житие новгородского святого Ефрема Перекомского сообщает, что именно этот святой был основателем монастыря, причем в более позднее время – в 1466 г., когда Ефрем (в миру Евстафий) возвел каменную церковь Николая Чудотворца на деньги, дарованные московским князем Василием Иоанновичем. Подробнее об истории Перекомского монастыря со времени его основания до ликвидации в 1930 г. см. [29. С. 95–98; 30. С. 275–284].

⁶ Сведения предоставлены И.Ю. Анкудиновым.

‘крутой’, *пријеки* ‘прямой, ближайший’, чеш. *príka* ‘крутизна’, словц. *priek* ‘упорство, сопротивление’, польск. *przeko* ‘поперек’ и т.п. [33. Т. III. С. 238]).

Тополексема *Перёкомо* с архаическим суф. -*омо*, очевидно, изолирована, не имеет цельноструктурных параллелей в лексике и ономастике славян. Вместе с тем основа *перек-* (с морфологическим вариантом *переч-*, ср. *поперёк/поперёчный*) в восточнославянской топонимии проявляется, хотя ее трудно отнести к типовым, частотным основам. На старой новгородской территории несколько раз она обнаруживается в средневековой ойконимии Бежецкой пятины, в окрестностях Бежецка. В бессуффиксном виде ее репрезентирует геогр. *Переки*, дер. в Михайловском пог. в Лоцземле 1551 г. [3. Т. VI. С. 801], и с формантом -‘уха геогр. *Перечуха*, дер. в Михайловском пог. в вол. Тростна 1545 г. [3. Т. VI. С. 168]. Сравни к последнему структурно подобное новг. диал. *перечуга* ‘направление ветра’ [22. Вып. 7. С. 129]⁷, ‘северо-восточный ветер’: «Перечуга – злой ветер подует, и рыбы не захочешь» (дер. Ильмень Новг., 1949 г.) [19. Вып. 26. С. 275]. С префиксом *по-* имеется геогр. *Попереково*, дер. в Богородицком пог. в вол. Замутье и починок в Богородицком Топальском пог. в вол. Загородье 1545 г. [3. Т. VI. С. 233, 377, 380]. Название современной дер. *Перечицы* Лужского р-на Ленинградской обл. (неподалеку от впадения р. Оредеж в р. Луга к северо-востоку от г. Луга) трактуется в зависимости от того, какую основу принять за исходную – *перек-/переч-* или, быть может, *перед-/передьк-*: под 1500 г. здесь значилось с. *Передчицы* Никольского Будковского пог. Водской пят. [3. Т. III. С. 295, 312], так же под 1539/40, 1582, 1718 гг., по документации 1568 и 1646 гг. – *Перетчицы*, форма же *Перечицы* фигурирует в документах 1612, 1669, 1674–1678, 1709, 1748, 1791 гг. [34. С. 193. Карты VI-1–VI-13] и более позднего времени. Однако оз. *Перечицкое* в среднем Потожье скорее связано с *перек-* ‘поперек’, коль скоро второе название этого озера в исторической документации Рязанской земли – *Переметское* [17. С. 126]. Сравни еще руч. *Перечин* в Кирилловском у. Новгородской губ., р. *Перечка*, *Перешня* (*Перешная*) с оз. *Перешино* (*Перешиное*) в Кадниковском у. Вологодской губ., р. *Перечна* в окрестностях Сольвычегодска Вологодской губ., а также многократно повторяющиеся в бассейне Дона и нижней Волги гидронимы *Поперечная*, *Поперечный*, *Поперечное* [15. Вд. III. С. 619, 620, 751–752]. Названия поочских речек *Перековка*, *Периковка* должны быть причислены сюда же, как и ручьев *Поперечной*, *Поперешной* [17. С. 86, 115, 120, 169]. Немало соответственных названий у южных славян: болг. геогр. *Прѣча* (XVI в.) [35. С. 145], *Преки* (дважды), *Прекорека*, *Преконога*, *Прекошка*, относящиеся к водоемам в Сербии [36], топонимы *Prijeka*, *Prijeko*, *Prijeka Voda*, *Priko*, *Pričac* и другие в сербо-хорватской зоне, гидронимы *Prečna* (*Prečnica*), *Prečno*, *Prečna*, *Prečnik*, *Prekar*, оронимы *Prečnik*, *Prečnice*, *Prečji Dol* и другие в Словении [37. D. II. S. 116–117].

Пáкомка, дер. в Дновском р-не Псковской обл., ранее – дер. при рч. Лютка в Егольской вол. Порховского у. Псковской губ. [2. Т. 34. № 11276], дер. *Пакомо* 1498 г. «Аркажского монастыря на речкѣ на Лютой» в Илеменском пог. Шелонской пят. [3. Т. V. С. 168]. Как и в предыдущем случае, межтерриториальные топонимические параллели не обнаружены, но рассмотрение геогр.

⁷Значение слова (‘направление ветра’) дано в «Новгородском областном словаре» без контекста и, полагаю, без необходимой полноты смысла. С учетом этимологии слово *перечуга* явно семантизируется как ‘встречное направление ветра’ или ‘встречный ветер’.

Па́комо среди равноструктурных названий (*Лу́кѡмо*, *Перѣкомо*) позволяет отнести его к раннеславянским дериватам от корня *пак-* (*Пак-ом-о*). Основа известна в рус. диал. наречиях *пáки*, *пак* «частица или привеска: де, деи, ста, скать, мл» (Зап., Южн.); *опáкиши*, *опáкишь* и *опóкиши*, *опóкишь* ‘выворот, изнанка, ничка; все перевернутое’ (Новг., Твер., Сиб.); твер. *о́пак*, *о́пакѡ* ‘назад, задом, обратно’, ‘навзничь’, ‘наизнанку’, ‘наоборот, шиворот-навыворот’; *о́пакѡ* сев.-двин. ‘неумело’, твер., перм. ‘наотмашь’, волог., сиб. ‘без толку, на ветер’, волог. ‘не вовремя’, яросл. ‘неловко, совестно’; *опакиша*, *опаку́ша* ‘выворот, изнанка, ничка; обратное, превратное’; *пакшá*, *опакишá* ‘левша’ и т.п. [18. Т. 2. С. 674–675; Т. 3. С. 9; 19. Вып. 23. С. 230–231; Вып. 25. С. 155, 158, 162; 22. Вып. 7. С. 4, 89–90]; др.-рус. *пакы*, *опаки*, *пакѡ* ‘обратно’, ‘назад’, ‘наоборот’, ‘вновь’, *опако* ‘назад’ [38. Т. II. С. 676, 866]; укр. *пак* ‘все-таки’; болг., сербо-хорв. *пак*, *па* ‘но, ведь, снова’; словен. *пак*, *ра*, ‘но, ведь, снова’; чеш., верх.-луж., нижн.-луж. *пак* ‘но, снова’; укр. *о́пак* ‘назад, навыворот’; болг., сербо-хорв. *о́пак*, *о́пакѡ* ‘наоборот’; чеш., словц., польск. *о́пак* ‘назад, навыворот’ и т.п.

Новгородскому геогр. *Па́комо* тождественны по корню *пак-* (имеющему вариант *пач-*, ср. наречия *пак*, но *пáче*) немало топонимов в разных частях Славии. Сравни прежде всего на Русском Северо-Западе средневековые геогр. *Пачки*, дер. в Ручайском пог. Шелонской пят. 1498 г. [3. Т. IV. С. 208] (северо-западнее г. Порхов Псковской обл.), наряду с *Опачка*, сѣлище в Сержеской переваре Торопецкой земли (рядом оз. Быково, Лукино, Лукое, Бологое), по писцовой книге 1539/40–1540/41 гг. [6. Т. 4. С. 633]. Анлаутный *О-* в геогр. *Опачка* той же самой природы, как в наречиях *о́пак*, *о́пáче* при наличии *пак*, *пáче*. Сюда же, безусловно, относится новг. геогр. *Пакуша* (*Опакуша*), пожня в Млевском пог. Деревской пят. 1551 г. [6. Т. 5. С. 236, 239, 240]. Вне региона Русского Северо-Запада таковы гидронимы *Опакуша*, р. в Костромском у., р. *Пака* (*Пакуша*) среди притоков Жиздры, *Покой* (исторически – *Пакой*) среди притоков Нугри, *Пакой* среди притоков Пторы, возможно, *Опака* (*Опока*), пр. пр. Быстрицы и пр. пр. Мышиги в бассейне Днепра в Калужском и Тарусском уездах, – все в верхнем течении Оки (см. [15. Вд. III. S. 504, 506; 17. С. 26, 30, 36]).

Тожественный корневой элемент отражают, кроме того, новгородские (локализуемые сравнительно близко от ойконима *Па́комо*), гидронимы *Пакость*, лев. пр. Мшаги, лев. пр. Шелони (согласно [7], это рч. *Покоска*, 10 км длиной), р. *Пакости́ха*, впадающая в Шелонь [39. С. 486, 492], ср. и польск. *Пако́сь*, город близ Быдгоща, свидетельствуемый с XIII в. [40. S. 183]. При очевидной корреляции с рус. *пакость*, польск. *pakość* (производных, как считают, от *пак-лопак-* с суф. *-ость-*, см., к примеру, [41. Т. 1. С. 615–620]) первичная семантика этих названий трактуется неоднозначно.

За пределами восточнославянских земель наибольшее количество соответственных названий обнаружено в Словении: р. *Пака*, селения *Пака* (трижды), различные геогр. *Pačka Vas*, *Pačka Dolina*, *Na Pakah*, *Na Paket*, *Pačke Jame*, *Pačke Njive*, *Pasča* (*Paški Studenec*); словенскую топонимию дополняют сербо-хорв. гидронимы *Пака*, *Опаџица*, чеш. геогр. *Nová Paka* и *Stara Paka*, словц. *Poka* (но под 1275 г. – *Пака*) [37. D. II. S. 72–73, 77], равно как геогр. *Опаџеџка dolina* в Болгарии, польск. *Опач*, село, известное с 1576 г., *Опака*, село и река, *Опачниак* (*Опач*), старый хутор возле Мехова, *Пасуна* (< *Пачуна*) [42. S. 265], *Bužek Orasky*, *Orackie Jez*, *Opaczny*, возможно, *Paków*, – водоемы в бассейне Вислы

[23. С. 27, 172, 355, 358] (последнее восходит, скорее, к личному имени, сокращенному из *Pakoslaw*).

В.Н. Топоров причисляет гидронимы *Пака* (*Пакуша*), *Пакой* (*Покой*) в бассейне Оки к вероятным балтизмам (сравнивая с прус. геогр. *Pakutiten*, лит. *Pakuteniai*, лит. личн. *Pakut-atis* и др.), хотя признает их в целом неясными [43. С. 50]. Учет немалого числа славянских (особенно словенских) фактов требует, однако, интерпретации их как исконных славизмов, причем весьма ранних. В частности, что касается, к примеру, поочских *Пака*, *Пакой*, в обоих случаях можно говорить об адъективной форме, ср. наличие прилагательного *опакий*, приведенного, правда, без указания значения [18. Т. 2. С. 674] (восходящее к вероятному др.-рус. **(о)пакьш*), и прилагательного *пакору́кий* 'с изуродованной рукой', 'плохой работник' (Сев.-Двин., 1928) [19. Вып. 25. С. 159] с первым компонентом, явно предполагающим деадъективную деривацию (из **пакьш*). Плохо трактуется колебание гласных *a/o* в основе, но эта особенность прослеживается не только по гидронимии; ср. поочские *Пакой/Покой*, *Опакка/Опока*, словц. *Paka/Poka*, наряду с рус. диал. *опа́кишь/опо́кишь*, *опа́киши/опо́киши*⁸.

Конкретная смысловая мотивировка новг. геогр. *Па́комо*, равно как многих других названий с корнем *пак-* не очевидна. Подавляющая часть их – названия водотоков, они характеризуют какие-то особенности локальной гидрографии. Очевидную деантропонимную деривацию показывают на Русском Северо-Западе руч. *Пакишин*, приток Шомушки в бассейне Сяси [39. С. 426], дер. *Пакишино*, в Никольском пог. в Шереховичах Бежецкой пят. 1564 г. [3. Т. VI. С. 890, 910]; ср. преимущественно сев.-рус. и новг. *пакія́*, *пакүша*, *пакі́ша* 'левша', *пакі́ш* 'рука', 'левая рука' [22. Вып. 7. С. 89–90; 19. Вып. 25. С. 156, 162; 44. Вып. 4. С. 373].

Ра́комо Старое*, *Ра́комо Новое – две смежные дер. в Ильменском Поозерье под Новгородом; жители – *ра́комцы* [22. Вып. 9. С. 98]. По спискам селений начала XX в. на их месте значилось несколько пунктов Ракомской вол. Новгородского у.: крупное, в сотню жилых домов, волостное с. *Ракомо* (на месте сегодняшней дер. *Ракомо Старое*), дер. *Новое Ракомо* и пара отдельно стоящих усадеб, именуемых *Ракомо*, – все пункты при рч. *Ра́комка*, впадающей в оз. Ильмень [5. Вып. I. С. 66–67]. Под 1501 и 1551 гг. писцовые книги Шелонской пят. указывают на этом месте «государево село» *Ракома*, «а в немъ церковь Феодоръ святыи» в Новгородском у. в Поозерье [3. Т. V. С. 287–289, 316]; в начале XVI в. это было самое крупное селение Поозерья. В описаниях пригородных пожен Новгородского дворца 1535/36–1539/40 гг. встречаются указания на *Ракомский* путь, *Ракомскую* пожню над Веряжей близ села *Ракома* [6. Т. I. С. 326, 368]. Впервые же это хорошо известное по всему Приильменью село упомянуто летописями еще под 1015 г., когда восставшие новгородцы ночью избили варяжскую дружину на Поромоне дворе, а князь Яро-

⁸ Быть может, не стоит исключать из данного круга соответствий также название поволховского руч. *По́ка*, 14 км, пр. пр. Ваволи, рукава Волхова неподалеку от г. Чудово Новгородской обл. [7] (согласно [39. С. 66], впадает в оз. Подорелье), как и название подмосковного руч. *Пока* (*Опока*, ранее *Апока*, но и *Опакка!*) [17. С. 118]. По крайней мере, возводить геогр. *По́ка* к апеллативу *опо́ка* (в частности, на новгородской территории это 'глина с примесью полых камешков', 'твердый беловатый с камешками грунт', 'вид глины' [22. Вып. 7. С. 9], ср. *Опочка* бассейна Шелони), на мой взгляд, меньше оснований.

слав Мудрый «тогда в ту ночь суцу на Ракомѣ» (по другим спискам летописи – «Ярославъ же в ту ночь на Ракомѣ бяше») [45. С. 174]; согласно 3-й Новгородской летописи, Ярослав «шедь на Ракомѣ судѣ во дворѣ» [28. С. 176], по Лаврентьевской летописи, «шедь на Рокомъ, судѣ во дворѣ» [9. С. 137], по Софийской летописи, «шедь на Ракомо (Ракамо)» [46. С. 127] (запись *Ракомо* отражает аканье либо является опiskeй). Это передаваемое летописями сообщение, одно из самых ранних упоминаний сельского поселения в новгородской письменности, позволяет предполагать, что в *Ракомо* находился загородный двор Ярослава Мудрого⁹. Под 1478 г. поозерское село отмечает 1-я Псковская летопись под вариантным именем *Ракомля*: «Сталъ в Ракомли, въ дворѣ Лосинского ... за три версты отъ Великого Новагорода, близко Юрьева монастыря» [8. Т. IV. С. 259].

Серьезных попыток расшифровать этот загадочный ойконим еще не было. Банальное сопоставление со словом *рак* 'Krebs' поверхностно, не объясняет ни словообразования, ни местных реалий. Не более чем курьезом выглядит объяснение Й. Принца, который сравнивает геогр. *Ракомо* с наречием *раком* 'на корачках, на четвереньках' [47. S. 75].

Существенно отметить, что название древнего поозерского села *Ракомо/Ракома/Раком/Ракомля* не единично. К нему есть несколько отчетливых топонимических параллелей, распределенных на небольшой части региона Русского Северо-Запада. Денотативная отнесенность этих параллелей подсказывает, что поозерский ойконим, безусловно, вторичен; первичны же гидронимы (в данном конкретном случае *Ракомка*, рч., на которой стоит с. *Ракомо*), но скорее все же оронимы – названия, характеризующие рельеф прилегающей местности, которые легко переходят на ближайшие водоемы или селения.

Ракомка, название небольшого озера в дельте р. Мсты (рядом оз. Печерское, Никольское, Донец) юго-восточнее Новгорода, ближайшая к поозерскому *Ракомо* межтерриториальная параллель. Озеро обозначено лишь на крупномасштабных картах и в перечне водоемов Новгородской обл. [7], исторических сведений о нем нет.

Ракомо, дер. при колодце Горомулинской вол. Порховского у. Псковской губ. (в 25–30 км южнее Порхова), по сведениям 1872–1877 гг. [2. Т. 34. № 10560]; сегодня – дер. *Раково* в Порховском р-не Псковской обл.

Ракомле, дер. в Которском пог. Шелонской пят. 1498 г. [3. Т. IV. С. 116].

Ракомле, оз. («при оз. *Ракомле*») в Торопецком у. Псковской губ. вместе со смежной рч. *Ракомлянка* [2. Т. 34. С. 408, 409]. В историко-географических очерках Псковской губ. 1896 г. записано оз. *Раконел* – неточная передача (описка) лимнонима *Ракомле* в Торопецком у. [48. С. 45]. Это озеро, локализуемое к юго-востоку от Торопца (вблизи пос. Западная Двина, районного центра Тверской обл.), идентифицировано [49. С. 195. Рис. 12] со средневековым оз. *Наркомле* в Старцовой вол. Торопецкой земли, известным из материалов описания 1540/41 г. [6. Т. 4. С. 583]. Здесь вариант Наркомле, несомненно, являет собой фонетически измененное (благодаря выпадению гласной после плавной в срединном слоге) предположно-падежное сочетание *На Ракомле*. Эта вторичная топонимическая форма *Наркомле*, в свою очередь, обусловила производную суффиксальную форму *Норкомичи*, которая относилась к смежным деревне, селу и озеру в этой же Старцовой волости Торопецкой земли:

⁹ Прочие подробности об истории этого села см. [29. С. 60–62].

«село Норкомичи над озером над Норкомичим»; «(Дрв) над озером над Норкомичем» [6. Т. 4. С. 577, 578]. Лимноним *Норкомичи* следует трактовать как еще один вариант названия оз. *Наркомле/Ракомле*, но этот вариант вторичен: он дублирует ойконим *Норкомичи*, который ранее закрепился по катойкониму **наркомичи́* (< **наракомичи́*), древнему имени поселенцев, полученному по ближайшему оз. *Наркомле/Ракомле*. И действительно, такое катойконимическое наименование существовало, оно определенно прочитывается в следующем фрагменте Торопецкой писцовой книги 1540/41 г.: «А у песенских крестьян и у Норкомич озеро Песно вопче со князем Александром ... озеро Наркомле» [6. Т. 4. С. 583] (здесь *норкомичи* – жители села *Норкомичи*).

Изложенные факты показывают узкорегиональную концентрацию топонимии с основой *Раком-*. Ее территориальная дистрибуция приходится на центральные районы исторической Новгородской земли (Приильменье, Шелонь, верхняя Плюсса) вместе с примыкающим с юга Торопецким уездом. В структурно-деривационном отношении новг. геогр. *Ра́комо* (*Ра́к-ом-о*) составляет общий тип с новгородскими же *Лу́комо*, *Пере́комо*, *Па́комо*, безусловно относящимися к раннеславянскому архаическому слою. Исследуемые топонимические факты объединяет не только общий суффикс, отсылающий к раннеславянскому времени, но и само окружение суффикса, проявляющееся исходом на *-комо*. Этот исход предполагает, во-первых, некоторую изначальную предпочтительность сочетания суффикса *-ом-* именно с корневым элементом на *-к*, не исключено, что не случайную, а специфически диалектную; во-вторых, то, что новообразованные основы свободно могли выступать без осложнения вторичными суффиксами *-л-ь/-л-я/-л-е* или *-к-а*. Чаше встречаются на Русском Северо-Западе и на иных славянских территориях как раз вторичные осложненные основы (*Смердомля/Смердомка*, *Лутомка*, *Пискомля* и т.п.), не знающие вариантов без вторичной *-л-* или *-к-*суффиксации, в отличие от форм типа *Ракомо*. При этом названия, репрезентирующие такие осложненные основы, обычно относятся к классу гидронимии. В свою очередь, сравнительно редкие названия с неосложненными основами на *-омо/-ома/-ом*, как показывает материал, не всегда гидронимические, скорее они являют собой чистые апеллятивы с орографическим, ландшафтным значением, со временем исчезнувшие. Но эти апеллятивы отложились либо в архаической гидронимии (где они обычно дооформлялись специализированной гидронимической суффиксацией *-л-я*, *-л-е*, *-к-а*), либо в оронимии, отражавшей особенности рельефа и порой неморфологически переходящей в сферу ойконимии; в этом, втором, случае дополнительная суффиксация не носила регулярного характера.

Форма *Ра́комо*, поэтому, может быть рассмотрена как прямая онимизация некоего ландшафтного термина, а варианты осложненные формы *Ра́комля* или *Ра́комка* могут трактоваться как гидронимическое преломление данного термина.

Существенно подчеркнуть, что все изучаемые топонимы на *-омо*, обладающие рассмотренными характеристиками, сосредоточены на компактной территории Приильменья и Пришелонья, из них *Па́комо*, *Пере́комо* встречены только здесь, группа геогр. *Ра́комо* присутствует здесь почти в полном составе (немного южнее только *Ракомле* Торопецкого у.), а геогр. *Лу́комо* – в наиболее представительном количестве.

Еще один немаловажный момент, объединяющий данные топонимические структуры, – все изученные ранее географические имена с суффиксом *-ом-*

пропорционально коррелируют со своими бессуффиксными эквивалентами. Аналогично тому, как геогр. *Лукóмо*, безусловно, соотносится с названием *Лука́*, апеллятивом *лукá*, *Перéкомо* – с геогр. *Перéки*, апеллятивом *перéк(а)*, геогр. *Па́комо* – с геогр. *Па́ка*¹⁰, так и новг. *Ра́комо* находит своих, не осложненных суффиксом *-ом-*, топонимических «родственников» в существительных женского рода с исходом на *-а*. Таковы гидронимы: *Рака*, болото в Городокском у. Витебской губ., *Раки* (форма мн. ч.), лев. пр. Стрыя, притока Днестра в Галиции [15. Bd. IV. S. 13; 11. С. 456], *Ра́ка*, пр. пр. Оки между Осетром и Проней, с прилегающим с. *Раки* [17. С. 167], – последний гидроним зафиксирован писцовой документацией 1589 г.: «От устья реки Раки через Оку реку на липовую верею» [50. С. 112–113]. Кроме того, на топонимическую форму *Рака* (или апеллятив *рака*) прямо указывают такие производные топонимы, в основном локализуемые на Русском Северо-Западе, как *Ракин*, руч. в бывшем Моложском у. Ярославской губ., *Ракин* (*Рачин*, по [11. С. 458]), пр. пр. Здвига, пр. Тетерева в бассейне Днепра неподалеку от Киева, *Ракино*, оз. с прилегающей дер. в Опочечком у. Псковской губ.; вероятно, сюда же относятся внешне деминутивные образования: *Рачинка*, пр. пр. Осуги бассейна Волги в окрестностях Торжка Тверской губ. (< **рачина* < *рака*?), *Рачица* в числе притоков верхней Ловати (здесь же болото *Раче*) в Великолуцком у. Псковской губ., *Рачка*, приток Пижмы в бассейне Мезени [15. Bd. IV. S. 13, 14; 39. С. 152], *Рачка*, рч. в бассейна Москвы-реки [17. С. 108].

Многочисленные гидронимические параллели к восточнославянскому материалу приходится на западную половину южнославянской языковой области. В Словении есть р. *Raka*, упоминаемая с 1577 г., с. *Raka* с 1178 г., *Dolga Raka*, *Rake*, их дополняют словенские гидронимы в форме деминутивов и адъективов – р. *Račica* (и с. *Račica*, дважды), *Rače*, дважды *Rački Potok*; с. *Rački Vrh*, возможно, *Rače* и *Rašica* (< **račьsko* + *ica*, к *raka*), – все перечисленные названия обусловлены словен. *ráka* (мн. ч. *ráke*) ‘мельничный лоток’, ‘обделанное деревом русло ручья; желоб’ [37. D. II. S. 132, 133–134, 139–140]. Соответственные названия обнаружены и на сербо-хорватской территории: рч. *Рачица* в Сербии [36], *Račice*, *Račnik* с 1260 г. [37. D. II. S. 133]. Однако ойконим *Račice* в Чехии (наряду с *Radčice*) предпочтительнее связать с личн. *Radko* [51. D. III. S. 510].

В плане территориальной дистрибуции особенно наглядны «ареально-структурные» соотношения: новг. *Па́комо*, *Ра́комо* – поочск. *Пака*, *Рака* – словен. *Пака*, *Рака*, подчеркивающие принадлежность производных топонимов на *-омо* к собственно новгородскому ареалу.

Новг. *Ра́комо* вместе с гидронимией *Рака* (о последнем см. еще [50. С. 112–113]), *Ракин*, *Рачка*, *Рачица* и т.п. в конечном итоге восходят к заимствованному прасл. **raka* (< **orka*, первоисточник – лат. *arka* ‘ящик’, ‘ларец’, ‘гроб’), продолжения которого хорошо известны в славянских языках: др.-рус. (с начала XI в.) и ст.-слав. *рака* ‘гроб’ (ср. [45. С. 169] о погребении князя Владимира Святославича в 1015 г.: «вложиша его въ раку мраморяну», или по иному летописному списку, – «вложиша его въ гробъ мраморянь»), ‘надгробный памятник’, а также ‘ларец’, ‘ковчег’ [38. Т. III. С. 63–64], рус., укр., блр. *рака* ‘гробница с мощами святого’, болг. ‘ларец с мощами’, сербо-хорв. ‘вырытая могила’, ‘могильный склеп’, словен. *ráka* ‘склеп’, но и ‘лоток, желоб’. Иной

¹⁰ В геогр. *Перéки*, *Па́ка* ударение поставлено предположительно.

морфологический вариант этого слова – прасл. **raky*, **rakъve* в род. п. (с основой на **-ū*) – развил спектр близких значений: к нему относят др.-рус. *ракови-на* ‘перламутр’, рус. *раковина*, *ракушка*, укр. диал. (гуцульск.) *раква* ‘масленка’, словен. *rákav* ‘гроб, склеп’, чеш. *rakev*, словц. *rakva*, *rakev*, ‘гроб, склеп’, чеш. *rakvice* ‘раковина’, полаб. *rakâi* ‘ящик’ [41. Т. 2. С. 97, 98; 33. Т. III. С. 437–438, 439; 52. Т. IV. С. 4]¹¹.

Для мотивировки гидронимии, однако, более существенны не специализированные «фунеральные» значения ‘гроб; гробница; склеп’, а более общий смысл рассматриваемых слов – ‘вместилище чего-либо, емкость’. Обозначения таких артефактов, как емкости и вместилища разнообразной формы и назначения, что в полной мере демонстрирует приведенная выше лексика (‘ковчег’, ‘лоток’, ‘желоб’, ‘масленка’, ‘ящик’), регулярно переходят в сферу народной ландшафтной терминологии, обозначая в топографии разнообразные углубления на местности; новые ландшафтные термины закрепляются во всех подобных случаях путем метафорического переноса. Характерные проявления этой общей закономерности, в частности модель ‘посуда’ → ‘углубление на местности’, подробно изучены Н.И. Толстым; ср. приведенные им диал. *криница*, *крынка* ‘крынка, кувшин’ и ‘яма; родник; колодец’, *котёл* ‘котел’ и ‘глубокая впадина, котловина; глубокое место в реке’, *корыто* ‘корыто’ и ‘русло, западина в форме корыта’, *ендови́на* ‘большой сосуд; братина’ и ‘отлогое место между горными возвышенностями’, словен. *déža* ‘кадка, кадочка (для масла)’ и ‘вырытая водой котлообразная яма’; такую же семасиологическую структуру показывают еще слав. **kazantь*, **takotъra*, **kadъlbъ*, **вьдьнь* и др. [20. С. 218, 229, 246].

Продуктивная семасиологическая модель, действующая в сфере терминологии посуды и прочих хозяйственных емкостей (список Толстого может быть в несколько раз увеличен), безусловно, затронула и прасл. **raka*/**raky*(-ъve), рефлексы которого изредка прослеживаются среди топографической (гидрографической) терминологии; ср., в частности, укр. полесск. (черниговск.) *раковина* ‘глубокое место в реке’ [53. С. 190]. С учетом полесского гидрографического *раковина*, сербо-хорв. диал. (краин.) *rake* ‘водопровод’, было выдвинуто предположение о существовании прасл. **raka* ‘яма, впадина; глубокое место в реке’ [54. С. 53]. Нужно признать, что древняя топографическая семантика **raka* и его дериватов находит все новые подтверждения главным образом в свете топонимических фактов, таких как новг. геогр. *Ракомо*, почск. *Рака*, словен. *Ráka*. Более того, топонимический материал дает возможность максимально конкретизировать реконструкцию этой топографической

¹¹ Этимологическая интерпретация топонимии, особенно гидронимии, с основой *Рак-/Рач-* существенно осложнена тем обстоятельством, что немалая доля таких названий обусловлена обозначением речного рака (*Astacus*). Если геогр. *Рака*, *Рачка*, *Ракино*, а следом за ними и *Ракомо* с точки зрения деривации определенно отсылают к форме **râka*, то множество водных имен с основой *раков-* (*Раковка*, *Раковец*, *Раковня* и т.п.) в плане словообразования двусмысленны: они либо восходят к форме **raky*, **rakъve* (ср. рус. *раковина*), либо к **rakъ* (ср. *раковый*). Вопрос иногда могут прояснить конкретные разыскания по отдельным названиям, но в целом мотивировка по обозначению речного рака для славянской гидронимии с основой *раков-* кажется предпочтительной в большинстве случаев. Именно поэтому при изложении материала с основой *Рак-/Рач-* целесообразно ограничиться лишь наиболее очевидными в плане словообразования топонимическими формами.

семантики. По крайней мере в регионе Новгородской земли суффиксальные производные от **raka* при перемещении в сферу топографической терминологии явно обозначали ложбины, удлиненные впадины на местности, иногда заливаемые водой. Так, рч. *Ракомка* в Поозерье (в том числе под дер. *Ракомо*) протекает в широкой, до 400 м, и глубокой ложбине, заросшей пожелтевшими травами, достаточно заметной в равнинном и открытом ландшафте микрорайона; летом речка пересыхает, превращаясь в болотце по центру ложбины, которая в половодье заполняется водой почти до краев, постепенно сходящей при понижении уровня оз. Ильмень. Полевое обследование показало, что местные жители именуют *Ракомкой* не столько речку, сколько саму эту характерную впадину. Мое полевое наблюдение подтверждают и материалы новгородского областного словаря, в котором приведен микротопоним (не гидроним!) *Ракомка* – место у дер. Запростье: «Ракомка – название земли и земляных угодий» [22. Вып. 9. С. 98]¹². Еще один случай, не менее показательный для уяснения метафорической семантики рассматриваемого слова, – новг. *Ракуха*, оронимическое название впадины, низкого места у дер. Болонье Опеченского р-на Новгородской обл. (дер. на Мсте выше Боровичей): «Ракуха – травянистое маленькое место, низкое, пахать нельзя, это Ракуха» [22. Вып. 9. С. 98]. В подобном топографическом смысле – как первоначальные обозначения низменностей, заливаемых водой – предпочтительнее трактовать, на мой взгляд, и гидронимы *Ракуша*, протока в дельте Волги в Астраханском у., реки в бассейне Ухтомы в Грязовецком у. Вологодской губ. [15. Vd. IV. S. 18] и рч. *Ракушка*, среди правых притоков р. Москвы [17. С. 112].

Источником метафорически обусловленного значения ‘ложбина, впадина (заливаемая водой)’ у новг. геогр. *Ракомо*, -а не сомневаясь нужно признать значение ‘лоток, желоб’ (проявляющееся, как отмечено выше, у словен. диал. *ráka*, сербо-хорв. диал. *rake*). Новгородская диалектная лексика знает немало проявлений именно такого семасиологического перехода; ср., к примеру, новг. *лоток* ‘корыто продолговатой формы’ и *лоток*, *лотковина* ‘низина’, *лоточина* ‘луг между двумя взгорьями; ложбина’ [22. Вып. 5. С. 46–47], *жёлоб* ‘желоб’ и ‘ложбина, продолговатое углубление на поверхности земли’ [22. Вып. 2. С. 126], новг. *русло* ‘большое корыто’ [22. Вып. 9. С. 158] и общерус. ‘ложе реки’. Пожалуй, еще более полную семасиологическую параллель манифестирует вост.-слав. диал. *колóда*. Как и в слове *рака*, в семантическом поле этой лексемы и ее дериватов по многим диалектам проявляется, во-первых, «фунеральное» значение ‘гроб, выдолбленный из дерева’; во-вторых, разные «хозяйственные» значения емкостей, к примеру ‘большое деревянное корыто’ [19. Вып. 14. С. 152–154; 44. Вып. 2. С. 400; 22. Вып. 4. С. 85]; в-третьих, топографические значения, ср. *колóдина* ‘яма на дороге’, ‘яма, в которой брали торф’ [53. С. 103] (см. об этом же [54. С. 50–51]). Как и в случае с геогр. *Ракомо*, *Ракуха*, лексема *колóда* в топографическом преломлении создает главным образом названия низменных, сырых мест или водоемов. В частности, на небольшой территории новгородского Прильменья несколько раз повторяется геогр. *Колóда*, именующее мокрое место с завалами леса неподалеку от Новгорода, сырое место у Яблоновского ручья в окрестностях Старой Руссы, ме-

¹² *Запростье* – ныне исчезнувшая деревня Ракомской вол. Новгородского у., стоявшая на расстоянии одной версты от с. *Старое Ракомо* [5. Вып. 1. С. 64–65].

сто с родниками у дер. Сотско Старорусского р-на, ручей в Валдайском р-не Новгородской обл. [22. Вып. 4. С. 86; 55. С. 47].

Итак, повторяющаяся в ограниченном ареале тополекса *Ра́комо,-а* подразумевает появление в диалекте ранних славян, пришедших на Ильмень, производного при помощи редкого суффикса *-ом-* узкоместного термина, унаследовавшего вторичную топографическую семантику прасл. **raka*. Этот древний забытый термин, конкретизируемый со значением 'впадина, ложбина', употреблялся преимущественно в топонимической функции и, следовательно, отражен только местной топонимией.

В завершение несколько слов об этнодиалектной принадлежности «рифмованного сегмента» рассмотренных архаических славянских топонимов с исходом на *-комо* (*Лукóмо, Перéкомо, Па́комо, Ра́комо*). Очевидное, характерное ядро их сосредоточения – прилегающие к Ильменю центральные районы исторической Новгородской земли, особенно бассейн р. Шелони. С археологической точки зрения территория Пришелонья и ближнего Приильменя отличается тем, что только на нее приходится та часть ареала новгородских сопек, которая лежит вне зоны пересечения с ареалом псковско-боровичских длинных курганов (см. [56. С. 141. Рис. 27]). Длинных курганов в данном субареале не выявлено. Следовательно, учитывая территориальную дистрибуцию рассмотренных раннеславянских топонимических архаизмов, можно конкретизировать принадлежность их племенному диалекту славянского населения, сооружавшего сопки в VIII–X вв., отождествляемого обычно с летописными словенами ильменскими.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Трубачев О.Н.* Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования. М., 2002.
2. Списки населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел. СПб., 1885. Т. 34. Псковская губерния; СПб., 1864. Т. 37. Санкт-Петербургская губерния; СПб., 1862. Т. 43. Тверская губерния.
3. Новгородские писцовые книги, изд. императорской Археографической комиссией. СПб., 1859–1910. Т. I–VI.
4. *Андряшев А.М.* Материалы по исторической географии Новгородской земли: Шелонская пятина по писцовым книгам 1498–1576 гг. СПб., 1914–1913. Вып. I. Списки селений; Вып. II. Карты погостов.
5. Список населенных мест Новгородской губернии/Под ред. В.А. Подобедова. Новгород, 1907–1912. Вып. I–VIII.
6. Писцовые книги Новгородской земли / Сост. К.В. Баранов. М., 1999–2004. Т. 1–5.
7. Приложение к распоряжению облисполкома от 22.08.89 г. «Об утверждении перечня рек, озер и водохранилищ Новгородской области для установления водоохранных зон до 2000 года».
8. Полное собрание русских летописей. СПб., 1841–1856. Т. I–VII.
9. Лаврентьевская летопись / Подг. к изд. А.И. Цепковым. Рязань, 2001.
10. Етимологічний словник літописних географічних назв Південної Русі. Київ, 1985.
11. Словник гідронімів України. Київ, 1979.
12. *Нерозник В.П.* Названия древнерусских городов. М., 1983.
13. *Насонов А.Н.* «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. Историко-географическое исследование. СПб., 2002.
14. *Жучкевич В.А.* Краткий топонимический словарь Белоруссии. Минск, 1974.
15. Wörterbuch der russischen Gewässernamen / Begr. von M. Vasmer. Berlin; Wiesbaden, 1961–1969. Bd. I–V.
16. *Мурзаев Э.М.* Словарь народных географических терминов. М., 1999. Т. 1–2.
17. *Смолицкая Г.П.* Гидронимия бассейна Оки. М., 1976.

18. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1998. Т. 1–4.
19. Словарь русских народных говоров / Ред. Ф.П. Сороколетов. СПб., 2002–2007–. Вып. 1–40–.
20. *Толстой Н.И.* Славянская географическая терминология: Семасиологические этюды. М., 1969.
21. *Васильев В.Л.* Новгородская географическая терминология (Ареально-семасиологические очерки). Великий Новгород, 2001.
22. Новгородский областной словарь / Отв. ред. В.П. Строгова. Новгород, 1992–1995; Вып. 1–12; Великий Новгород, 2000. Вып. 13.
23. *Hydronimia Wisly. Cz. I. Wykaz nazw w układzie hydrograficznym / Pod red. P. Zwolińskiego. Wrocław etc., 1965.*
24. *Górniewicz H.* Toponimia powiatu Starogardzkiego. Wrocław, 1985.
25. *Hydronimia Odry: Wykaz nazw w układzie hydrograficznym / Pod red. H. Borka. Opole, 1983.*
26. *Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Zagreb, 1880–1976. Т. I–XXIII.*
27. *Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. М., 1974–2007–. Вып. 1–33–.*
28. Новгородские летописи / Подг. к изд. А.И. Цепковым. Рязань, 2002.
29. *Секретарь Л.А., Филиппова Л.А.* По Приильменью: Путеводитель. Л., 1991.
30. Где святая София, там и Новгород. СПб., 1998.
31. Российский государственный архив древних актов.
32. *Яшкін І.Я.* Беларускія геаграфічныя назвы. Тапаграфія. Гідралогія. Мінск, 1971.
33. *Фасмер М.* *Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачев. М., 1986–1987. Т. I–IV.*
34. *Селин А.А.* Историческая география Новгородской земли в XVI–XVIII вв. Новгородский и Ладужский уезды Водской пятины. СПб., 2003.
35. *Заимов Й.* Български географски имена с -*ъ*. София, 1973.
36. *Павлович Зв.* Хидроними Србије. Београд, 1996.
37. *Bezljaj F.* Slovenska vodna jmena. Ljubljana, 1956–1961. D. I–II.
38. *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка. СПб., 1893–1912. Т. I–III.
39. *Шанько Д.Ф.* Реки и леса Ленинградской области. Л., 1929.
40. *Рутит К.* Nazwy miast Polski. Wrocław etc., 1987.
41. *Черных П.Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка. М., 1993. Т. 1–2.
42. *Rospond S.* Słownik etymologiczny miast i gmin PRL. Wrocław etc., 1984.
43. *Топоров В.Н.* Балтийский элемент в гидронимии Поочья. II // Балто-славянские исследования 1987. М., 1989.
44. Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / Гл. ред. А.С. Герд. СПб., 1994–2005. Вып. 1–6.
45. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. А.Н. Насонова. М.; Л., 1950.
46. Софийская первая летопись. Полное собрание русских летописей. М., 2000. Т. 6. Вып. 1.
47. *Prinz J.* Versuch einer orientierenden Bestimmung von Namenräumen in frühostslavischen Bereich // Beitrage zur Namenforschung. Heidelberg, 1969. Beih. 5.
48. *Василев И.И.* Псковская губерния // Историко-географические очерки как пособие народным учителям по предмету родиноведения. Псков, 1896.
49. *Янин В.Л.* Новгород и Литва: пограничные ситуации XIII–XV веков. М., 1998.
50. *Чумакова Ю.П.* Расселение славян в Среднем (Рязанском) Поочье по лингвистическим и историческим данным. Уфа, 1992.
51. *Profous A.* Místní jména v Čechach: Jejich vznik, původní význam a změny. Praha, 1949–1957. D. I–IV.
52. *Грінченко Б.Д.* Словарь української мови. Київ, 1907–1909.
53. *Черепанова Е.А.* Народная географическая терминология Черниговско-Сумского Полесья. Сумы, 1984.
54. *Шульгач В.П.* Гідронімія басейну Стиру як джерело реконструкції деяких географічних термінів // Мовознавство. 1989. № 5.
55. *Строгова В.П.* Как говорят в Новгородском крае. Новгород, 1991.
56. *Седов В.В.* Древнерусская народность: Историко-археологическое исследование. М., 1999.



© 2009 г. И. Ф. МАКАРОВА

ОСМАНСКАЯ МАТРИЦА ДЛЯ ОСВОБОЖДЕННОЙ БОЛГАРИИ

Тема противостояния двух цивилизаций – Востока и Запада, ислама и христианства, популярная в историографии последних лет, применительно к истории Болгарии имеет практическое значение. Переход из-под контроля исламского мира в сообщество европейских государств ее население пережило по историческим меркам совсем недавно – в 1878 г. Неудивительно, что в историографии этой страны традиционно сильные позиции занимает обличительная тональность в отношении Османской империи. Кроме того, вполне понятное желание подчеркнуть собственную европейскую идентичность и дистанцироваться от прошлого не способствует интересу болгар к проблеме преемственности между османским и постосманским периодом своей истории¹.

На этом фоне особый интерес вызывает подход, предложенный российским ученым В.Н. Топоровым. В 2007 г. он ввел в научный оборот новое понятие – древнебалканская «матрица традиционализма» – отражающее социальные и психологические особенности населения региона [2]. Основные характеристики этой матрицы обусловлены, по его мнению, прежде всего географической спецификой, полиэтничностью и земледельческим типом культуры. Начало формирования матрицы В.Н. Топоров относит к глубокой древности, а процесс размагничивания к концу XIX ст. Именно с влиянием этой матрицы он соотносит такие основополагающие характеристики балканского общества, как бытовой демократизм, коллективизм, приверженность духу толерантности [2. С. 15]. Опираясь на предложенную В.Н. Топоровым модель, Р.П. Гришина попыталась оценить болгарское общество постосманского периода (1878–1918) с точки зрения его соответствия основным параметрам древнебалканской матрицы [3]. В частности, с ее влиянием Р.П. Гришина связывает популярность в среде болгар идей крестьянской трудовой собственности, «народной демократии», этатизма, а также общую толерантность населения и его склонность к идеализму (в смысле наивной готовности к механическому копированию иностранных образцов).

Не подвергая сомнению корректность предложенной модели, хотелось бы, однако, внести в нее некоторые уточнения. Связаны они, на мой взгляд, с не-

Макарова Ирина Феликсовна – канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН.

¹ Отдельные аспекты этой темы недавно были рассмотрены Е. Ивановой при изучении специфики процессов модернизации на Балканах [1].

обходимостью более внимательного учета влияния османского завоевания. Безусловно, степень присутствия этого фактора в разных районах полуострова не была одинаковой. Специфика османского общества предполагала высокую степень его внутренней гетерогенности [4. С. 12]. Эта неоднородность, явившаяся прямым следствием механического объединения многочисленных племен и народов, продолжала веками существовать, не встречая серьезного противодействия со стороны властей. Поэтому на западных окраинах, где реальная власть Порты была слаба, население могло веками сохранять прежние традиции практически в неизменном виде. Соответственно, в этих районах степень влияния древнебалканской матрицы могла оставаться высокой.

На востоке полуострова ситуация сложилась иная. Здесь в полном объеме функционировали все социальные, экономические и политические институты исламского общества, а степень интеграции местного населения в состав новых общественных структур была значительной. Кроме того, с XIV в. в этот район началось массовое переселение скотоводческих племен татар и юруков, продолжавшееся до конца XVI в. По оценкам демографов, особенно сильно от тюркской колонизации пострадала Добруджа, северная, восточная и эгейская части Фракии, в меньшей степени Македония и Мизия [5. С. 217–220]. Не без влияния этого фактора к середине XVI в. общее количество мусульман достигло в районах Причерноморья (от Адрианополя до Силистры) 72% населения, а в Восточных Родопах и эгейской Фракии – 89% [6. С. 162, 263]. И хотя вопрос относительно их этнической принадлежности остается в науке открытым (турецкие историки склонны видеть в них потомков тюркских колонистов, а болгарские дружно настаивают на последствиях насильственной исламизации), данная статистика ставит под сомнение возможность эффективного функционирования в этих районах прежней матрицы.

Тем не менее, наблюдения Р.П. Гришиной относительно соответствия основных характеристик болгарского общества конца XIX – начала XX в. предложенной В.Н. Топоровым древнебалканской матрице выглядят аргументированно. Для того чтобы разобраться в этом феномене, возможно, имеет смысл более внимательно присмотреться к османскому социуму как таковому. Учитывая же актуальность поставленного Р.П. Гришиной вопроса для понимания специфики становления болгарской государственности, представляется целесообразным сфокусировать более пристальное внимание на теме преемственности.

В историографии факт появления в Болгарии на рубеже XIX–XX вв. массового в количественном отношении слоя крестьян-собственников, общественно активных и фактически взявших на себя функцию представителей среднего класса, обычно связывается с последствиями так называемого «аграрного переворота» – революционного по своей форме акта перехода земельных наделов от бывших турецких владельцев к болгарам [7]. Однако сводить данное явление исключительно к процессам внутри самого болгарского социума вряд ли вполне корректно, поскольку на протяжении столетий он был неотъемлемой составной частью более широкой общности. Поэтому представляется правомерным попытаться соотнести его с моделью, в рамках которой он формировался и выявить элементы османской матрицы, на первом этапе османского владычества способствовавшие адаптации болгар к изменившимся условиям, а в конце XIX в. продолжившие существование в новой реальности.

Исследуя проблемы, связанные с генезисом османской системы землепользования, специалисты отмечают наличие достаточно высокой степени ее преемственности с более ранними балканскими структурами. Наиболее ярко эта тенденция проявилась в отношении сельской общины, которую османы сохранили практически в неизменном виде. По мнению болгарского историка Е. Гроздановой, изучавшей данный вопрос, одной из основных причин этого феномена явилась чрезвычайно высокая степень вписываемости традиционной балканской общины в новую военно-ленную систему землепользования [8. С. 22–52]. Провозглашение верховной и неограниченной собственности государства (в лице султана) на основной земельный фонд и учреждение на его основе института условного служебного землевладения (спахилык) не противоречило существованию общинной формы землевладения. Более того, сохранение этой формы было властям выгодно, поскольку препятствовало превращению условных земельных держаний в наследственные. Именно последнее обстоятельство, вероятно, способствовало признанию юридических прав сельской общины на земельный фонд в тех границах, которые сложились с доосманских «старых времен» [8. С. 30]. Право пользования общим земельным фондом, включая пастбища, водопои и т.д. (при признании верховной собственности государства) закреплялось за общиной как коллективным владельцем. Что касается непосредственных производителей, то они сохраняли свои владельческие права на обрабатываемую землю, включая право ее купли-продажи и бесплатного наследования.

Если говорить о традиционном для общины принципе коллективной ответственности (как в сфере налогообложения, так и уголовно наказуемых деяний), то он сразу же нашел полное понимание и поддержку со стороны новых властей [8. С. 89–125]. Особое удобство практика круговой поруки представляла для органов фиска. Она избавляла администрацию от обязанностей, связанных с регистрацией общинников в качестве налогоплательщиков, а также распределением и сбором налогов. Причем вся эта регулярная, кропотливая и по своей сути чиновничья работа проводилась старейшинами вплоть до 1838 г. совершенно бесплатно.

Особенно высокий уровень коллективизма был характерен для общин так называемой привилегированной райи (войнуков, доганджиев и др.), освобождаемых властями от ряда налогов в обмен на выполнение некоторых видов военизированной службы (охрана дорог и т.д.). Именно в общинах этого типа древние традиции были наиболее живучи. Одним из проявлений этого явления можно считать, например, необычайно высокий социальный статус старейшин, нередко связанных своим происхождением с древними родами и занимавших свои должности по наследству. Однако необходимо сразу оговориться. Общины привилегированной райи были распространены в основном на периферии Балкан (например, в Сербии). В восточной части полуострова их количество было невелико. Фактически не осталось среди болгар и представителей родовой знати. Поэтому в болгарских землях уровень внутренней самоорганизации общин соответствовал скорее не древнебалканским, а общеосманским стандартам.

Сохранение позиций традиционной сельской общины в системе османского землепользования могло бы иметь исключительное значение для консервации ее как одного из основных компонентов древнебалканской матрицы. Если бы не одно но. В восточных обществах, с которыми органически была связана

османская модель землевладения, производственный и социальный статус общины был еще более высок. Достаточно вспомнить классический пример – так называемый азиатский способ производства, столь красочно описанный К. Марксом [9. С. 130–136]. Поэтому нельзя исключать, что совпадение некоторых базовых характеристик двух моделей (включая принцип коллективизма) могло запустить в действие механизм замещения (на уровне аналогов) или же стимулировать процесс адаптации древних традиций к новой системе общественных отношений (при параллельном их переосмыслении). В любом варианте, учитывая лидирующие позиции новой, османской, матрицы и фактор времени, результат, по всей вероятности, был предreshен.

Постепенный развал спахийской системы, вылившийся в XVIII в. в структурный кризис всего османского общества, поставил Порту перед необходимостью проведения земельной реформы. Эта реформа носила поэтапный характер. В болгарских землях основной объем мероприятий по изъятию земель спахилька в казну пришелся на начало 30-х – середину 40-х годов XIX в. [10]. Для крестьян, проживавших ранее на этой категории земель (т.е. подавляющего большинства сельского населения), основным результатом нововведений стало устранение фигуры посредника (спахия), стоявшего ранее между государством и непосредственными производителями. Что же касается положения сельской общины, то оно осталось прежним. Все земли, закрепленные ранее за общиной, сохранили принадлежность прежнему хозяину: формально – государству, фактически – общине как коллективному владельцу. Новую частновладельческую по своей сути форму земельной собственности – чифтлики (земли, приобретенные с торгов и обрабатываемые арендаторами или батраками) земельный кодекс игнорировал принципиально [11. С. 207]. Хотя чифтлики достигали порой огромных размеров, даже сам термин «частновладельческие» историкам приходится употреблять по отношению к ним с высокой степенью условности, поскольку их хозяева обладали не правом собственности, а такими же документами на потомственное владение (тапу), как и обычные крестьяне-общинники. На них распространялись и общепринятые в империи ограничения на право распоряжения государственными землями. В частности, правительство продолжало собирать с чифтликов свою законную десятину, а процедура их купли-продажи подчинялась общим для крестьян бюрократическим правилам.

Однако при всем своем внешнем традиционализме новое земельное законодательство имело неожиданно позитивные последствия для укрепления правовых позиций крестьян-общинников. Имея в качестве основной цели юридическую защиту государственной земельной собственности от посягательств со стороны частного капитала, законодательство автоматически распространяло защиту и на них (как на буфер). В частности, закон о земле (1858) предусматривал серьезные ограничения на продажу и закладывание крестьянских участков в счет долга. Лишь при наличии соответствующего разрешения чиновника и при его посредничестве разрешалось в случае необходимости оформлять с кредитором договор на временную передачу земли при условии ее возврата (после уплаты долга) [11. С. 136–137]. Особое значение в плане укрепления правовых позиций непосредственных производителей имело повышение статуса традиционного для Османской империи земельного удостоверения – тапу. Изданный в 1859 г. соответствующий закон увязывал все юридические операции с землей обязательным наличием этого документа. И хотя в 1867–1869 гг.

под давлением великих держав Порты была вынуждена предпринять некоторые шаги для обеспечения прав кредиторов, степень защищенности крестьян-общинников осталась достаточно высокой.

В болгарских землях финальная точка в земельной реформе была поставлена в начале 60-х годов XIX в. после урегулирования Портой конфликта вокруг особой формы земельных владений, известной как господарлык (разновидность чифтлик, хозяева которых обладали законно оформленным документом – тапу на территорию целых сел, т.е. общин). Наибольшее распространение господарлыки получили на рубеже XVIII–XIX вв. в районе Видина – Кюстендила. По мнению С. Дамянова, ликвидация этой формы землевладения, а также юридические препоны, поставленные правительством на пути ее реанимации, фактически унифицировали условия для развития сельского хозяйства на всей территории проживания болгар [12. С. 190]. С этого времени средний размер крестьянских хозяйств на северо-западе стал составлять в среднем те же 80–150 дюнюмов², что и в целом по региону [12. С. 191; 13. С. 225–227]. Более мелкие хозяйства остались в основном прерогативой горных и предгорных районов (40–80 дюнюмов), а более крупные (свыше 150 дюнюмов) – слабо заселенных просторов Добруджи [13. С. 269; 14. С. 44–48].

Социальные последствия этой реформы для истории болгарского народа переоценить трудно. Основной костяк на селе отныне стали составлять зажиточные, лично свободные крестьяне-общинники, обладавшие к тому же юридически оформленными документами на свою землю. Например, в центральных и далеко не самых богатых районах Болгарии (Тырново, Русе, Шумен, Провадия) в 70-е годы XIX в. число середняков достигало 56%, а количество сосредоточенной в их руках земли 58% [13. С. 269]. Отношение этого слоя к революционной пропаганде было соответствующим. Как признавали современники, крестьяне (составлявшие свыше 80% населения) были «совершенно апатичны к любой политической агитации и очень недоверчивы к политическим агитаторам» [12. С. 192–193]. Это был слой потенциальных собственников, терпеливо дожидавшихся лишь часа, чтобы законно вступить в свои права. В 1878 г. вместе с ликвидацией османского режима (и, соответственно, отменой верховной собственности государства на землю) эти ожидания осуществились. Поэтому появление в Болгарии на рубеже XIX–XX вв. массового в количественном отношении класса крестьян-собственников можно считать естественным результатом генезиса османской системы землевладения. Фактически этот класс был частью того наследия, которое Османская империя, уходя, оставляла освобожденной Болгарии.

Что касается феномена, касающегося чрезвычайно высокой степени общественной и политической активности болгарского крестьянства на рубеже XIX–XX вв., то его истоки, возможно, имеет смысл также соотносить с османской матрицей. В данном случае речь может идти о тех традициях самоуправления, которые подразумевали участие иноверцев. Однако механизм вовлечения иноверцев в эту систему был довольно парадоксален.

В основе построения османского государства лежала прежде неизвестная на Балканах теократическая модель. Одним из ее конкретных проявлений был принцип конфессиональной стратификации общества, которого османы строго придерживались вплоть до эпохи Танзимата. С точки зрения коренного

² 1 дюнюм соответствовал 919,3 кв. м.

населения Балкан и всей остальной Европы, такая стратификация была ни чем иным, как дискриминацией по религиозному признаку. Однако на практике именно она способствовала появлению внутри единого политического пространства системы конфессиональных анклавов, функционировавших на принципах внутреннего самоуправления. Связано ее появление было с тем, что исламская государственно-теократическая доктрина принципиально не допускала отделения светского начала от духовного. Соответственно, регулирование всех проявлений жизни общества изначально было ориентировано на соответствие законами шариата. Иноверцы в эту схему заведомо не вписывались. Поэтому организационным решением возникшей проблемы явилось учреждение миллетов – системы религиозно-юридической и церковно-административной автономии, предусматривавшей существование нескольких параллельных конфессионально-организационных структур – мусульманской, православной, иудейской и армяно-григорианской общин.

Многие современные исследователи склонны рассматривать систему миллетов в качестве основополагающего фундамента классического османского общества, предопределившего как специфику его дальнейшего развития, так и особенности формирования инкорпорированных в него наций [15]. Было бы, однако, преувеличением считать, что миллеты были четкой административной структурой в общей схеме османской государственности, сложившейся еще в XV–XVI вв. Так, например, американский тюрколог Б. Брауде справедливо подчеркивает, что управление иноверными подданными султана реализовывалось исходя в основном из общих идеологических установок, а на практике, в значительной степени, было связано с конкретной ситуацией и деятельностью тех или иных личностей, выступавших от имени своих конфессиональных общин. Соответственно характер лидерства и масштабы власти в различных ситуациях также различались [16. Р. 70].

В рамках православного миллета правовой статус христианской церкви и патриарха по сравнению с доосманским периодом оказался резко расширен [17]. По аналогии с собственными религиозными учреждениями османы обеспечили эту структуру реальным финансово-экономическим иммунитетом. Церковные власти были обязаны вносить в государственную казну определенные отчисления, сохранив во внутренних делах самостоятельность. По аналогии с мусульманскими учреждениями, они были также наделены не типичными для них прежде судебными и отчасти судебно-исполнительными функциями. Особенно это касалось области семейно-брачных и наследственных отношений, где османское государственное право, основанное на шариате, не могло применяться к иноверцам.

Низшим административным звеном в системе миллетов были все те же общины, выступавшие в данном случае в качестве церковно-приходских. В основе их формирования (как в городах, так и сельской местности) лежал принцип религиозно-территориального размежевания населения. Представители той или иной конфессии обязаны были селиться в соответствующих кварталах (махалах), составлявших территориальное ядро приходской общины во главе со священнослужителем. Главой православных, соответственно, был местный священник. В официальных документах османской канцелярии именно его имя зачастую использовалось и для наименования всей общины. Так, например, в Видине в 1542 г. упоминаются общины с названиями «Поп Иван», «Поп Средко», «Поп Игнат», «Поп Пене» и др. [18. Р. 23]. Согласно установившейся

практики, контакты с органами власти священник осуществлял или единолично, или в составе выборной делегации в количестве от одного до десяти человек [19. С. 164–165].

В новой системе священники обладали не только властью церковной, но и элементами судебно-административной: подобно кади они заверяли завещания, торговые сделки, договоры, т.е. брали на себя функцию низшей судебной инстанции. Благодаря их деятельности вмешательство османской администрации во внутренние дела и повседневную жизнь христиан было не так уж велико. Вопросы в области семейного, наследственного и договорного права духовенство решало самостоятельно на основе положений канонического церковного и традиционного обычного права. По информации Е. Гроздановой, в шариатские суды священники передавали дела лишь в исключительных случаях, выступая на них при этом в качестве свидетелей, поручителей и представителей своих односельчан [8. С. 86].

Из механизмов системного характера, способствовавших формированию у населения общественно значимых навыков, стоит также упомянуть принцип работы ремесленных корпораций (эснафов), объединявших рассеянные по городам и селам мастерские, занимавшиеся производством и сбытом продукции в рамках определенной специализации (обычно в пределах одного административного округа). Структура этой типичной для Востока организации, в формировании которой принимало активное участие государство, сложилась на Балканах уже в начале XVI в. и демонстрировала большое единообразие на территории всего полуострова [20. С. 116–118]. Большинство корпораций формировалось и функционировало без учета религиозных и этнических различий между членами (хотя этот принцип не отвергал возможность существования однородных в религиозном отношении организаций). Одной из основных черт всех эснафов был принцип внутреннего самоуправления. Администрация носила выборный характер. Ее официальным главой был кехайя, который избирался собранием мастеров из числа старейшин цеха и утверждался местными властями. Однако верховным органом корпорации был все же совет старейшин, на заседаниях которого наиболее авторитетные мастера решали все основные вопросы хозяйственной жизни.

Признание государством эснафов в качестве одного из официальных органов самоуправления подкреплялось делегированием им права принятия решений (имевших силу судебных) как по отношению к своим членам, так и по вопросам, связанным с проблемами ценообразования, регламентации производства и торговли продукцией. Лишь с наступлением эпохи Танзимата и принятием в 1860 г. закона, предусматривавшего создание подведомственных Министерству торговли коммерческих судов (и, соответственно, изъятие этой функции у эснафов), ремесленные корпорации потеряли свой прежде высокий социально-правовой статус. Но в этот период в обществе уже стартовали процессы, качественно повысившие степень вовлечения иноверцев в систему местного самоуправления за счет их допуска в ранее закрытые для немусульман органы власти.

Первым и отчасти декларативным шагом в этом направлении стал султанский указ о развитии системы местного самоуправления, появившийся сразу после обнародования знаменитого Хатт-и шерифа (1839). В соответствии с этим указом во всех провинциальных центрах предусматривалось создание выборных совещательных органов (меджлисов), в функцию которых входило

обсуждение проблем управления, налогов, бюджета, правосудия и благоустройства территории. Их главным отличием от более ранних советов подобного типа была расширенная представительская база: отныне в их работе разрешалось участвовать всем подданным вне зависимости от вероисповедания (на практике в этот период дело ограничивалось участием в них священников).

В 50–70-е годы XIX в. реформы, направленные на вовлечение иноверцев в имперскую систему управления, получили новый толчок в связи с формированием так называемой доктрины османизма. Ее основные положения нашли отражение, в частности, в известном султанском указе Хатт-и хумайун. В основе этого документа лежала идея о возможности модернизации Османской империи посредством ее внутренней гомогенизации – слияния всех наций в единое целое на принципах единого гражданства и государственного патриотизма [21. С. 56–96].

Главным препятствием на пути предполагавшейся секуляризации общества являлась система миллетов, реформа которой началась в начале 60-х годов XIX в. В 1862–1865 гг. Портой были обнародованы документы, ограничивающие прерогативы православного, армяно-григорианского и иудейского духовенства: заново регулировался статус основных иноверческих общин, полномочия их руководства, порядок избрания высших органов. Находившийся ранее в ведении священнослужителей контроль над мирскими делами передавался во вновь создаваемые гражданские советы при главах миллетов. На эти советы возлагались не только административные функции, связанные с курированием школ, больниц и тому подобное, но и судебные, являвшиеся ранее исключительно прерогативой духовной власти. Все эти шаги должны были способствовать постепенному отделению церкви от государства и вовлечению мирян в прежде закрытые для них сферы управления.

Важным дополнением к этим актам стали два закона 1864 г. Первый из них касался сферы судопроизводства и был призван заполнить правовой вакуум, образовавшийся после начала реформирования миллетов. Он предусматривал отделение судебной власти от церковно-административной, создание иерархической системы светского правосудия для всех османских подданных вне зависимости от вероисповедания, выборность членов суда особыми комиссиями и равное количество среди них представителей от конфессиональных общин. Второй закон (о вилайетах) был нацелен на реформирование системы провинциального управления и, в частности, повышение статуса меджлисов: в компетенцию данного органа планировалось передать весь круг вопросов административно-хозяйственной деятельности – местный бюджет, общественные работы, благоустройство и т.д. Мусульмане и иноверцы должны были заседать в меджлисах в равных пропорциях на всех административных уровнях (в областях, округах, уездах и волостях). Часть членов назначалась администрацией, а часть делегировалась местным населением.

В 1867 г. административная реформа дополнилась еще одним новшеством – учреждением в городах конфессионально смешанного выборного органа – беледийе. На его создании особенно настаивали французские и австрийские дипломаты, считавшие, что беледийе могут стать прообразом европейских муниципалитетов. За счет отчислений из местного бюджета муниципалитеты были призваны заниматься вопросами благоустройства и санитарного состояния городов.

Безусловно, принятие новых законов еще не означало наступления фактического равенства между мусульманами и иноверцами. Все без исключения русские дипломаты оценивали результаты нововведений весьма скептически. Например, по сведениям русского консула в Адрианополе М.И. Золотарева в 1864 г. христиане в административных советах Фракии были крайне малочисленны [22. С. 87–94]. В центральном межджисе Адрианополя их представлял один грек и один армянин, но и те ставили свои печати под документами в основном автоматически, так как не умели читать по-турецки. В местных межджисах ситуация была аналогичной. Западноевропейские наблюдатели в целом были настроены более оптимистично. В частности, на австрийского путешественника Ф. Канитца, посетившего Балканы в середине 60-х годов XIX в. нововведения произвели самое благоприятное впечатление. Особенно он отмечал поощряемую властями возможность получения христианами административных должностей [23. С. 134].

Вполне допуская справедливость упреков по поводу неудовлетворительных темпов вестернизации, хотелось бы, однако, отметить, что степень приобщения иноверцев к системе самоуправления вряд ли стоит соотносить лишь с этим критерием. Равно как и судить исламское общество по законам и стандартам западной цивилизации. Думается, рамки таких системных структур, как миллеты, эснафы и сельские общины вполне могли предоставить иноверцам гораздо больше возможностей для получения навыков самоуправления, чем случайные европейские заимствования. Что же касается конкретно болгар, то в 50–70-е годы XIX в. эти навыки получили дополнительную подпитку в процессе активного участия их общин сначала в движении по созданию отдельного от греков болгаро-православного миллета (экзархата), а затем по определению его административных границ в этнически смешанных епархиях. Однако успехи на этом поприще вряд ли могли быть особенно значительными без наличия у широких слоев населения системного опыта самоорганизации. И хотя в болгарской историографии данный факт не принято связывать с османской матрицей, возможно, пришло, наконец, время поставить вопрос хотя бы о ее влиянии.

Говоря об османском влиянии уместно также остановиться на тех факторах, которые, если и не имели фундаментального значения, то все же способствовали появлению в болгарской среде некоторых специфических черт, происхождение которых трудно объяснить вне турецкого контекста.

На бытовом уровне влияние ограничивалось, скорее всего, поверхностными заимствованиями. В этом ряду бросается в глаза стойкая приверженность болгар традициям восточной кухни и сохранение большого количества тюркизмов в повседневной лексике [24]. Многочисленные проявления турецкого влияния специалисты обнаруживают также в национальной болгарской архитектуре конца XIX в. [25. С. 217] и во внутреннем убранстве дома [26. С. 407]. В ментальной сфере стоит упомянуть типичное для постосманского периода подчеркнуто негативное отношение болгарской интеллигенции к занятию бизнесом и глубокое уважение к государственной службе [27. С. 113], что полностью соответствовало стереотипам мусульман [28. С. 10].

За годы Танзимата болгары также успели, по-видимому, привыкнуть к практике механического копирования европейских образцов. В постосманский период, по мнению Д. Мишковой, эта практика превратилась в одну из характерных особенностей общественно-политической жизни Княжества

Болгария [27. С. 17]. Один из ярчайших примеров – Тырновская конституция 1879 г., образцом для которой послужила конституция Бельгии, явно не соответствовавшая цивилизационному уровню развития молодого балканского государства. И хотя Д. Мишкова не склонна заострять внимание на проблеме исторической инерции, вряд ли стоит игнорировать ее полностью. Тем более что за предшествовавшие два десятилетия болгарам довелось стать участниками и свидетелями бесконечных экспериментов подобного рода.

Вот лишь несколько примеров. Османский Уголовный закон 1858 г. За его основу разработчиками был взят французский уголовный кодекс 1810 г. Османский документ воспроизводил несколько основных принципов своего европейского прототипа: принцип законности, равенства и т.д. Однако наличие в обществе огромного мусульманского сегмента, признающего исключительно законы шариата, стало серьезным препятствием на пути его использования. Аналогичная история произошла и с новым Гражданским кодексом, также имевшим французский прототип.

В 1868 г. исходным образцом для османского Госсовета стал учрежденный императором Наполеоном III Государственный совет Франции. В компетенцию нового османского органа должна была входить подготовка проектов новых законодательных актов, экспертиза инициатив провинциальных меджлисов и некоторые другие вопросы административного характера. На практике же Госсовет быстро превратился в аналог традиционного восточного Дивана [29. Р. 441].

Османский закон о всеобщем образовании (1869), повлиявший, по мнению Д. Мишковой, на становление образовательного процесса в Княжестве Болгария [27. С. 13], готовился с подачи французских дипломатов. Этот документ детально регламентировал всю систему обучения на территории империи. Устанавливалось деление школ на две категории – государственные и частные (под контролем государства). Предусматривалось введение многоступенчатой системы образования: для детей (обязательное и бесплатное), для подростков (посещение не носило обязательного характера), подготовительное – для поступления в лицей, и, наконец, специальное или высшее образование (платное). Но в отличие от Княжества Болгария в Османской империи эффективность новшества оказалась сомнительной. Представители сразу всех конфессиональных общин постарались его саботировать из-за заложенного в нем принципа совместного обучения (на двух верхних ступенях).

И, наконец, первая турецкая конституция 1876 г. Так же как и у болгарской конституции 1879 г., прототип у нее был бельгийский [30 Р. 356]). В стране вводилась конституционно-монархическая форма правления с учреждением парламента. В документе торжественно декларировалось равенство всех подданных перед законом, гарантировалась защита собственности, неприкосновенность жилища, независимость судебной системы, свобода печати, обязательное начальное образование и пропорциональное распределение налогов. Однако конституция была столь далека от реалий жизни, что ее отмена (как и введение) общественно значимых последствий не имели.

Что касается османского влияния более глубокого уровня, то наиболее определено оно обнаруживается, пожалуй, в ментальной сфере. Скорее всего, именно воздействием османской матрицы можно объяснить уникальную для Европы того времени толерантность болгар в области межконфессио-

нальных и межэтнических отношений, а также чрезмерно высокий уровень присутствия государства в экономике.

Степень толерантности болгар хорошо известна и вряд ли нуждается в дополнительных комментариях. В наиболее яркой форме она проявилась, пожалуй, накануне и в годы Второй мировой войны, когда даже сотрудничество с Гитлером не могло поколебать устоев общественного мнения в этой сфере. В итоге именно наличие консолидированной позиции, в том числе поддержка церкви [31], помогли стране избежать геноцида в отношении цыган и евреев.

О толерантности османского общества говорить сложно. Стараниями европейской прессы и дипломатов за ним в XIX в. закрепился настолько устойчивый негативный имидж, что оспаривать его в рамках данной статьи неуместно. Тем более, что к 70-м годам XIX в., когда совокупность проводимых Портой реформ начала вызывать изменения системного характера, ситуация в сфере межконфессиональных и межэтнических отношений действительно осложнилась. Однако нельзя вместе с тем забывать, что к тому времени османской государственности насчитывалось уже пять столетий (при условии системной нестабильности такой результат вряд ли возможен). Если же рассматривать более ранний период (XV – начало XIX в.), особенно когда речь не шла о защите государственной безопасности, то, судя по общей совокупности данных, уровень напряженности между народами, населявшими Мизию, Фракию, Македонию и Добруджу можно охарактеризовать как низкий [32]. Османская империя, в отличие от Европы, никогда не знала и еврейских погромов. И это несмотря на то, что огромная по численности иудейская диаспора традиционно специализировалась на ростовщичестве и финансовых операциях [33. С. 35–37]. Своеобразным индикатором толерантности османского общества может выступать и отношение к нему русских старообрядцев. Вынужденные искать пригодные для переселения земли с веротерпимыми режимами, они пользовались исключительно собственными источниками информации. Поскольку в XVIII–XIX вв. они посчитали возможным основать на землях турецкого султана огромный староверческий анклав, можно полагать, что местные условия их вполне устраивали [34].

К середине 40-х годов XIX в., судя по агентурным данным российского Министерства внутренних дел, общее количество старообрядцев на землях Османской империи составляло не менее 40 тыс. человек (из них около 20 тыс. проживали на вассальных территориях левобережья Дуная, а остальные в Добрудже и Малой Азии) [35. С. 135]. Проблем межэтнического или межконфессионального характера на новом месте жительства у них не возникало (за исключением взаимоотношений с другой группой эмигрантов из России – запорожских казаков). Так, например, в середине XIX в. в г. Тулча (Добруджа) они мирно уживались с шестью этноконфессиональными общинами – мусульманской, иудейской, армянской, православной (в основном болгарской), руснацкой (украинской) и молоканской [36. С. 687].

Сохранились данные, свидетельствующие, что в сознании современников истоки толерантности на землях Османской империи ассоциировались именно с ее общественной моделью. Например, в той части Молдавии и Бессарабии, которая по условиям Бухарестского мирного договора 1812 г. перешла к России, русские чиновники даже в конце 40-х годов XIX в. продолжали прямо обвинять бывший турецкий режим в поражавшем их равнодушии местного православного населения «к проявлению других религиозных мнений» [37.

С. 436–437]. В свою очередь, старообрядцы весьма настороженно относились к перспективе освобождения от турецкого ига. Известно, в частности, что в период подготовки Парижского мирного договора (1856) представители их общин на территории Дунайских княжеств обращались к великим державам с просьбой избавить их от подчинения молдавским господарям и оставить под властью Порты [38. С. 690]. Что касается практической плоскости, то оценка османского правления выразилась, в частности, в постепенном переселении старообрядцев из районов, где возникали независимые национально ориентированные государства.

Природа толерантности османского общества имела, безусловно, теократическую основу и базировалась на системе миллетов. Являясь частью единого экономического и политического пространства, миллеты занимали каждый свою автономную нишу – конфессиональную, а также связанную с ней административную, культурную, а в отдельных случаях и этническую (как, например, это произошло с евреями или армянами). Изначально их количество соответствовало четырем основным, представленным в империи конфессиям – исламу, православию, иудаизму и григорианству. Однако с 30-х годов XIX в. число миллетов начало стремительно расти, в том числе за счет легитимизации статуса относительно мелких этнорелигиозных групп (греки-униаты, армяне-католики и т.д.), достигнув в начале XX в. четырнадцати [39. Р. 214].

Постепенное усиление позиций этнического компонента внутри этой прежде строго конфессиональной структуры не вступало, по всей видимости, в серьезное противоречие со стереотипами массового сознания. Исходная смысловая нагрузка самого слова миллет, в переводе с турецкого означавшего сразу два понятия – конфессиональная община и народ, вполне допускала расширенное понимание термина. С наступлением эпохи формирования наций конфессиональный смысл начал, по-видимому, постепенно терять актуальность и уходить в тень. Во всяком случае, в современном турецком языке слово «миллет» употребляется, прежде всего, в значении народ.

Для болгар возможность расширенного толкования данного термина имела весьма важные последствия. Сам факт учреждения в 1870 г. нового болгаро-православного миллета (экзархии) означал в системе османских реалий приобретение болгарам не только качественно нового церковно-административного, но и этнического статуса. Согласившись на этот шаг, Порты тем самым официально признала их в качестве отдельной от греков православной нации (миллета). По наблюдениям историков, именно к периоду противостояния с Константинопольской патриархией относится процесс активного размытия в среде болгар собственно религиозной формы сознания (низведения ее до уровня традиционной обрядности) и резкий рост самосознания национального [40]. Например, в документах, принадлежащих перу одного из лидеров церковного движения Ст. Чомакова, данная тенденция прослеживается со всей очевидностью [41. № 70, 83, 157, 162 и др.]. Прямым следствием вновь усвоенных установок можно считать, по-видимому, и позицию болгар по вопросу смешанных епархий, выразившуюся в попытке отождествления территориальных границ с этническими.

Как уже отмечалось, анализируя особенности болгарского общества конца XIX – начала XX в. Р.П. Гришина обратила внимание на высокий уровень вмешательства государства в экономику и сделала вывод о том, что этатизм можно считать одним из основных столпов экономического мировоззрения болгар.

В качестве примера она указала на практику 30-х годов XX в., когда государственные органы присвоили себе право регламентировать производственно-технологические процессы, превращать утвержденные чиновниками нормы в стандарты (обязательные для всех производителей), а также решать вопрос об открытии новых предприятий. Рассуждая о причинах данного явления, Р.П. Гришина особо отметила роль Финансового комитета Лиги Наций. Ни в коей мере не оспаривая эти выводы, хотелось бы, однако, добавить еще один возможный источник приверженности болгар государственному регулированию. Как представляется, в данном случае вполне можно говорить о прямом влиянии османской матрицы.

Исследование Н. Тодоровым особенностей социально-экономического развития балканского города убедительно показывает, что вплоть до середины XIX в. весь хозяйственный механизм Османской империи находился в тисках мелочной государственной регламентации, типичной для стран мусульманского Востока [20. С. 99–126]. Вмешательство государства в экономику в большей или меньшей степени проявлялась во всех сферах – от аграрного сектора (где оно было верховным собственником земли) до ремесленного производства и торговли на рынках. Органы власти оставляли за собой право поддерживать систему государственных монополий на торговлю товарами стратегического значения (кроме военного ассортимента в их перечень входили продукты и товары первой необходимости), а также осуществлять контроль над ценами. В частности, на базарах за их соблюдением следили чиновники-мухтесибы. Они контролировали режим фиксированных цен на продукты питания, сырье, предметы первой необходимости. Установление нормированных цен совершалось централизованно и на длительный период времени (обычно на десятилетия). Процедура их обнародования имела официальный характер и чаще всего была связана с восшествием на престол нового султана или какими-либо чрезвычайными обстоятельствами.

Процесс ремесленного производства контролировался не менее жестко. Главным орудием государства в этой сфере были уже упоминавшиеся ремесленно-торговые корпорации (эснафы). Без вступления в эснаф и получения удостоверения ремесленники не имели права открывать свое дело. Проблема расширения или сокращения производства, в том числе открытия новых мастерских (в любой форме), также подлежала регламентации. Руководство корпораций было обязано обговаривать с чиновниками и основные параметры своей хозяйственной деятельности. Контролю подлежали все производственные и торговые процессы – снабжение сырьем, технология производства, оплата труда, цены на сырье и готовую продукцию.

Конец этой системе неожиданно наступил в 1838 г. Ее ликвидация была одним из условий стран Запада при заключения ими в 1838–1841 гг. фритрейдерских торговых договоров с Портой (первый договор с Великобританией был заключен 1838 г.). Однако, несмотря на вынужденный уход государства из этой сферы, сами эснафы отказываться от регламентирующих функций не торопились. Теперь уже не с подачи чиновников, а по собственной инициативе мастера обговаривали на общих собраниях условия поставки сырья и продажи готового продукта, нормы производства и т.д. Лишь закон о создании подведомственных Министерству торговли коммерческих судов (1860) окончательно лишил эснафы этого права. Именно к этому времени, по мнению Н. Тодорова, и относится окончательный упадок этой корпоративной структуры в

болгарских землях [20. С. 209]. В 60–70-е годы XIX в. на смену эснафам начали приходить акционерные общества, процесс создания которых, впрочем, опять патронировался государством, а вновь принимаемые уставы подозрительно напоминали эснафские.

Что касается промышленности, то до середины XIX в. она существовала главным образом в виде относительно немногочисленных казенных предприятий, нацеленных на обслуживание нужд армии. В 40-е годы XIX в., когда экспансия дешевых европейских товаров поставила местный рынок на грань краха, правительство попыталось спасти положение, начав кампанию по открытию современных фабрик, обеспечивая их параллельно госзаказом [42. Р. 30]. Последствия этих инициатив для становления частного бизнеса были весьма печальны, так как конкурировать ему пришлось с самим государством. Неудивительно, что к 70-м годам XIX в. его позиции в Османской империи были по-прежнему слабы. По сохранившимся данным, в болгарских землях из 11 существовавших на этот период современных предприятий лишь шесть функционировали на правах частной собственности (из них два наиболее крупных имели иностранных владельцев), а пять принадлежали казне [43. С. 127–128]. Однако на фоне соответствующих традиций попытка тиражирования Портой столь архаичной структуры, как казенное предприятие, воспринималась массовым сознанием, судя по современной прессе, как явление позитивное и знак высочайшей заботы. Думается, что факт сохранения популярности в Княжестве Болгария идеи этатизма свидетельствует лишь о продолжении кризиса в экономике и живучести стереотипов прошлого.

В заключение хотелось бы особо подчеркнуть, что данная статья ни коим образом не нацелена ни на общую характеристику османского режима, ни тем более на его апологетику. То обстоятельство, что османская матрица имела возможность серьезно влиять на процесс становления современного болгарского общества не обязательно соотносить с оценочным моментом. Гораздо важнее, как представляется, определить матрицу в качестве одного из факторов влияния.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Иванова Е.* Балканите: съжителство на вековете. Изследване върху (не) състояването на балканската модерност. София, 2005.
2. *Топоров В.Н.* Балканский макроконтест и древнебалканская нео-энеолитическая цивилизация (общий взгляд) // Восток и Запад в балканской картине мира. М., 2007.
3. *Гришина Р.П.* Лики модернизации в Болгарии в конце XIX – начале XX в. (бег трусцой по пересеченной местности). М., 2008.
4. *Мейер М.С.* Османская империя в XVIII в. Черты структурного кризиса. М., 1991.
5. *Тодоров Н.* За демографското състояние на Балканския полуостров през XV–XVI вв. // Годишник на Софийския университет. Философско-исторически факултет. София, 1960. Т. 53/2.
6. *Петров П.* Съдбоносни векове за българската народност. Края на XIV в. – 1912 година. София, 1975.
7. *Беров Л.* Аграрният преврат в Северна и Южна България // История на България. София, 1991. Т. 7. С. 79–85.; *Колев В.* Общините в България (60–80-те години на XIX в.) София, 2006.
8. *Грозданова Е.* Българската селска община през XV–XVIII век. София, 1979.
9. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1957. Т. 9.
10. *Димитров С.* Към въпроса за отменяването на спахийската система в нашите земи // Исторически преглед. 1956. № 6.
11. *Милкова Ф.* Поземелната собственост в българските земи през XIX в. София, 1969.

12. *Дамьянов С.* Към въпроса за премахването на господарците в северозападна България през 50-те и 60-те години на XIX в. // Сборник в чест на проф. Христо Гандев. София, 1985.
13. *Димитров С.* За класовото разслоение сред селяните в Североизточна България през 70-те години на XIX в. // Известия на Института за История. София, 1960. Т. 8.
14. *Христов Хр.* Икономическо развитие на българските земи. Селско стопанство // История на България. София, 1987. Т. 6.
15. Christians and Jews in the Ottoman Empire. The Functioning of a Plural Society. New York, 1982. Vol.1–2; *Karpat K.* An Inquiry into the Social Foundations of Nationalism in the Ottoman State: from Social Estates to Classes, from Millet to Nations. Princeton, 1973.
16. *Braude B.* Foundation Myths of the Millet System // Christians and Jews in the Ottoman Empire. The Functioning of a Plural Society. New York, 1982. Vol. 1.
17. *Papadopulos S.* Les privileges du Patriarcat Oecumenique (Communauté Grecque Orthodoxe) dans l'Empire Ottoman. Paris, 1924.
18. *Kraelitz-Greifenhorst F.* Kanunname Sultan Mehmed des Eroberers // Milleilungen zur osmanischen Geschichte. 1921. № 1.
19. *Грозданова Е.* Ролята на традиционната селска община за запазване на българската народност и народностно самосъзнание // Българската нация през Възраждане. София, 1980.
20. *Тодоров Н.* Балканският град. XV–XIX век. Социално-икономическо и демографско развитие. София, 1972.
21. *Фадеева И.Л.* Официальные доктрины в идеологии и политике Османской империи. Османизм-панисламизм. XIX – начало XX в. М., 1985.
22. Русия и българското национално-освободително движение. 1856–1876. Документи и материали. София, 1990. Т. 2.
23. *Канитц Ф.* Дунайская Болгария и Балканский полуостров. Исторические, географические и этнографические путевые наблюдения. 1860–1875. СПб., 1876.
24. *Мирчев К.* За съдбата на турцизмите в българския език // Известия на Институт за български език. София., 1952. Т. 2.
25. *Кожухаров Г.* Българската къща през пет столетия. Края на 14 – края на 19 в. София, 1967.
26. *Протич А.* Денационализиране и възраждане на нашето изкуство от 1393 до 1879 г. // България. 1000 години. 927–1927. София, 1930. Т. 1.
27. *Мишкова Д.* Европейски идеи и институции в политическата система на България. 1878–1914 // Модерният историк. Въображение, информираност, поколения. София, 1999.
28. *Иванов Ю.А.* Социальные аспекты традиционного ислама // Азия и Африка сегодня. 1982. № 3.
29. *Heidbord A.* Manuel de droit public et administratif de l'Empire Ottoman. Vienne; Leipzig, 1908. Т. 1.
30. *Lewis V.* The Emergence of Modern Turkey. London, 1961.
31. *Елдърв С.* Българската православна църква срещу расизма и антисемитизма в навечерието и по време на Втората световна война // Bulgarian Historical Review. 2006. № 1–2.
32. *Макарова И.Ф.* Болгарский народ в XV–XVIII вв.: этнокультурное исследование. М., 2005.
33. *Franko M.* Essai sur l'histoire des Israélites d'Empire Ottoman. Paris, 1897.
34. *Макарова И.Ф.* Русские подданные турецкого султана // Славяноведение. 2003. № 1.
35. *Надеждин Н.И.* О заграничных раскольниках // Сборник правительственных сведений о раскольниках / Сост. В.И. Кельсиев. Лондон, 1860.
36. *Лупулеску И.* Русские колонии в Добрудже // Киевская старина. 1889. № 3.
37. *Аксаков И.С.* О бессарабских раскольниках // Русский архив. 1888. Т. 11.
38. *Записки Михаила Чайковского (Садык-паши) // Русская старина. 1900. № 6.*
39. *Kamel S.* Abu Jaber. The Millet System in the Nineteenth Century. Ottoman Empire // The Muslim World. 1967. Vol. 62. № 3.
40. *Иванова Э.А.* Формирование и развитие национального самосознания болгар эпохи национального возрождения (сер. XVIII – 70-е гг. XIX в): Автореф. дис. канд. ист. наук. М., 1985. С. 20–23; *Кирил, патриарх български.* Католическа пропаганда сред българите през втората половина на XIX в. София, 1962. С. 105–107, 221–252; *Ковачева М.* Драган Цанков. Общественик, политик, дипломат до 1878. София, 1982. С. 47–48, 87.
41. *Тодев И.* Д-р Стоян Чомаков (1819–1893). Живот, дело, потомци. София, 2008. Т. 2: Документи.
42. *Clark E.* The Ottoman Industrial Revolution // International Journal of Middle Eastern. 1974. Vol. 5. № 1.
43. *Косев К.* За капиталистическото развитие на българските земи през 60–70-те години на XIX в. София, 1968.



© 2009 г. В. Г. ЧЕНЦОВА

ИЗВЕСТИЕ О ДЕСНИЦЕ СВ. НИКОЛАЯ МИРЛИКИЙСКОГО
В ГРАМОТЕ БРАТИИ НИКОЛЬСКОГО МОНАСТЫРЯ ГРИЛИЦЫ
1648 года

Памяти Тамары Настурель

В январе 1648 г. на русскую границу в Путивле приехал игумен Иона со спутниками из Никольского монастыря в «Мутьянской земле», т.е. в Валахии, представив русским властям славянскую грамоту с просьбой о милостыни. Эта грамота была опубликована еще в начале XX в. румынским ученым С. Драгомиром [1. Р. 9, 108–109; 2. Ф. 52. Оп. 4. № 38]. В ней сообщается о «великой нужде» монахов, претерпевших преследования от некоего сборщика хараджа, паши, пришедшего от «константинопольского царя»–султана, и вынужденных заложить свои святыни: три Евангелия в золоченых окладах и другую церковную утварь, облачения, а также святые мощи – «руку святому Николаи» и частицу от главы св. Иоанна Предтечи, «позлащени златом от Михаила воеводы»¹.

Декоративные элементы, украшающие грамоту монахов Никольского монастыря – крест и фигурный инициал, – повторяют украшения, встречающиеся на славянских грамотах того времени. Несколько странно выглядит, впрочем, подпись, место для которой явно не было предусмотрено писцом изначально: она написана очень неловкой рукой иными (коричневыми) чернилами, крест перед ней выходит на левое поле, а сама подпись, не уместившаяся на нижнем поле, заходит на декоративные элементы, выступающие за пределы текста на нижнее поле. Несмотря на то, что, казалось бы, грамоту от братии должен был подписать монастырский игумен, подпись принадлежит самому унговлахийскому митрополиту Феофилу (1637–1648). Однако ее исполнение заставляет усомниться в подлинности автографа владыки на письме.

Ченцова Вера Георгиевна – канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.

¹ «А в грамоте ис того монастыря братья пишут ко государю, что учинилось им убытков от турского паши 1000 златых, и в том заложили они Евангелия и мощи, руку святого Николы, и мощи от главы Иованна Предтечи, и два киота, и четыре кадельницы серебряны, и иную святыню, и для того послали они бить челом государю игумена Иону, а с ним священника со двумя служки, чтоб государь пожаловал в их монастырь на окуп, как ему, государю, Бог известит» [2. Ф. 52. Оп. 1. Д. 17. 1648 г. Л. 7–8].

Ниже текста письма никольских монахов имеется отгиск печати (диаметр 38 мм) с изображением св. Николая Чудотворца и круговой легендой: + ПЕЧАТЬ И[....] ХРАМЪ СТГО НИКОЛИ ВЪ МЕ[сте?] РЕКОМЪ ГРИЛИЦЕ. Обитель Gîrlîța (Grîlîța?), по предположению В. Пускасу, находилась в Молдавии (в грамоте действительно указано, что монастырь «г(лаго)лемый Грълицъ въ Вла(ш)ский зе(м)ле», т.е., в отличие от «Мунтянской земли», в Молдавии), а не в Валахии [3. № 2084. Р. 329] и до сих пор была известна лишь по этому обнаруженному С. Драгомиром документу. Он, по-видимому, предполагал, что речь в ней идет о селении Гырлица (Gîrlîța/Gârlița/Garlita) в Валахии недалеко от Călărași (в одном случае исследователь называет его Gruîța) [1. Р. 9, 108]. Пока, впрочем, локализовать Никольский монастырь «в месте рекомъ Грилице» или «Грълицъ» не удастся.

Грамота, попавшая в Москву в числе многих других просьб о пожаловании материальной помощи («милостыни») от разных обителей Христианского Востока, привлекает внимание в первую очередь из-за упомянутых в ее тексте мощей святых. Десница св. Николая Мирликийского и часть главы св. Иоанна Предтечи – известные в Румынии реликвии. П.Ш. Настурель предполагал, что десница св. Николая, позже оказавшаяся в церкви св. Георгия Нового в Бухаресте, была вложена воеводой Михаем Храбрым в монастырь св. Николая Пылков (Pâlcov), основанный и отстроенный этим правителем неподалеку от Бухареста. Мощевик был изготовлен, как это следует из текста надписи, в 1599/1600 г. при митрополите Унговалахии Евфимии. Воевода Михай Храбрый, княгиня Станка и их сын Николай упомянуты в надписи на драгоценном реликварии в форме руки, заказчицами которого стала княжеская семья († Сїю рѣкѣ с(вѣ)томѣ Николае шкова съ златомъ г(осподи)нѣтъ ѿв Мнѣхана воеводѣ и г(оспо)жда Станга и с(ы)нѣ их || ѿ Некѣла воевода; в лѣт || ✕рн. Ис(правникъ) митрополитъ Евѣим||ѣ†) [4. Р. 12–76]².

В статье П.Ш. Настуреля, посвященной культу св. Николая Мирликийского, рассмотрены несколько сложившихся в румынских княжествах легенд о появлении в Валахии десницы чудотворца, которая дублирует мощи святого архиерея, почитаемые в итальянском городе Бари³. В соответствии с собранными им известиями об этой реликвии, десница то ли была выкуплена на польско-литовских землях у некоего «русского» священника⁴, то ли привезена неким «боярином из Крестового похода», то ли передана правителю княжества александрийским патриархом Мелетием Пигасом. В соответствии с еще одной из таких легенд, десница св. Николая некогда была вложена в монастырь Комана (Comana), из которого ее забрали представители влиятельного в Валахии рода Кантакузинов, чтобы передать в церковь св. Георгия Нового в Бухаресте [4. Р. 1277–1278; 5. Р. 719–721].

Впрочем, предположение П.Ш. Настуреля о возможном вкладе десницы, заключенной в реликвиарий, в монастырь св. Николая Пылков, противоречит весьма надежному источнику, позволяющему установить местонахождение мощей св. Николая (появление которых в румынских землях так и осталось непроясненным) в середине XVII столетия. Архидиакон Павел Алеппский,

² Издание надписи см. [5. № 10. Р. 713–722; 6. Р. 380. № 384].

³ О мощах св. Николая Мирликийского, почитаемых в одной из церквей на о. Лидо в Венеции, также дублирующих святыню из Бари см. [7. Р. 51–53].

⁴ «Русь», «русские», «рутены»: православные, живущие в Речи Посполитой.

описывая путешествие патриарха Макария Антиохийского по Валахии, упоминает о посещении им Никольского монастыря Калуи (Călușiu, Calui), куда патриарх и его свита попали, проехав Крайову. В этой обители святитель и его свита смогли поклониться святым мощам: «В праздник Успения Владычицы рано поутру мы совершили для монахов водосвятие и приложились к кисти правой руки св. Николая; она подлинно благословляет своими перстами: одни персты вытянуты прямо, а другие сложены, – о чудо! – как на руке у живого архиерея. Эта драгоценность обделана в золото. Приложились к частице главы Иоанна Крестителя, драгоценному сокровищу, обделанному в золото, в форме солнца» [8. С. 589]. Сведения Павла Алеппского о том, что десница святого находилась в Никольском монастыре Калуи, подтверждаются и указанием, содержащемся в «Описании Дакии» Константина (Кесария) Дапонте, упомянувшего о том, что этой важной реликвией обладали монахи одного из монастырей близ Крайовы, хотя и не уточняет, какого именно [9. Р. 254].

Казалось бы, текст сочинения Павла Алеппского и «Описание Дакии» позволяют с уверенностью предполагать, что десница в драгоценном реликварии была вложена княжеской семьей в монастырь Калуи. Однако эти данные, как оказалось, противоречат свидетельствам московского письма монахов из Грилицы. Ведь в тексте этого послания утверждается, что братия имела в монастыре те самые мощи, «позлащены златом от Михаила воеводы», которые видели Макарий Антиохийский и Павел Алеппский. Как можно объяснить еще одно удвоение мощей св. Николая Мирликийского, на этот раз – десницы из монастыря Калуи, причем в том же самом реликварии Михая Храброго?

Чтобы прояснить историю грамоты из Никольского монастыря и знаменитой реликвии, как представляется, следует обратиться к русским документам Посольского приказа, в которых зафиксирован приезд игумена Ионы с братией, и попытаться выяснить, откуда и от кого монахи Никольского монастыря приехали в Путивль. Известие о появлении на русской границе братии из Грилицы – «монастыря Мутьянские земли Николы Чюдотворца» игумена Ионы со священником и двумя служками – любопытно не только в связи с упоминанием в привезенной ими грамоте десницы св. Николая и мощей св. Иоанна Крестителя. Игумен Иона помимо монастырской грамоты привез вестовое письмо от хорошо известного к тому времени в Москве человека: «А сказал де у себя к тебе, государю, письмо греченина Костянтина Остафьева, а дал де, государь, ему, игумену, то письмо он, Костянтин Остафьев, в литовском городе в Киеве, а писано де, государь, то письмо о твоём государеве деле» [2. Ф. 52. Оп. 1. Д. 17. 1648 г. Л. 1]. В переданном письме, сохранившемся лишь в русском переводе Посольского приказа, сообщалось о готовящемся перевороте в османской столице, где многие недовольны правлением султана Ибрагима, о поражениях османского флота, наносимых венецианцами, и о предполагавшемся нападении крымских татар на Россию. Как указано в тексте, эти известия были получены греком во время личного участия в допросе с пыткой захваченных в плен татар, произведенном людьми краковского кастеллана гетмана Николая Потоцкого в городе Баре (см. публикацию письма в приложении).

Константин Остафьев (Евстафьев) из Касторьи [2. Ф. 52. Оп. 1. Д. 7. 1640 г. Л. 14] вряд ли доверил бы свою вестовую грамоту случайным письмоношцам. Этот богатый греческий купец был племянником другого купца и известного

политического агента Ивана Петрова Тафрала (Иоанна Варды)⁵. В 1638 г. Константин Остафьев приехал в Москву через «Литовскую землю» вместе с дядей и Матвеем Андроновым Бранковым (Бранковяну), «служгой» константинопольского патриарха Кирилла Лукариса, который привез от него грамоты [2. Ф. 52. Оп. 1. Д. 6. 1638 г. Л. 1–2]. В одной из них святитель прямо указал, что Иван Петров передаст в русской столице все новости, которые он не мог доверить бумаге, поскольку «в нынешние времена писать невозможно» из-за обысков, которым письменности подвергаются в пути [2. Ф. 52. Оп. 1. Д. 6. 1638 г. Л. 9–11]. В 1641 г. Константин Остафьев вновь оказался в России, доставив на этот раз письма самого Ивана Петрова Тафрала из Ясс с сообщением о том, что польско-литовские власти пропустили османские войска к Азову, героически удерживаемому казаками [2. Ф. 52. Оп. 2. № 176. Л. 1–2]⁶. В отписке воеводы Константин Остафьев был охарактеризован как весьма независимый и буйный гость: не желая ждать предоставления места для постоя, он самовольно занял тот двор, который был ближе к его только что вернувшимся из Москвы соотечественникам, а вечером устроил с ними вместе застолье, закончившееся пальбой из пищалей [2. Ф. 52. Оп. 1. Д. 14. 1641 г. Л. 1–6].

Это нетерпение Константина и бурная вечеринка, перепугавшая среди ночи местных жителей, были вызваны встречей в Путивле с родственником, Афанасием Ивановым, который, если верить документам, был родным братом Константина (см., например, [2. Ф. 52. Оп. 1. Д. 7. 1640 г. Л. 1])⁷. В свою очередь, Афанасий Иванов в документах Посольского приказа назывался племянником известного персонажа греческо-русских и молдавско-русских связей, «молдавского боярина» или «молдавские земли греченина» Исаея (Исара) Остафьева (Евстафьева, Стафиевича) (см., например, [2. Ф. 52. Оп. 1. Д. 1. 1641 г. Л. 32; Д. 8. 1641 г. Л. 9; Ф. 68. Оп. 1. Д. 2. 1641 г. Л. 14])⁸. Указания этих родственных связей (даже если они в реальности могли быть не прямым, а более отдаленным родством или свойством, в то время как считавшие себя членами одной семьи греки продолжали обозначать себя «братьями» или «племянниками») представляются весьма интересными, поскольку позволяют выявить семейные кланы, сотрудничавшие с представителями русской политической элиты. Такие указания позволяют установить наличие семейных связей между столь важными агентами этих контактов, каковыми были в середине XVII столетия Исай Остафьев и Иван Петров Тафрала, осуществлявшими

⁵ Об Иване Петрове Тафрала, сыгравшем выдающуюся роль в дипломатических связях между Москвой, высшим греческим духовенством, Дунайскими княжествами, Войском Запорожским и Портой см. [10].

⁶ Русский перевод Посольского приказа [2. Ф. 52. Оп. 1. Д. 14. 1641 г. Л. 20–23]. Еще одна грамота Ивана Петрова, не сохранившаяся в подлиннике, была адресована думному дьяку Ф.Ф. Лихачеву [2. Ф. 52. Оп. 1. Д. 14. 1641 г. Л. 24–26].

⁷ Он же, очевидно, назван в документах также «Афанасием Остафьевым»: Константин сообщил, что «из Молдавские земли посылал нарочно во Царьгород для проводыванья всяких вестей, и к нему писал те вести из Царьгорода брат его родной, Офонасей Остафьев». Далее в тексте говорится о приезде того же Афанасия в Москву с вестовыми письмами самого Константина Остафьева [2. Ф. 52. Оп. 1. Д. 22. 1646 г. Л. 9]. О приезде Афанасия Иванова см. [2. Ф. 52. Оп. 1. Д. 18. 1642 г. Л. 1–28].

⁸ Об Исае Остафьеве и занимаемых им должностях при молдавском господаре см. [11; 12. Р. 72–82].

сотрудничество с русскими властями при участии многочисленных родственников и свойственников (см. [12. С. 68]).

Письмо, написанное зимой 1648 г., не было первым, отправленным Константином Остафьевым в Москву от своего собственного имени. О сотрудничестве грека с Посольским приказом еще в 1646 г. русской администрацией была сделана подробная выписка, свидетельствующая о его почти ежегодных приездах с товарами и вестовыми письмами [2. Ф. 52. Оп. 1. Д. 22. 1646 г. Л. 9–10]. Именно Константин Остафьев должен был доставить царское жалованье для александрийского патриарха Митрофана Критопулоса, соратника константинопольского патриарха Кирилла Лукариса, укрывшегося от преследований в Валахии после мученической кончины Лукариса, убитого янычарами, и возведения на патриаршество Кирилла Контариса Веррийского. Неожиданная смерть святителя Митрофана в 1639 г. (которую современники считали насильственной (см., например, [2. Ф. 52. Оп. 1. Д. 2. 1640 г. Л. 5])) помешала Константину передать милостыню, возвращенную им в русскую казну [2. Ф. 52. Оп. 1. Д. 7. 1640 г. Л. 2], но тогда же он отправился назад из Москвы с жалованьем новому александрийскому патриарху Никифору (Кларондзану). В грамоте самого патриарха Митрофана, написанной накануне отъезда в Валахию и незадолго до гибели, Константин Евстафьев назван не только верным ему человеком, но и его собственным учеником [2. Ф. 52. Оп. 2. № 152. 1638 г.]⁹. В фонде архива Посольского приказа РГАДА сохранилась и подлинная греческая вестовая грамота, присланная греком несколькими годами ранее, в 1643 г. [2. Ф. 52. Оп. 2. № 195. 1643 г.], в которой сообщалось о военных приготовлениях Порты. Еще одно письмо (датированное 20 ноября 1644 г.) осталось лишь в русском переводе Посольского приказа. В нем сообщалось о конфликте между Османской империей и Мальтой, слухах о возможном походе османских войск на мальтийцев и на Крит [2. Ф. 52. Оп. 1. Д. 19. 1645 г. Л. 14–22об.]. Это письмо – одно из первых, содержащих предупреждения о готовящейся длительной Кандийской войне (1645–1669 гг.), противниками в которой стали, впрочем, не Османская империя и Мальта, а Османская империя и Венеция [13. Р. 115–116]. Вестовое послание было написано из Константинополя, но в нем упоминалось и о предыдущем, присланном ранее «из Литовской земли» – Речи Посполитой, где, видимо, постоянно бывал греческий купец.

Имя Константина Остафьева фигурирует в нескольких греческих документах архива Посольского приказа. В их числе – грамота кафигумена Неофита и братии Никольского монастыря [2. Ф. 52. Оп. 2. № 168. 1640 г.] митрополии Адрианополя царю Михаилу Федоровичу, написанная в мае 1640 г., с благодарностью за присланную утварь, церковные облачения и жалованье. Царская милостыня была получена через монастырского архимандрита Григория и грека Константина Остафьева, приезжавших в Россию осенью 1639 – зимой 1640 г. с письмами от братии, а также от константинопольского и иерусалим-

⁹ Имя Константина Остафьева упоминается и в грамоте эпитропов александрийского патриархата Антония Грилло и великого скевофилака Христофора, написанной из Константинополя в 1642 г. Эпитропы благодарили царя за полученную ими для александрийского святителя милостыню, посланную с греческим купцом (см. [2. Ф. 52. Оп. 2. № 190. 1642 г.]). Манера письма этого писца была названа Б.Л. Фонкичем «стилем выпученных глаз» [14. Р. 291–292]. О других грамотах этого писца см. [13. С. 88–89, 143].

ского патриархов [2. Ф. 52. Оп. 1. Д. 5. 1640 г. Л. 1–10; Д. 7. 1640 г.]¹⁰. Основной текст грамоты и подпись принадлежат руке писца, который был создателем большой группы греческих документов, написанных, предположительно, в метохах греческих обитателей в Дунайских княжествах (в 50-е годы XVII в. – в монастырях, принадлежавших Святому Гробу). Этот писец, написавший или подписавший около 30 документов московских собраний (РГАДА и Государственного исторического музея), был предположительно отождествлен с архимандритом монастыря св. Иоанна Предтечи на горе Меникии близ города Серры Леонтием [15. С. 131–178].

Деятельность Константина Остафьева, его постоянные связи с румынскими землями и жившими там высшими церковными иерархами, его собственные письма, его семейные связи с Иваном Петровым и, видимо, Исаем Остафьевым, позволяют предполагать «разборчивость» в выборе письмоносца. В роли таких письмоносцев, доставлявших важные известия, достаточно часто выступали представители монастырей. Родственник Константина, Исай Остафьев, тогда же, в 40-е годы XVII в. способствовал передаче в Посольский приказ корреспонденции, которую отсылал из Молдавии через надежных людей из православных монастырей. Благодаря письмам Афанасия Ордина-Нащокина, «резидента» при молдавском дворе в начале 40-х годов XVII в., тесно сотрудничавшего с Исаем Остафьевым, известно, что именно благодаря связям «молдавского боярина» ему удавалось передавать зашифрованные письма из Молдавии контролировавшему тогда русскую внешнюю политику боярину Шереметеву и его помощнику Дубровскому, посылая их с отправлявшимися в Москву людьми (в том числе и представителями духовенства) [16. С. 13–14, 47–50, 53]. Во многих из этих писем говорится о помощи в доставке важной информации из Молдавии и посреднических услугах при передаче разного рода посланий в Москву насельников Густынского монастыря, что не удивительно, ведь ктитором обители считался сам молдавский господарь Василий Лупу [16. С. 14, 47, 50, 54; 17. Р. 96].

Роль монахов православных монастырей, расположенных на территории Речи Посполитой, была тем более важна, что, как писал Ордин-Нащокин, «в литовских де городех по дороге в Молдавскую землю заказ крепкой: велено русских людей перенимать». Зато сам же игумен Густынского монастыря предупредил московского посланца: «Только, де, государь изволит впредь посылать с своими государевы грамоты в Молдавскую землю, и указал бы, де, государь в монастыре мне отдавать, а яз, де, учну с своими людьми тайно посылать» [16. С. 14]. В свете этих известий весьма примечательно то обстоятельство, что именно монахи привезли востовую грамоту Константина Остафьева, родственника того самого Исаея Остафьева, который пользовался услугами братии Густынского и других монастырей для передачи писем в Москву и из Москвы. Видимо, и монахи из Грилицы были верными людьми, через которых также можно было передавать важные известия.

¹⁰ Константин Остафьев (Евстафьев) был отпущен в середине февраля назад [2. Ф. 52. Оп. 1. Д. 7. 1640 г. Л. 45], так что до мая, когда была написана грамота, мог успеть доставить жалованье монахам Никольского монастыря. См. расписку на греческом языке о получении милостыни, сделанную, впрочем, за никольского архимандрита Григория и за Константина Остафьева одной и той же рукой: [2. Ф. 52. Оп. 1. Д. 5. 1640 г. Л. 23].

Любопытное наблюдение позволяет сделать и изучение филигранных бумаги грамоты из монастыря Грилицы. Письмо написано на бумаге с водяным знаком «голова шута» [18. № 86–87. 1648 г.] голландского производства, чрезвычайно редко встречающейся среди других филигранных греческих документов московского собрания. Как правило, подобные документы происходят не из Дунайских государств и не с территорий Османской империи: в этих регионах обычно использовалась итальянская бумага¹¹. Изучение бумаги греческих и славянских грамот 40–50-х годов XVII в. [22] позволило пока выявить лишь две присланные в Москву греческие грамоты, написанные вне России на голландской бумаге с «головой шута». В одной из них – письме великого архимандрита Венедикта, написанном от имени нескольких греческих архиереев (с подписями, имитированными рукой самого Венедикта), – сообщается об убытке, который потерпели греческие купцы от некоей клеветы, якобы возведенной на них Константином Остафьевым из Киева [2. Ф. 52. Оп. 2. № 267. 1646 г.]¹². Речь, видимо, идет все о том же Константине Остафьеве! Грамота была написана из Ясс, но великий архимандрит осенью 1646 г. возвращался из Москвы через территории Речи Посполитой, а до этого некоторое время прожил в Киеве и даже занимался там преподаванием [24]. Таким образом, использование им голландской бумаги, которая могла быть приобретена еще в Киеве, не вызывает удивления.

Еще один пример использования голландской бумаги являет собой грамота братии Знаменского монастыря на острове Мелосе царю Алексею Михайловичу, написанная архимандритом Иаковом с Мелоса в 1662 г. Иаков приезжал в Россию и ранее, получив по ходатайству антиохийского патриарха Макария в 1656 г. жалованную грамоту от царя Алексея Михайловича для своего монастыря [2. Ф. 52. Оп. 2. № 610]¹³. Примечательно, однако, что грамота монахов Знаменского монастыря была написана самим же архимандритом Иаковом, а позже он сам приехал в Россию вместе со своим племянником Гаврилом Юрьевым [2. Ф. 52. Оп. 1. Д. 7. 1676 г.], которого, возможно, следует отождествлять с племянником все того же Константина Остафьева, упоминавшимся в более ранних документах [2. Ф. 52. Оп. 1. Д. 14. 1641 г. Л. 27, 48–49; Д. 22. 1642 г. Л. 1–19]. Использование голландской бумаги с «головой шута» – весьма важный признак, позволяющий предполагать, что и грамота братии монастыря Грилицы могла быть написана не в Валахии, а на территории Речи Посполитой – там же, где было написано и письмо Константина Остафьева, переданное им через монахов. Сам же Константин Остафьев и его родственники, как можно заключить на основании приведенных документов, часто бывали в польско-литовских землях.

Монахи Никольского монастыря Грилицы оказались на русской границе вместе с сербскими старцами из Архангельского монастыря, также задержанными в Путивле, а позже получившими милостыню на русской границе, как и никольский игумен [2. Ф. 52. Оп. 1. Д. 17. 1648 г. Л. 17–17об.]. Старцы Архан-

¹¹ Голландская бумага с филигранями «голова шута» была использована также хиосским архиепископом Кириллом, писавшим на этой бумаге в Москве в 1660 г.: ГИМ. Син. грам. 2294 (Владимир. № 519); Син. грам. 2295 (Владимир. № 520). См. описания грамот [19. С. 163; 20. С. 61; 21. С. 66–68].

¹² Филигрань плохо просматривается. Фотовоспроизведение письма см. [23. Р. 321].

¹³ О писце и датировке документа см. [25; разновидность филигранны: 18. № 447–448, 451].

гельского монастыря во главе с игуменом Иоанникием привезли грамоту от братии (датированную 5 ноября 1647 г.), в которой говорилось об обветшании и разрушении монастырских строений и стен и выражалась надежда на помощь московского царя как нового ктитора обители [2. Ф. 52. Оп. 4. № 37; 26. С. 206–208]. Монастырь свв. Архистратигов Михаила и Гавриила («сербские земли монастырь Архангела Михаила»), видимо, следует отождествить с известным Архангельским монастырем Бешеново Фрушкой горы [27. С. 35–42]. Но там ли была написана грамота, присланная в Москву?

Послание братии Архангельского монастыря имеет «парный» к нему документ – тогда же, в начале 1648 г., привезенную грамоту от братии монастыря св. великомученика Феодора Тирона близ Филиппополя/Пловдива [2. Ф. 52. Оп. 4. № 39]¹⁴. В грамоте монахов обители св. Феодора Тирона шла речь о некоем «пире», учиненном в монастыре «нечестивыми агарянами», во время которого был убит один из участников сборища, а монахи вынуждены были понести большие расходы из-за происшедшего убийства, вина за которое была возложена на них. Для того, чтобы выплатить требуемый османскими властями выкуп, они заложили все, что было ценного в монастыре. Любопытно отметить, что почерк писца этой грамоты и украшения разноцветными красками идентичны почерку и декоративным элементам грамоты из Архангельского монастыря, а печати, не исключено, были изготовлены одним мастером. Это позволяет заключить, что оба документа были написаны в одном месте, несмотря на то, что, судя по филиграням, письма были написаны на разной бумаге¹⁵. Откуда же исходят две грамоты, доставленные одновременно с письмом монахов из Грилицы и письмом Константина Остафьева? В Филиппополе/Пловдиве или в монастыре на прославленной Фрушкой горе?

Возможное предположение о том, где могли быть написаны обе эти грамоты, высказал один из приехавших тогда же в Путивль греческих монахов. Представители монастыря св. Феодора Тирона и сербского Архангельского монастыря добрались до России одновременно, а несколько позже, в конце февраля того же, 1648 г., в Путивле к ним присоединился афонский пантелеймоновский архимандрит Никодим с келарем Никифором и спутниками, представившие русскому воеводе все жалованные грамоты московских государей [2. Ф. 52. Оп. 1. Д. 21. 1648 г. Л. 1–2]. Не пропущенные к Москве невзирая на имевшиеся многочисленные грамоты, просьбу о милостыне от братии афонского Пантелеймоновского монастыря и привезенные мощи св. Пантелеймона, в конце марта пантелеймоновские старцы получили царское жалованье там же, на границе [2. Ф. 52. Оп. 4. № 36. 1647 г.; Оп. 1. Д. 21. 1648 г. Л. 1–2, 5, 8, 16–19об.].

Это, впрочем, не вполне удовлетворило приезжих. Неожиданно пантелеймоновский келарь Никифор, уже получив жалованье, попросился остаться в России «на вечное житье», объяснив это тем, что «им, гречаном, от турок ве-

¹⁴ Отождествить монастырь св. Феодора Тирона в Пловдиве или близ него пока не удалось. Возможно, речь идет о монастыре св. Феодора на Пловдивском поле (см. [28. С. 271]).

¹⁵ Филиграния грамоты Архангельского монастыря: «якорь» в круге с трилистником. Тип: [29. № 2016]. Филиграния грамоты монастыря св. Феодора Тирона «три луны» довольно редкого вида, контрамарка «трилистник» с литерами GBZ. Идентичные водяные знаки имеются на грамоте братии Иверского монастыря архимандриту Никону [2. Ф. 52. Оп. 2. № 308]. На обеих грамотах совпадают расстояния между понтюзо. Тип [30].

ликое гоненье, и дани правят большие» [2. Ф. 52. Оп. 1. Д. 21. 1648 г. Л. 12], поведя с путивльским воеводой Плещеевым еще и весьма любопытный разговор, касавшийся других монахов, оказавшихся вместе с ним в приграничном городе. Об этом разговоре воевода уведомил администрацию Посольского приказа: «Да он же, государь, келарь Никифор, извещал мне, холопу твоему, что де нынешнего 156-го году генваря в 29 день приезжали в Путивль сербские старцы, а в роспросе оне сказались будто монастыря // Архангела Михаила игумен Ионикей, да с ним будто тово ж монастыря строитель Никифор. И те де, государь, старцы теми имяны и монастырем волгались, а оне де, государь, старцы были простые, а не из Орхангельского монастыря, и не игумен, и не строитель, а написали де оне, государь, лист к тебе, государю, умысля собою воровски, и печать подделали в Волоской земли (в Молдавии. – В.Ч.), будто монастырская печать. Да и многие де, государь, такие ж старцы и бельцы плутают, взываютца архиморитами и игумены и грамоты пишут и печати поддельвают в Волоской земли. А пишут де, государь, им, старцом и бельцом, и составляют всякие дела таким же плутом в Волоской земли чернец да белец. А хто де, государь, именем он те грамоты пишет им в Волоской земле, про то де он подлинно не ведает» [2. Ф. 52. Оп. 1. Д. 21. 1648 г. Л. 12–13].

В этой путивльской отписке воеводы Плещеева речь шла о той самой грамоте Архангельского Бешеново монастыря [2. Ф. 52. Оп. 4. № 37], которая была написана тем же писцом, что и грамота из монастыря св. Феодора Тирона [2. Ф. 52. Оп. 4. № 39]. По каким причинам келарь неожиданно сделал этот донос на таких же путешествующих монахов, как и он сам, – не вполне ясно. Кроме того, не совсем понятно и то, почему он захотел бросить тень сомнения лишь на архангельских монахов, а не монахов монастыря св. Феодора Тирона, находившихся в Путивле с грамотой того же самого писца. Впрочем, никакой реакции из Посольского приказа на заявления келаря Никифора не последовало.

Столь любопытная история то ли сербских, то ли болгарских монахов, приехавших, если верить пантелеймоновскому келарю, на самом деле из Молдавии, вместе с которыми прибыл в Путивль, а потом отправился назад, за рубеж, игумен Иона из Грилицы, а также все наблюдения, сделанные в отношении грамоты братии Никольского монастыря, позволяют предполагать, что вся группа привезенных зимой 1648 г. грамот не обязательно готовилась в тех обителях, о которых сообщается в их текстах. Но если грамоты монастыря Бешеново и св. Феодора Тирона представляют собой тексты, написанные на церковно-славянском языке сербского извода (ресавская орфография)¹⁶ и, возможно, действительно готовились там, где указал Никифор, то грамота никольских монахов написана совершенно другим почерком на голландской бумаге с «шутом». Нельзя ли в связи с этим предположить, что послание братии из Грилицы было написано одновременно с текстом не сохранившегося в подлиннике вестового письма Константина Остафьева и, возможно, служило «прикрытием» для проезда монахов в Москву и передачи там известий?

Но если локализация монастыря, из которого приехали монахи Грилицы, так и остается пока загадкой, то известия о деятельности Константина Остафьева и сам текст его письма позволяют высказать предположение относи-

¹⁶ Сердечно благодарю А.А. Турилова за консультации относительно почерка и других особенностей документов.

тельно того, представителем каких кругов греков он являлся, и кому, таким образом, помогала в контактах с Россией братия Никольской обители. Послание греческого купца является весьма ярким свидетельством сохранявшихся зимой 1648 г. надежд на возможное сотрудничество московского двора с польско-литовскими властями в противостоянии Крымскому ханству и Высокой Порте. Готовившийся польским королем Владиславом IV антиосманский поход не получил поддержки от польско-литовских магнатов на осеннем сейме 1646 г. Лишь запорожское казачество разделяло его военные планы и, в том числе, надежды на значительную финансовую помощь со стороны Венеции для организации похода. Несмотря на продолжение переговоров Речи Посполитой с Россией о совместной борьбе против нападений крымцев [31. Р. 139–143], проекты антиосманского альянса, в которых были готовы принять участие правители Молдавии и Валахии не сбылись, подорванные неудачей на сейме. Однако вплоть до начала восстания казаков, возглавленного Богданом Хмельницким, который находился в Крыму как раз в то время, когда Константин Остафьев состоял при его будущем противнике, гетмане Потоцком, и даже участвовал в попытках захваченных крымцев, будущих союзников запорожского гетмана, в греческой среде сохранялись надежды на привлечение внимания России к плану совместного с польско-литовским государством выступления против османской державы.

Не только письмо Константина Остафьева внушало тогда надежды на то, что Порта уже дрогнула от наносимых ей венецианским флотом поражений. Именно в это время несколько известных греческих архиереев высказывали подобные же оптимистические взгляды на ход Кандийской войны в письмах, присылаемых ими в русскую столицу. В их числе следует в первую очередь назвать бывшего константинопольского патриарха Афанасия Пателара и дидаскала Гавриила Власия, ставшего в 1647 г. митрополитом Навпакта и Арты¹⁷. Вплоть до смерти польского короля Владислава IV и первых побед Хмельницкого в этих кругах сохранялись надежды на возможность объединения сил христианских государств для оказания помощи сражавшейся против османской державы Венеции. Некоторые из греческих архиереев, представителей влиятельных родственных кланов из венецианских владений – Крита (Афанасий Пателар, Никифор Кларондзан), Корфу (Гавриил Власий), – в это время часто бывали в греческих монастырях Дунайских княжеств, где порой находили и постоянное пристанище.

Неудивительно, что инициаторы написания грамоты от имени братии монастыря Грилицы, печать которого, видимо, была в их распоряжении, хорошо знали о существовании известной святыни в драгоценном золотом мощевике, изготовленном по приказу «Михаила воеводы», описав ее и частицу главы св. Иоанна Предтечи в своем письме. Важная реликвия должна была привлечь внимание русских властей к путешествующим старцам, поскольку отправившиеся в Москву монахи рассчитывали и на получение большей царской мило-

¹⁷ Так, в 1646 г. бывший константинопольский патриарх Афанасий Пателар прислал несколько грамот, в которых извещал русское правительство о ходе боевых действий венецианцев против османского флота [2. Ф. 52. Оп. 2. № 266, № 270; Оп. 1. Д. 7. 1647 г. Л. 1–7]. Описание грамот см. [20. № 36; 21. С. 26]. Для Афанасия Пателара Константин Остафьев получал в Москве царское жалованье [2. Ф. 52. Оп. 1. Д. 7. 1640 г. Л. 37]. Грамота Гавриила Власия [2. Ф. 52. Оп. 1. Д. 7. 1647 г. Л. 19–25].

стыни. По всей видимости, монастырь Грилицы никак не был связан с тем монастырем близ Крайовы, где хранилась десница св. Николая, а украшенная золотом реликвия тогда еще не покинула обитель, где позже ее увидел Макарий Антиохийский и его свита. Слух же об этой святыне был распространен по всему Христианскому Востоку, найдя отражение и в тексте послания монахов Никольского монастыря, приехавших от Константина Остафьева.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Dragomir S.* Contribuții privitoare la relațiile bisericii românești cu Rusia în veacul XVII // *Extras din Analele Academiei Române*. București, 1912. Ser. II. Memoriile secțiunii istorice.
2. Российский государственный архив древних актов.
3. *Puşcaşu V.* Actul de ctitorire ca fenomen istoric în Țara Românească și Moldova până la sfârșitul secolului al XVIII-lea. București, 2001.
4. *Năsturel P.Ş.* Note sur le culte de saint Nicolas en Roumanie // *La Chiesa greca in Italia dall'VIII-o al XVI-o secolo*. Padova, 1973. (Italia Sacra. Vol. 20–22).
5. *Demetrescu Dr.* Mâna Sfântului Ierarh Nicolae // *Biserica Ortodoxă Română*. 1914. Anul 37.
6. *Inscripțiile medievale ale României*. Vol. I. Orașul București / Ed. Al. Elian, C. Bălan, H. Chircă, O. Diaconescu. București, 1965.
7. *D'Antiga R.* Guida alla Venezia bizantina: Santi, reliquie e icone. Padova, 2005.
8. *Павел Аленинский.* Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века, описанное его сыном, архидиаконом Павлом Алеппским / Пер. с арабск. Г. Муркоса. М., 2005.
9. *Legrand E.* Bibliothèque grecque vulgaire. Paris, 1881. T. 3.
10. *Грушевський М.С.* Історія України–Руси. Київ, 1997. Т. IX. Ч. 2. С. 937–939; Исторические связи народов СССР и Румынии в XV – начале XVIII в.). М., 1968. Т. 2 (1633–1673). С. 361; *Заборовский Л.В.* Экономические связи России с Балканами в первой половине XVII в. // Связи России с народами Балканского полуострова. Первая половина XVII в. М., 1990. С. 170–174; *Заборовский Л.В.* Католики, православные, униаты. Проблемы религии в русско-польско-украинских отношениях конца 40–80-х гг. XVII в. М., 1998. Ч. 1. Источники времени гетманства Б.М. Хмельницкого. С. 324–325.
11. *Păun R.G.* Les grands officiers d'origine gréco-levantine en Moldavie au XVII^e siècle. Offices, carrières et stratégies de pouvoir // *Revue des études européennes*. 2007. T. XLV (№ 1–4). P. 168–169, 173, 191, 193, 195; *Ченцова В.Г.* Восточная церковь и Россия после Переяславской рады. 1654–1658. Документы. М., 2004. С. 146.
12. *Ченцова В.Г.* Иерусалимский протосинкелл Гавриил и его окружение: материалы к изучению греческих грамот об иконе Влахернской Богоматери // *Palaeoslavica*. 2007. Vol. XV. № 1.
13. *Ченцова В.Г.* Челобитная палеопатрского митрополита Феофана 1645 г. об организации греческого книгопечатания и греческой школы в Москве // *Palaeoslavica*. 2006. Vol. XIV.
14. *Фонкич Б.Л.* Палеография греческих грамот Львовского братства // *Palaeoslavica*. For Prof. I. Ševčenko on his 80th birthday. 2000. T. X. № 2.
15. *Ченцова В.Г.* Материалы к описанию греческих грамот 40–60-х гг. XVII в. анонимного писца из Молдавии (архимандрита Леонтия?) // Пятое чтение памяти профессора Н.Ф. Каптерева. Россия и православный Восток: новые исследования по материалам из архивов и музейных собраний. Материалы. Москва, 30–31 октября 2007 г. М., 2007.
16. *Галактионов И.В.* Ранняя переписка А.Л. Ордина-Нащокина. 1642–1645 гг. Саратов, 1968.
17. *Văscari S.* Contribuția lui Vasile Lupu la dezvoltarea arhitecturii moldovenești // *Anuarul Institutului de istorie «A.D. Xenopol»*. 1994. T. 31.
18. *Дианова Т.В.* Филиграния XVII–XVIII вв. «Голова шута». Каталог. М., 1997 (Труды Государственного Исторического музея. Вып. 94).
19. *Фонкич Б.Л., Поляков Ф.Б.* Греческие рукописи Московской Синодальной библиотеки. Палеографические, кодикологические и библиографические дополнения к каталогу архимандрита Владимира (Филантропова). М., 1993.
20. *Фонкич Б.Л.* Греческо-русские связи середины XVI – начала XVIII в. (Греческие документы московских хранилищ). Каталог выставки. М., 1991.

21. *Фонкич Б.Л.* Греческие документы и рукописи, иконы и памятники прикладного искусства московских собраний. М., 1995.
22. *Ченцова В.Г.* Филлиграноведение в изучении греческих документов XVII в. // *Историография, источниковедение, история России X–XX вв. Сборник статей в честь С.Н. Кистерева.* М.; СПб., 2008.
23. *Ченцова В.Г.* Коринфский митрополит Иоасаф, гетман Богдан Хмельницкий и Россия (неизвестные документы фонда «Сношения России с Грецией» (ф. 52) Российского государственного архива древних актов) // *Palaeoslavica. For Prof. I. Ševčenko on his 80th birthday.* 2002. Vol. X. № 2.
24. *Харлампович К.В.* Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь. Казань, 1914. Т. 1. С. 119; *Panaistescu P.P.* L'influence de l'oeuvre de Pierre Mogila, archevêque de Kiev, dans les Principautés roumaines // *Mélanges de l'École roumaine en France.* Paris, 1926. Pt. 1. P. 64.
25. *Ченцова В.Г.* Писец Николай с Родоса и архимандрит Иаков с Мелоса: о некоторых документах, относящихся к пребыванию патриарха Макария Антиохийского в России в 1654–1656 гг. // *Очерки феодальной России.* М.; СПб., 2008.
26. *Димитријевић Ст.М.* Грађа за српску историју из руских архива и библиотека // *Споменик. Српска Краљевска академија.* 1922. Т. LIII. Други разред, № 45.
27. *Кулић Б., Срећков Н.* Манастири Фрушке Горе. Нови Сад, 1994.
28. *Иванов Й.* Български старини из Македония. София, 1931.
29. *Mošin V.* Anchor Watermarks. Amsterdam, 1973.
30. *Велков А., Андреев С.* Водни знаци в Османо-турските документи. I. Три луни. София, 1983. № 134 (1649 г.); *Станковић Р.* Рукописне књиге манастира Свете Тројице код Плевале. Водени знаци и датирање. Београд, 2003. № 458 (1640–1650 гг.).
31. *Sysyn Fr.E.* Between Poland and the Ukraine. The dilemma of Adam Kysil, 1600–1653. Cambridge (Mass.), 1985.

Приложение

1648 г. января 6. Киев. Вестовое письмо грека Константина Остафьева о поражении османского флота от венецианцев, готовящемся перевороте в Константинополе и возможном нападении крымских татар на Московское государство^а

|| (Л. 2) Перевод з греческого писма, что писал ко государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Руси греченин Костентин Остафьев в нынешнем во 156-м году февраля в 6 день.

Многолетному царю и самодержцу всеа Руси, чиню ведомо великому вашему царствию яз, иноземец и работник великого вашего царствия, да будет ведомо великому вашему царствию обо всем настоящем, аще и сам есми не возмог приехати, но помнячи жалование блаженные памяти отца вашего, великого царя, тож великое жалование великого вашего царствия не могу забыть, толко всегда, что услышу и проведу, должен есми восприбегнути самому или с человеком своим известити великому вашему царствию.

И ныне во Цареграде великое поколебание, потому что было на Черном море пятнатцать катарг, и ис тех пришло во Царьгород десять || (л. 3) катарг, а пять катарг неведомо где, и слуху нет. А ту десять катарг послали в Критцкой остров в Ханю¹ з запасы и з двумя тысячи ратными людьми, чтоб их высадить на сухой берег. И тако Бог им не помог, толко немецкой воинской^б караван был во едином пристанище в сокровении, и тако вышел оттуда, был бой с турскими, а турских было сверх того сорок катарг да шездесят караблей. И били

^а Текст грамоты приводится в современной графике.

^б Вписано над строкой.

немцы на турок и побили и потопили турецкой караван, и толко осталось у турецких османтцать менших катарг, и воротились назад, а боле того не осталось. Сие есть подлинно, многолетний царю, и сказывают будто отвезли ратных людей на сухой берег в Ханю, и то есть ложно: не могли они ни единого человека на сухой берег выкинуть. А Дели Хусеин паша² живет в Хани, а запаса у него нет, и накрепко его стерегут немцы. А у турок в Хани^с великой мор, и погибают зело, и немного их осталось.

Тако буди ведомо || (л. 4) великому вашему царствию, и во Цареграде ныне великое поветрие, и турки ныне вельми в розмышлении и не знают, что учинить с своим салтаном, что он вельми вельми дурак, и хотят ево окормить^d вскоре, яко то и знатно. А у салтана сына шти лет украли, а после того принесли к нему такова ж младенца шти лет, а про сына про ево сказали, что будто ево сын умер³. И турки вельми в смуте и не ведают, что делать, что воинсково каравана у них не стало, и люди все побиты и потоплены.

А ныне в Бар град привезли волошане, слуги пана Потоцкого^{e4}, гетмана краковского, шти человек татар и пытали их накрепко, и они сказали тако, что де турецкой салтан прислал грамоту к крымскому царю⁵, и пишет к нему тако, чтоб ему безо всякого отставления итти воевать на Московское государство, и чтоб взять людей в полон на катарги, потому что весною хочю послать на Белое море⁶. Да не так, что тебе так не учинити, а будет || (л. 5) и ты збери с татар дань и пришли ко мне три тысячи людей, да сотвори тако^f, поди однолично воевать Московское государство. И тако есть подлинно, буди ведомо великому вашему царствию, потому что я сам был в Баре граде, многолетний великий царю, с Пиронаском Гурицыным, как их пытали, и мы их роспрашивали по-турскому, и тако нам рассказывали. И тех татар на пытке четверо умерло, а я тут же прилучился, как их пытали^g, и слыша я сие речи, писал есми аз, раб царствия вашего, да будет ведомо вам обо всем, потому что ваше^h царская милость и жалованье ко мне неизреченное, и не забуду до смерти своей. И тако их речем не верят велми зело, и повелел гетман всемⁱ ротмистрам возвратиться назад и быти им на Украине⁷ оберегати, чтоб на Украину и на Литву не ударили татаровя, и имеют великое опасение.

Тако буди^j великому вашему царствию сие, что проведал, то и пишу, а отныне и впредь что ни проведаю, || (л. 6) готов есми писать обо всем к великому вашему царствию. А Господь Бог и Владычица Богородица^k соблюдет и сокрыет великое ваше царствие на превысочайшем вашем престоле, а враги ваша будут поднозию ног^l ваших. Аминь.

Лета от Рожества Христова 1648-го году месяца генваря в 6 день.

^с Слова «в Хани» вписаны над строкой.

^d Т.е. отравить.

^e Далее зачеркнуто: хатмонова пана.

^f Далее зачеркнуто: чтоб.

^g Слова «как их пытали» вписаны над строкой.

^h Так в рукописи.

ⁱ В рукописи: все.

^j Далее, видимо, пропущено: ведомо.

^k Исправлено черными чернилами из: Владычице Богородице.

^l Исправлено черными чернилами из: наг.

А внизу припись: Костентин Остафьев, раб и холоп великого вашего царства.

Помета на л. 2об. черными чернилами другой рукой: Февраля в 6 день слушали.

РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. Д. 17. 1648 г. Л. 2–6. Перевод. Чернила коричневые, текст написан одним почерком.

¹ Речь идет об осаде города Хании, венецианской крепости на о. Крит.

² Дели Хусейн паша – известный османский военный деятель, возглавлял османские войска, высадившиеся на Крите.

³ Речь идет о подготовке совершившегося в том же году переворота, во время которого султан Ибрагим I (1640–1648) был свержен, а на престол возведен его малолетний сын Мехмед IV (1648–1687).

⁴ Николай Потоцкий – кастеллан Кракова.

⁵ Речь идет о крымском хане Ислам Гирее III (1644–1654).

⁶ «Белое» море – Эгейское море.

⁷ Видимо, здесь под «Украиной» понимается не «украина»/окраина приграничных территорий Речи Посполитой, как принято в документах этого времени, но именно топоним, земли, прилегающие к границе с Крымским ханством, в отличие от «Литвы». Таким образом, возможно, в этом письме мы имеем дело с одним из редких ранних упоминаний топонима «Украина» в источниках.



© 2009 г. Н. П. ЧЕСНОКОВА

ГРАМОТА ИЗ МОНАСТЫРЯ АНАСТАСИИ ФАРМАКОЛИТРИИ БЛИЗ ФЕССАЛОНИКИ В РУКОПИСНОМ СОБРАНИИ ГИМ: ПРОБЛЕМА АТРИБУЦИИ И ДАТИРОВКИ

В Синодальном собрании Отдела рукописей Государственного исторического музея хранится славянская грамота из монастыря Анастасии Фармаколитрии (в русской традиции – Узорешительницы) близ Фессалоники [1. № 1030]. Документ не датирован. На его обороте сделана запись XVIII в.: «К святейшему Иосифу патриарху Московскому от Солуня из монастыря святыя Анастасии Узорешительницы от игумена Дамаскина о милостыне. Года и месяца нет». С этим же названием грамота внесена в рабочий каталог Отдела рукописей.

Грамота написана на бумаге размером 437 × 310 мм, в 24 строки, чернила темно-коричневые. На верхнем поле расположен оттиск печати монастыря с изображением Анастасии Фармаколитрии диаметром 45 мм. На нижнем поле – следы красной восковой, очевидно, также монастырской печати. Аналогичная печать сохранилась на другой грамоте обители св. Анастасии, хранящейся в собрании ГИМ [1. № 2300]. Водяной знак бумаги – якорь, возможно в круге, просматривается не полностью, так как лист был поврежден при вскрытии печати. Контрамарка: трилистник, по сторонам от него – большие буквы S (ср. [2. № 868]).

Текст документа написан полууставом на славянском языке болгарского извода с руссизмами¹. Грамота адресована московскому патриарху от имени игумена монастыря иеромонаха Дамаскина и братии. Обращение к патриарху «кирие кирие Иосифе» исправлено тем же почерком на «Иосафе».

Игумен Дамаскин писал московскому предстоятелю: «Мы, поустино жителie ермонахи и монахи ч(е)стнейшей патриаршеской обители х(ристо)вей м(у)ч(е)нищи Анастасиеи Фармакоулитре, сиреч Чарицелителная, яже есть близ великаго града Солоунскаго, роуце твои блажения целуем» [1. № 1030. Стк. 4–7]. Он сообщал о бедственном положении монастыря, имевшего 5000 талеров долга, и просил от имени всей братии о материальной помощи, за которой и посылал в Москву архимандрита Гавриила и келаря Феону. Игумен и старцы также извещали московского патриарха о том, что посланцы монастыря идут с «хрисовоулом бл(а)г(о)ч(е)стивому христианскому ц(а)рю» [1. № 1030.

Чеснокова Надежда Петровна – научный сотрудник ИВИ РАН.

¹ Сердечно благодарю за консультацию по текстам использованных в работе славянских документов А.А. Турилова.

Стк. 17]² и несут в дар патриарху Иоасафу мощи святого мученика Елевтерия [1. № 1030. Стк. 24].

Монастырь св. Анастасии Фармаколитрии расположен в 35 км от Фессалоники. Его возникновение относится к 888 г. и связано с именем жены византийского императора Льва VI Мудрого Феофано [3. С. 64]. По дошедшим до нас сведениям, монастырь обладал прекрасным собранием рукописей, книг, икон и мощей святых, почти полностью утраченных в начале национально-освободительного движения на Халкидике в 1821 г. Греческому ученому XIX в. П. Папагеоргиу удалось восстановить историю монастыря [4. С. 57–82]. Большая часть полученных им данных касается XVI в. Что происходило в монастыре Анастасии Фармаколитрии в XVII ст., практически неизвестно. В этом контексте изучение документов московских собраний, относящихся к обители св. Анастасии, приобретает особое значение.

Грамота из собрания рукописей ГИМ дополняет комплекс документов, которые связаны с приездами в Россию представителей македонского монастыря Анастасии Узорешительницы в XVII в. и хранятся в Российском государственном архиве древних актов.

В материалах Посольского приказа (см. [5. (Сношения России с Грецией)]) отложилось несколько досье, касающихся пребывания в Москве старцев монастыря Анастасии Фармаколитрии. На протяжении XVII в. они появлялись в России несколько раз. Наиболее известен в историографии приезд отцов монастыря в июне 1644 г., когда ко двору Михаила Федоровича были привезены десница апостола Андрея Первозванного [5. Оп. 1. 1644 г. № 12. Л. 1] и другие святые реликвии. Мощи апостола Андрея доставили в Москву вместе с грамотой вселенского патриарха Парфения I (1639 – начало 1644), который писал, обращаясь к государю: «Да они же³ ради благословения и освящения благодати принесут державы царствия вашего святые мощи святые преподобные мученицы Анастасии Узорешительницы и святого миро святого славного и великомученика Дмитрея да мощи же святого славного и всехвального апостола Андрея Первозванного, правая рука» [5. Оп. 1. 1644 г. № 12. Л. 7]⁴. Грамота константинопольского патриарха сохранилась только в переводе Посольского приказа. Подлинник, который, судя по записи в конце текста, находился у переводчика приказа Дементия Чернецова [5. Оп. 1. 1644 г. № 12. Л. 8], до нас не дошел. Среди греческих грамот отложилось только послание монастырской братии [5. Оп. 2. № 225]. В своем обращении к русскому государю монахи обители св. Анастасии просили его стать своим ктиторм. «Буди новой соорудитель нашему монастырю», – так образно перевели греческий текст в Москве [5. Оп. 1. 1644 г. № 12. Л. 13].

Отметим еще несколько греческих актов, сохранившихся только в русских переводах из того же архивного дела: монастырское послание к московскому патриарху Иосифу (1642–1652), грамота константинопольского патриарха Парфения I о милостыне солунскому греку Степану Николаеву [5. Оп. 1. 1644 г. № 12. Л. 23]. Как выяснилось в процессе изучения указанного досье, Степан являлся не греком, а сербом [5. Оп. 1. 1644 г. № 12. Л. 86].

² Имя государя не названо.

³ Архимандрит Галактион и его спутники.

⁴ О деснице апостола Андрея см. [6].

К годам игуменства иеромонаха Дамаскина относятся подлинная славянская грамота к царю Алексею Михайловичу [5. Оп. 4. № 58] и еще один документ [5. Оп. 1. 1671 г. № 52]. В РГАДА также отложились грамоты на старославянском языке, чаще всего болгарского или сербского изводов [5. Оп. 4]. Первоначально они хранились вместе с греческими документами Посольского приказа, а в XVIII в. выделены в отдельную опись. Эти грамоты создавались в греческих и славянских монастырях Османской империи в тех случаях, когда была возможность обратиться к царю на языке, понятном всем славянским народам. Что же касается присутствия славян в Фессалонике и ее окрестностях, то оно засвидетельствовано во многих византийских и поствизантийских источниках.

Грамота игумена и монастырской братии к царю [5. Оп. 4. № 58]), по-видимому, тот самый «хрисовул», о котором упоминается в послании к патриарху, написана на церковнославянском языке болгарского извода почерком, отличным от почерка грамоты ГИМ. Однако оба акта почти буквально совпадают по содержанию.

Как и послание к патриарху Иоасафу, документ содержит сведения о бедственном материальном положении обители, долге в 5000 талеров, о посылке государю с архимандритом Гавриилом и келарем Феонией образа св. Анастасии Фармаколитрии и части ее мощей (фрагмент ребра великомученицы). Грамота к царю, так же как и грамота к московскому патриарху, не имеет даты. На ее нижнем поле рукой подьячего Посольского приказа сделана запись: «179-го⁵ года февраля в день⁶ подал архимарит Гаврил Настасийского монастыря, как был у великого государя⁷ на приезде» [5. Оп. 4. № 58]. Таким образом, можно сделать вывод, что изучаемая грамота из собрания ГИМ была адресована святейшему Иоасафу, занимавшему патриаршую кафедру с 1667 по 1672 г.

Итак, архимандрит Гавриил и келарь Феона были представлены царю Алексею Михайловичу на приеме в Кремле в феврале 1671 г. Из досье о приезде посланцев монастыря св. Анастасии известно следующее. Старцы появились в пограничном городе Севске в январе 1671 г. Приехавшие сообщили, что выехали из своей обители («из Мокидонские земли») в сентябре 179-го (1670) года. Архимандрит Гавриил и келарь Феона предъявили жалованную грамоту Алексея Михайловича, очевидно, выданную в 1667 г. Этот акт известен по предыдущему приезду монахов в Россию. Он давал право монастырской братии приезжать в Москву за милостыней в каждый четвертый год [5. Оп. 3. № 63].

П. Папагеоргиу выяснил, что среди книг и документов монастыря св. Анастасии есть царские жалованные грамоты 1653 и 1667 гг. С последней из них и приезжал в Москву архимандрит Гавриил. Она была утрачена в 1821 г., и ее содержание известно благодаря греческому переводу, выполненному самим архимандритом Гавриилом [4. S. 80]. Отметим две ошибки автора, касающиеся грамоты 1653 г. Во-первых, он неверно атрибутирует этот акт царю Михаилу Федоровичу. Во-вторых, грамота датируется декабрём 7161 г., как пишет и сам П. Папагеоргиу, что соответствует 1652 г. [5. Оп. 3. № 43].

⁵ 1671 г.

⁶ Число не поставлено.

⁷ Царя Алексея Михайловича.

Далее в том же деле, содержащем, кроме того, еще сведения о греческих купцах, приехавших с товарами и выкупленными пленными, какие-либо данные о монахах монастыря Анастасии Узорешительницы отсутствуют. В нем нет списка с жалованной грамоты, описания приема греческих старцев при дворе и поднесенных царю святых реликвий, не известна продолжительность их пребывания в русской столице и время отъезда домой.

Можно предположить, что при расклеивании столбцов и формировании до-сье архивистами XVIII в. упоминания об интересующем нас визите македонских монахов в Москву попали в другое дело, но, скорее всего, эта информация утрачена навсегда. Сравнение делопроизводства Посольского приказа середины XVII в. с характером документов последней трети столетия показывает, что оно претерпело существенные изменения. В делах Посольского приказа сохранился минимум сведений о духовных лицах, приезжавших с православного Востока.

В «греческой» книге № 7 есть лишь краткая запись: «В прошлом же во 179-м году февраля в 24 день по помете на выписке дьяка Якова Поздышева дано великого государя жалованья Селуня города в монастырь святые мученицы Анастасии архимандриту Гаврилу на милостыню собольми на 50 рублей. А приезжали они⁸ бити челом великому государю о милостыне по жалованной грамоте» [5. Оп. 1. Кн. № 7. Л. 97–97об.].

Тем не менее, сопоставляя все имеющиеся в нашем распоряжении данные, можно сделать вывод о том, что грамоты к царю Алексею Михайловичу и патриарху Иоасафу были составлены в монастыре св. Анастасии не ранее сентября 1670 г. Учитывая то обстоятельство, что в документах были названы лица, которые должны были доставить их в Москву, а не оставлено место для имени неизвестного еще посланца, которое вписывалось позже, грамоты составлялись непосредственно перед отъездом из обители архимандрита Гавриила и келаря Феоны двумя писцами одновременно.

Вернемся к дипломатике славянской грамоты из РГАДА. Бумага документа практически идентична бумаге акта из ГИМ. Ее размер 414 × 310 мм, текст содержит 25 строк, чернила темно-коричневые. Водяной знак, по всей вероятности якорь, просматривается, как и в грамоте ГИМ, плохо из-за повреждения оборотной стороны документа. Дорсальная запись была частично выскоблена. Контрамарка – та же, что и на грамоте из Синодального собрания. В обоих случаях расположение филиграни и контрамарки на листе совпадает, так же, как и расстояние от середины филиграни до середины контрамарки. Обе грамоты из монастыря св. Анастасии имеют разметку листа – разлиновку и следы проколов.

Таким образом, в одно и то же время в монастыре Анастасии Узорешительницы трудились, как минимум, два писца, которые, судя по почеркам и навыкам работы с бумагой, могли иметь отношение к созданию рукописей.

Подводя итог этого небольшого исследования, следует сказать:

1. Славянская грамота из монастыря Анастасии Фармаколитрии в собрании ГИМ адресована московскому патриарху Иоасафу II.
2. Эта грамота, так же как и акт из коллекции РГАДА, датируется 1670 г.
3. Документы были написаны профессиональными писцами, выходцами из славянских земель.

⁸ Гавриил и Феона.

4. Информация, содержащаяся в грамотах, в частности, из собрания РГАДА, уникальна, так как столбцы Посольского приказа не сообщают о дате царской аудиенции в Кремле, святых реликвиях, преподнесенных посланцами монастыря царю, и других сведениях об обители св. Анастасии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Государственный исторический музей. Отдел рукописей. Синодальные грамоты.
2. *Heawood Ed. Watermarks. Mainly of the 17th and 18th centuries.* Hilversum, 1950.
3. *Kokkini Sp. Ta monastiria tis Ellados.* Athene, 1999.
4. *Papageorgiou P.N. Ekdromi eis tin basilikin ke patriarchikin monin tis agias Anastasias tis Farmakolitrias tin en ti Chalkidiki // Byzantinische Zeitschrift.* 1898. Bd.7.
5. Российский государственный архив древних актов. Ф. 52.
6. *Кантрев Н.Ф.* Характер отношений России к православному Востоку в XVI и XVII столетиях. Сергиев Посад, 1914. С. 98; *Виноградов А.Ю.* Рука апостола Андрея // Христианские реликвии в Московском Кремле. М., 2000. С. 161–163.

Приложение

1670 г. Грамота Московскому патриарху Иоасафу из солунского монастыря св. Анастасии Узорешительницы⁹

(Л. 1) Святый и преблаженне наш господине и владыко патриархе славней Московеи и всей Великие и Белие России и прочим странам високим Северним по полночней ребре. О, отче грижливие, кирие кирие Иоасафе, блаженству ти рабское поклонение и с добром, разумом отдаваем мы, пустино жителие, еромонахи и монахи честнейшей патриаршеской обители Христовей мученици Анастасиеи Фармакулитре, сиреч Чарицелителная, яже есть близ великаго града Солонскаго, руце твои блаженнии целуем и освящение от них притезаем, преблагому Богу молещесе и великой и чудотворней мученици Анастасиеи, да утвердит тя в преблаженем и честнем ти престоле. К сим же, владыко святый, сим нашим худом писанием первое – покланяемся, второе – уявляем пред лицом злости, яже сверха суть, ея же неоскъдеими имаем по вся дни от обдержажших ни внешних неверних, наипаче же ныне, егда прииде царство их на онех местех, усиловали нас и взяли нам 5000 талери разве иних дробних иждивений. И сих ради вини обретающаяся в велицем беде и неимущее, где прибегнути, текохом к твоему блаженству, да милость обрещем, им же возможем олегчити злих наши дълги. И тако послахом нашего о Христе брата от нашего монастыря архимандрита кир Гаврил и с честным нашим старцем келаром кир Феона и с хрисовулом благочестивому христианскому царю. По его ж припадаем зело молящесе твоему блаженству, да устрещеши ни вашей честною милостиню, уявляюще самага себе нам честним ктитором, за еже, когда и о нас худших имети будеши несконченоя помянение и благодарение и о милостиаго Бога царство небесное, в яже да исчитан бъдеши с всеми святыми отци учителяе всей вселеней и инеми иерархами Богу благоугодивших. Амин.

Смеренние игумен от святаго монастыря великой мученицы Христовей Анастасиеи Фармакулитре Дамаскин иеромонах и прочии в купе с мноу о Христе братие молебники и раби твоеи святости покланяем твоеи святости мощи святого мученика Елеферие.

(л. 1 об.) К светейшему Иосифу патриарху московскому из Солуня из монастыря святых Анастасии Узорешительницы от игумена Дамаскина о милостыне. Года и месяца нет.

⁹ Тексты грамот приводятся в современной графике.

1670 г. Грамота к царю Алексею Михайловичу из солунского монастыря св. Анастасии Узорешительницы.

(Л. 1) Благочестиве и много тыхе и от Господа Бога вѣнчане в вѣсем силне Божию милостию, царю и великий княже, кирие кирие кирие Алексие Михайловиче, вся великия и Малыя и Белия России самодержце Московской, Киевской, Владимирской, Новгородской, царю Казанский и Астраханский, царю Сибирский и господарю Псковский, величайший князе Литовский, Смоленский, Тверский, Болгарский и иным господарствам великий князе и иным странам Подольским, Ростовским, Ярославским, Мистиславским и всеи Анатолии, и всеи Северной страни повелителю, и господарю земли Иверской и всем местам Вѣсточним и Северним, господарю и повелителю и наследниче царствию своему. Якося подобает смирению нашему, покланяемся твоему величеству ми, еромонаси и монаси, иже обретаемся в честном монастыре великой мученицы Христовой Анастасии Фармакулитре, сиреч Чарыцелителной, яже есть близ великаго града Солонскаго, и молимся Трѣсвятому Богу о мирном устроению и утверждению великой силе твоей. По сем, царю Богом венчанный, с смелостию поминаем силному царствию твоему о незносных бед агарянских, сиреч турецких. Ныне, егда прииде царство их на оных местех, всеми отяготяше нас и взяли от нас особнии пенязи готови 5000 талер битих разве иних иждивениих дробних. Сего ради, не имяще инде, где прибегнути, текохом к стрехи и милости превеликому царствию твоему с честным хрисовом¹⁰ твоего величества и послахом нашего о Христе брата и архимандрита нашего монастыря кир Гаврила купно с честным и священным иноком кир Феона, келар, о даре и милостине как спожению ок¹¹ царства твоего. К сим же всею душею припадаем и молимся, да помилуеши ны особною милостию о помилованиа хрисовскаго¹², важим бо ся в великой вазе погыбелной и желаем, да постигнет ны ратованиа полнаго дара имати царствия твоего, да ущедрит тя премилостивый Бог. Ми же, смиреннии богомолци, присно, непрестанно всесилнаго Бога молим о добром строении мирном стоятельно и победу на врагы царства твоего на сем свете, на грядущим же, да сподобит тя с честными царями и равно с апостолами Константин и Елена. Аминь.

Смиранный егумен от честнаго и святаго монастыря великой мученицы Христовей Анастасии Фармакулитри Дамаскин еромонах и прочии вкупе с мною о Христе брата, молебники и рабы сильному царствию твоему.

Покланяем купно честнейшему царствию твоему един образ святой Анасии¹³ в купе с честными и святыми ей мощи, часть от ребра.

179-го февраля в день подал архимарит Гаврил Настасийского монастыря, как был у великаго государя на приезде¹⁴.

РГАДА. Ф. 52. Сношения России с Грецией. Оп. 4. № 58. Подлинник.

¹⁰ Так в рукописи, правильно «хрисовулом».

¹¹ Так в рукописи.

¹² Так в рукописи.

¹³ Так в рукопи, правильно «Анастасии».

¹⁴ Приписка сделана в Посольском приказе.



© 2009 г. М. М. МАКАРЦЕВ

КАТЕГОРИЯ ЭВИДЕНЦИАЛЬНОСТИ В БАЛКАНСКИХ ЯЗЫКАХ: СОВРЕМЕННЫЙ ВЗГЛЯД НА ПРОБЛЕМУ

Настоящая статья представляет собой выборочный обзор работ, посвященных категории эвиденциальности (далее – КЭ) в балканских языках. Из соображений места приходится ограничиваться обзором наиболее важных и наиболее новых работ, что задает некоторую фрагментарность описания. Впрочем, это компенсируется ссылками на подробные обзоры литературы, выполненные в прошлом. В качестве определения КЭ принимается следующее, данное А. Айхенвальд: «Эвиденциальность – это лингвистическая категория, исходное значение которой – (указание на. – М.М.) источник информации» [1. Р. 3]. Проблематика КЭ будет рассматриваться в приложении к трем из входящих в балканский языковой союз (далее – БЯС) языкам: болгарскому, македонскому и албанскому.

В последнее время наблюдается «взрыв интереса» к теме эвиденциальности, что проявляется сразу в нескольких направлениях.

Во-первых, типологический анализ обнаруживает присутствие КЭ на грамматическом уровне все в большем количестве языков, генетически значительно удаленных друг от друга (в четверти известных на сегодняшний день, по подсчетам А. Айхенвальд).

Во-вторых, значительно расширяется круг категорий, прямо или косвенно связываемых с КЭ. Теперь, помимо конклюдивности, эпистемической модальности и других традиционно связываемых с КЭ категорий, в это список входят императив, хортатив, юссив, оптатив, прохибитив, конъюнктив и многие другие (см., например, список в [2. С. 91]). В более поздних описаниях балканских языков стали использоваться и другие термины, учитывающие функционирование КЭ в текстах, например адмиратив-комментатив [3–5], аудитив [6], имперцептивная модальность [7], медиатив [8], конфирматив [9] и др. По-видимому, попытки раздробить КЭ на массу атомарных категорий обусловлены разными прочтениями текстов (в семиотическом смысле): это приводит к тому, что количество разных категорий (и, соответственно, терминов для их обозначения) приближается к количеству случаев употребления КЭ, что вызывает предположение о ее принципиальной субъективности. Как кажется, из создавшегося положения можно найти выход, если двигаться в другую сторону – рассмотреть КЭ в семиотическом пространстве текста и попытаться най-

ти те общие принципы, которыми руководствуется говорящий при своем субъективном выборе форм КЭ.

Получение информации через посредника, «из вторых рук» – всего лишь один из видов КЭ. Представляется, что здесь уместнее говорить о частном случае оппозиции засвидетельствованности/незасвидетельствованности, которая пронизывает глагольные системы албанского, болгарского и македонского языков. Поэтому я остановлюсь на терминах *свидетельские формы* (СФ) и *несвидетельские формы* (НСФ)¹. Оппозиция СФ/НСФ прежде всего реализует значение конфирмативности/неконфирмативности («подтвердительности», англ. *confirmativity*); на следующем уровне выделяются более частные категории *адмиративности*, *дубитативности*, *конклюдивности*, *репортативности*, *эвиденциальности*, *эпистемической модальности*². В центре внимания в данной работе прежде всего КЭ.

В кругу проблематики БЯС актуальны следующие вопросы: какова семантика НСФ в болгарском, македонском и албанском? каковы их функции в тексте? каков источник КЭ: заимствование ли это или результат конвергенции? насколько правомерно считать КЭ балканизмом?

Прежде всего попытаемся изложить историю вопроса в хронологическом порядке. Ее можно представить как цепь последовательных приближений к сути проблемы. На настоящий момент есть несколько общих обзоров по истории исследований эвиденциальности, последний из известных мне сделан А. Айхенвальд в книге «Эвиденциальность» [1]. В связи с этим здесь я конспективно указываю только некоторые основные вехи.

История изучения КЭ в Европе и Северной Америке насчитывает около сотни лет. Хотя языки, имеющие морфологические показатели КЭ, издавна известны европейским исследователям, долгое время они рассматривались сквозь призму европейского восприятия. Неудивительно, что КЭ не привлекала к себе внимания: в грамматике «усредненного языка Европы» (Standard Average European) для нее просто нет места. Только после серьезного обращения к экзотическим языкам стало понятно, что список возможных грамматических категорий не должен ограничиваться материалом европейских языков. А. Айхенвальд считает, что первым в западной науке поднимает вопрос об обязательном маркировании источника информации работа Франца Боаса, который обнаружил в индейском языке квакиутль четыре суффикса, указывающие на источник информации [14. Р. 443]. Это позволяет ей начать изложение истории современных исследований КЭ с его работы [1. Р. 12]. В то же время, З. Генчева справедливо указывает, что ошибкой было бы считать, будто изучение КЭ началось в Америке в 1911 г., и приводит, помимо работ

¹ Безусловно, НСФ могут употребляться и при описании лично засвидетельствованных событий. Но, во-первых, если мы исходим из семантической маркированности в балканославянских языках с видельских форм и немаркированности НСФ, маркированный член оппозиции может выступать только в определенных контекстах, в то время как немаркированный может встречаться практически везде. Во-вторых, оппозиция по засвидетельствованности/незасвидетельствованности должна восприниматься в первую очередь как прагматическая категория, и в таком случае важно будет не то, было ли действие на самом деле засвидетельствовано, а то, как его изображает говорящий, что в конечном итоге возвращает нас в сферу семиотических оппозиций и эффекта острания.

² О связи этих категорий в болгарском языке см. новые работы [10–13].

А. Дозона, Ю. Трифонова, Б. Цонева, работы некоторых исследователей девятнадцатого века, где КЭ присутствует, не будучи названной явно [15. Р. 14]). Термин «засвидетельствованность» (evidential/evidentiality) в его современном значении восходит к хрестоматийной работе Р. Якобсона «Шифтеры, глагольные категории и русский глагол» (1957; русский перевод см. [16]). Одной из важнейших вех в истории изучения КЭ стал сборник «Эвиденциальность: Лингвистическое кодирование эпистемологии» под редакцией У. Чейфа и Дж. Николс [17]. Эвиденциальность рассматривалась в статьях сборника среди прочего в аспекте ее дейктической природы (что наметило подход к определению места КЭ в пространстве текста и в модели мира), в филогенезе детской речи, в ментальном пространстве, в ритуальной речи. Следующие важные события – выход в 1996 г. сборника под редакцией З. Генчевой «Опосредованное выражение» [15], в 2000 г. – сборника под редакцией Л. Йохансона и Б. Утас «Эвиденциальность в тюркских, иранских и соседствующих с ними языках» [18], в 2003 г. – сборника «Исследования по эвиденциальности» под редакцией А. Айхенвальд и Р.М.У. Диксона [19] и в конце 2007 г. – сборника «Эвиденциальность в языках Европы и Азии» под редакцией В.С. Храковского [20].

Главным событием последнего времени в изучении эвиденциальности стал выход монографии А. Айхенвальд «Эвиденциальность» [1]. Книга разделена на 10 глав. Ее цель – представить функционально-типологический обзор грамматической эвиденциальности в языках мира. А. Айхенвальд выделяет следующие семантические параметры КЭ, релевантные для типологического взгляда на КЭ в языках мира: визуальность (visual), сенсорность (sensory), инференциальность (inference), конклюдивность (assumption), репортативность (hearsay) и цитативность (quotative). Так задается сетка семантических параметров эвиденциальности, которую можно корректировать для каждого языка с учетом его индивидуальных особенностей и которая может служить основанием для сравнения. Эвиденциальные системы классифицируются соответственно распределению семантических параметров КЭ на уровне грамматики. Славянские языки, входящие в БЯС, относятся к типу А1, где грамматически разграничивается только первичная и непервичная информация. К этому состоянию они пришли от типа А2 (непервичная информация vs. 'иное'), изначально же КЭ была в них эвиденциальной стратегией (см. [1. Р. 40; 21. Р. 212]). Албанский язык относится к типу А2 (непервичная информация vs. 'иное') [1. Р. 288].

А. Айхенвальд вводит разграничение между эвиденциальностью и эвиденциальными стратегиями (эвиденциальными расширениями) иных грамматических категорий, что в типологическом плане позволяет проводить более строгое разграничение между теми языками, в которых есть КЭ, и теми языками, где ее нет. Чаще всего эвиденциальные оттенки значений развивают грамматические категории, применимые к нереальным или потенциальным событиям, при этом на их основе может или развиться особая система эвиденциальных маркеров, или же они останутся эвиденциальными стратегиями (в терминологии А. Айхенвальд: они получают эвиденциальное расширение). При использовании КЭ говорящий руководствуется прежде всего прагматикой. Переключение с НСФ на СФ создает эффект присутствия, а возврат к НСФ вводит то, что автор называет «ремарка в сторону, основанная на предыдущем опыте». Переключки разных типов эвиденциальных форм придает тексту полифоничность. Обязательность использования КЭ заставляет быть точным

при указании источника информации и подчеркивает важность знания о нем. Собственно, рассмотрение КЭ в пространстве текста открывает новые возможности, которые лежат за рамками книги А. Айхенвальд как лингвистического исследования.

В современной балканистике наиболее систематический вклад в исследование КЭ на балканском и смежном материале внес В.А. Фридман. Основной его тезис был сформулирован следующим образом: оппозиция СФ/НСФ маркирует не «источник информации или засвидетельствованность, но скорее отношение говорящего» [22. Р. 185], из чего следует, что такие термины, как эвиденциальность или инференциальность не описывают рассматриваемое явление во всей полноте. Термины, которые он предлагает использовать вслед за Г. Аронсоном [23. Р. 87] (см. [9. Р. 1]) – конформативность/неконформативность (*conformative/non-conformative*). Он экстраполирует на македонский язык тезис Аронсона о том, что в болгарском в оппозиции СФ/НСФ *свидетельские формы* маркированы как несущие в себе личное подтверждение говорящим сообщаемой информации [23. Р. 87], что в дальнейшем позволит ему прийти к сопоставлению балканославянских языков (далее – БсЯ) и албанского по признаку маркированности одного из членов оппозиции СФ/НСФ (в албанском языке маркированы *несвидетельские формы*) [24. С. 125–126]. По вопросу о системе болгарских НСФ В.А. Фридман придерживается следующего мнения: наличие или отсутствие вспомогательного глагола в форме третьего лица в парадигме перфекта не является основанием для того, чтобы говорить об особых формах пересказа, которые отличались бы от перфекта: скорее всего, в опущении вспомогательного глагола проявляется стремление к полной его потере, общее для всех славянских языков, но пока еще рано говорить о том, каким правилам подчиняется использование вспомогательного глагола в болгарском языке на современном этапе [22. Р. 176–177] (на этот вопрос отвечает Г. Филдер: присутствие или отсутствие вспомогательного глагола есть прагматическое средство, показывающее нарративную перспективу – соответственно приближенность/отдаленность (см. [25; 26]). Истоки оппозиции СФ/НСФ в албанском, болгарском и македонском языках могут быть объяснены двумя способами: либо как следствие сужения сферы употребления синтетических форм прошедшего определенного (аориста и имперфекта) до контекстов, в которых говорящий берет на себя ответственность за передаваемую информацию, либо как проявление широко распространенного процесса приобретения формами перфекта несвидетельских значений из-за того, что они указывают не на особенности протекания действия в прошлом, а на его следы в настоящем [22. Р. 179].

Обратимся к истории изучения НСФ и их значений в балканских языках.

Значение несвидетельских форм

Албанские НСФ

Разные исследователи дают разное количество форм в албанской парадигме НСФ, от двадцати (столько приводит в своей грамматике (К. Кристофори-ди [27]) до шести (Ш. Демирай [28]). Попытавшись избежать как чрезмерного расширения (за счет диалектных форм и форм, незарегистрированных в текстах), так и сужения круга НСФ, А.П. Сытов выделяет следующие НСФ в

современном албанском языке: индикатива – 1) настоящего времени (*shkruakam*)³; 2) имперфекта (*shkruakësha*), 3) перфекта (*paskam shkruar*), 4) плюсквамперфекта (*paskësha shkruar*); конъюнктива – 5) имперфекта (*të shkruakësha*) и 6) плюсквамперфекта (*të paskësha shkruar*); условного наклонения – 7) настоящего (*do të shkruakësha*) и 8) прошедшего времени (*do të paskësha shkruar*)⁴ [4. С. 95–96].

НСФ албанского языка и особенности их значения привлекли внимание исследователей гораздо раньше, чем была открыта КЭ. Первыми, кто выделил особые формы «наклонения удивления» (совр. алб. *mënyrë habitore*) в албанском языке, были О. Дозон [29] и К. Кристофориди [27]. «Это определение неизменно повторялось и в последующих грамматических описаниях, причем с минимальным количеством примеров» [5. С. 171–172]. Лишь в 1948 г. М. Ламберц отмечает, что «адмиратив передает живую заинтересованность рассказчика или говорящего в действии, обозначенном глаголом. Он проявляется поэтому в грубоватых описаниях (например, в народных песнях), в возгласах радости и удивления, в заверениях, и охотно используется в народной речи» [30. S. 40] (цит. по [5. С. 172]). Важной вехой в изучении албанских НСФ стали работы А. Шмауса и В. Фидлера во второй половине 1960-х годов. А. Шмаус [31] проанализировал большое количество примеров употребления НСФ из литературных и фольклорных текстов и выделил ряд их существенных семантических компонентов: неожиданность действия, субъективную реакцию говорящего, недоверие к сообщаемому факту и его внутреннее неприятие. Это показало, насколько сложной является семантика данных форм. Следствием работы Шмауса стало ясное осознание того, что термин *адмиратив* не описывает албанские НСФ во всей полноте. Сравнивая албанские и балканославянские НСФ, Фидлер приходит к выводу, что в албанском языке НСФ едва ли имеют своим основным значением эвиденциальность, хотя в ряде случаев в их значении присутствует и пересказывательный элемент (что было существенно новым моментом в исследовании этих форм в албанском языке). По большому счету, в БсЯ ситуация сходная, но если в них в качестве первичного значения принимается репортативность, а адмиративность – как производное, то в албанском ситуация обратная (см. [3. Р. 369]). Парадоксальным образом речь о репортативной семантике албанских НСФ зашла только через 80 лет после их первого научного описания, не без влияния работ, посвященных генетически иному языковому материалу.

Ш. Демирай считает, что албанский адмиратив возводится к перфекту как формально, так и семантически и указывает, что свет на историю албанского адмиратива дописьменного периода и особенности формирования этой категории может пролить балканистическое рассмотрение проблемы [28. С. 48]. В своих дальнейших работах он описывает основные значения албанских НСФ и правила их употребления [32–34].

А.П. Сытов также полагает, что албанские НСФ передают значения адмиративности и репортативности, и выделяет их основные значения в тексте. Он приходит к выводу, что адмиративность и репортативность «следует признать

³ Привожу только формы первого лица единственного числа, все остальные формы можно образовать на ее основе.

⁴ Здесь приведены только формы действительного залога, для каждой из них есть соответствующая форма возвратно-страдательного залога.

частными, контекстуально обусловленными проявлениями некоего единого семантического комплекса» со значением неочевидности и незасвидетельствованности [4. С. 369]. Первичным значением этого комплекса в диахронии следует признать именно репортативность, а адмиративные значения признаются вторичными, развившимися в результате перехода от нейтрального пересказа к пересказу оценочному.

А.В. Десницкая исследует семантику албанских НСФ на основе их употребления в народно-разговорной речи и в устной народной поэзии. Вслед за Фидлером А.В. Десницкая выделяет два спектра значений НСФ: адмиративное и репортативное. «В широком контексте повествования употребление адмиративных форм служит средством выделения факта, обладающего, с точки зрения рассказчика, особой значимостью»; адмиратив – «грамматико-стилистический показатель, с помощью которого акцентируется значимость этой информации» [5. С. 178]. В поисках возможной семантической основы создания данной особой стилистико-грамматической категории Десницкая приходит к литературоведческому понятию «остранение», когда говорящий подходит к содержанию своего сообщения как бы со стороны, в чем выражается особая позиция отчужденности говорящего по отношению к сообщению. Это выражается в эмфатическом выделении причастия, что истолковывается как «объективация, выдвижение на первый план основного признака, выраженного глагольной формой в составе сказуемого» [5. С. 185]. В дальнейшем она обратилась к рассмотрению албанских НСФ несколько под другим углом, о чем подробнее будет сказано ниже.

В грамматике Г.И. Эйнтрей адмиратив определяется как «наклонение, выражающее реакцию говорящего ... на неожиданное для него событие, действие, известие, состояние» [35. С. 110]. Г.И. Эйнтрей выделяет следующие модальные значения адмиратива: выражение положительных эмоций говорящего; отрицательных эмоций; неуверенности, сомнения в сообщаемом (как частный случай этого значения выделяется передача информации с чужих слов – в этом случае модальность может быть совсем неявной).

В работе Ж.-Л. Душе и Р. Пэрнаска сделана попытка нового подхода к проблеме албанских НСФ. На основе анализа употреблений НСФ авторы делают вывод: общий семантический компонент во всех их употреблениях – это то, что утверждение «навязано рассказчику, и, стало быть, не вытекает самопроизвольно из его намерения. Он не дает в отношении него (непосредственных) гарантий» [36. С. 42].

Болгарские НСФ

В современном болгарском языке традиционно постулируется система НСФ, изоморфная системе СФ. Подытоживая опыт исследования КЭ в болгарском, Ив. Куцаров в 1984 г. составил список из 18 возможных в болгарском языке НСФ: индикатив – 1) имперфект/настоящее время (*пишел съм, пишел*)⁵, 2) аорист (*писал съм, писал*), 3) перфект/плюсquamперфект (*бил съм писал, бил писал*), 4) будущее/будущее в прошедшем (*щял съм да пиша, щял да пи-*

⁵ По устоявшейся традиции из всей личной парадигмы каждой из болгарских форм приводится только форма 1 л. ед. ч. (по которой восстанавливаются формы 1 л. мн. ч. и 2 л. ед. и мн. ч.) и 3 л. ед. ч., по которой восстанавливается форма 3 л. мн. ч. Исключения оговариваются.

ша), 5) будущее предварительное/будущее предварительное в прошедшем (*щял съм да съм писал, щял да е писал*); императив – 6) простой императив (*нека (да) съм пишел, нека (да) пишел*), 7) дубитативный императив (*да съм бил пишел, да бил пишел*); оптатив – 8) имперфект/настоящее время (*писвал съм, писвал*), 9) дубитативный имперфект/настоящее время (*бил съм писвал, бил писвал* – эти формы нигде не были засвидетельствованы, что порождает у Ив. Куцарова сомнения в их существовании); конклюдив – 10) имперфект/настоящее время (*бил съм пишел, бил пишел* – эти формы также выражают дубитатив имперфекта/настоящего времени индикатива), 11) будущее/будущее в прошедшем (*щял съм бил да пиша, щял бил да пише* – эти формы также выражают дубитатив будущего/будущего в прошедшем индикатива), 12) будущее предварительное/будущее предварительное в прошедшем (*щял съм бил да съм (бъда) писал, щял бил да е (бъде) писал* – эти формы также выражают дубитатив будущего предварительного/будущего предварительного в прошедшем индикатива)⁶ [37. С. 7–17].

Очевидно, что при создании этой, казалось бы, стройной системы пришлось столкнуться с немалыми трудностями. Дело в том, что формальные различия между СФ перфекта и НСФ аориста сводятся только к наличию/отсутствию вспомогательного глагола в третьем лице и невозможностью/возможностью использования причастия прошедшего времени несовершенного вида. Ряд исследователей ставят под сомнение обоснованность разделения этих двух парадигм (см., в частности, [9; 38]). Трудности усугубляются и тем, что формы перфекта (со вспомогательным глаголом в третьем лице) также могут употребляться как НСФ в значении 'факт, услышанный от других и не вызывающий сомнений'.

Помимо нейтрального пересказывания, в болгарском языке существуют формы так называемого недоверчиво-неодобрительного пересказывания (дубитатив), которые выражают значение полной недоверчивости пересказываемой информации (с точки зрения говорящего). Их можно охарактеризовать как «пересказ НСФ», сравни *писах, писа* (СФ аориста) – *писал съм, писал* (НСФ) – *бил съм писал, бил писал* (дубитатив). В этом ряду каждая последующая форма образуется путем добавления нового вспомогательного глагола. Многие носители болгарского языка шутят по этому поводу, говоря, что в болгарском существует еще одна форма, неизвестная школьным учебникам – «прошедшее незапомненное» (*минало незапомнено*), приводя такой пример (впервые я это услышал от преподавательницы из Софии; как выяснилось позже, эта шутка известна также и в Велико-Тырново, причем не только преподавателям): *Бил съм се бил напил* (Я якобы напился).

Если говорить о разработанности, то из рассматриваемых языков в свое время больше всего повезло болгарскому. По болгарским НСФ существует несколько обзоров литературы. Прежде всего, подробно рассматривает всю предшествующую историю исследований Е.И. Демина [39]. В 1989 г. Т.Н. Молошная сделала обзор литературы, существовавшей на тот момент [40. С. 63–73]. Наиболее подробно рассматривает литературу, посвященную КЭ, Ив. Куцаров [10. С. 262–327]. Последний по времени обзор – в работе [11]. Очевидно,

⁶ Под 13-м номером Ив. Куцаров рассматривает устаревшие формы типа *ще съм пишел, ще пишел*, равные по значению формам из п. 4 и нерелевантные для настоящей классификации. Под номерами с 14 по 18 идут формы страдательного залога.

что лучше всего освещены более ранние, «классические» работы, поэтому здесь хотелось бы уделить больше внимания позднейшим исследованиям.

Причастие прошедшего времени несовершенного вида и некоторые из форм, в которых оно используется, отмечается впервые в грамматике братьев Цанковых [41]. В течение второй половины XIX в. в разных грамматиках появлялись объяснения этих форм; ближе всего к семантике КЭ подошел Ал. Теодоров-Балан, который указывал, что НСФ употребляются для пересказывания информации, полученной от других людей [42]. Он стал защитником идеи о том, что НСФ являются формами особого пересказывательного наклонения в болгарском языке. В 1905 г. выходит работа Й. Трифонова [43] где впервые проводится различие между конклюдентностью и репортативнойностью в НСФ. По поводу статуса НСФ Й. Трифонов замечает, что КЭ необходимо считать отдельной категорией наравне с видом и наклонением. Б. Цонев [44] рассматривал КЭ через оппозицию определенных/неопределенных форм, которая, по его мнению, пронизывает всю болгарскую грамматику; соответственно, НСФ представляют собой неопределенные глагольные формы, а СФ – определенные. Первый, кто обнаруживает адмиративный компонент в болгарских НСФ, – Г. Вейганд [45]. Основным трудом по грамматике болгарского языка первой половины XX в., значительно повлиявшим на болгарскую грамматическую традицию, была «Грамматика болгарского языка» Л. Андрейчина [46] (русский перевод см. [47]). В ее основу лег ряд положений, впервые выдвинутых Л. Андрейчиным в опубликованной на польском языке диссертации [48]). В ней среди прочих грамматических категорий глагола (время, лицо, число, залог и т.д.) выделен «способ выражения». Согласно формулировке Андрейчина, в болгарском языке есть две особые оппозиции: пересказанное/непересказанное действие и подтвержденное/неподтвержденное действие. Обосновывая существование категории пересказа, Л. Андрейчин исходит из того, что грамматическая категория должна иметь материальное выражение в существовании особых форм, не синонимичных формам других категорий, и указывает на НСФ как на выражение категории пересказа. Различие между ними и перфектом усматривается в опущении вспомогательного глагола 3 л. *e/ca*. В качестве источника противопоставления НСФ и СФ указывается оппозиция в рамках отдельной глагольной категории: способ высказывания (*начин на изказване*), внутри которого существует два полюса – личное (прямое) высказывание и пересказывание. В значении НСФ Л. Андрейчин не находит оттенка недоверия – по его мнению, недоверие передают только формы дубитатива. Позднее он принял точку зрения Ал. Теодорова-Балана и стал рассматривать КЭ как одно из наклонений, что нашло отражение в написанном им разделе академической грамматики болгарского языка 1983 г. [49. С. 351–371].

Ю.С. Маслов [50. С. 269; 51. С. 192–193, 270–278] считает, что НСФ – формы особого пересказывательного наклонения. Он систематизирует болгарские НСФ по иному принципу, чем это делает Л. Андрейчин, справедливо считая, что об отдельных НСФ можно говорить, только если они зарегистрированы в текстах и имеют формальные различия между собой. В отношении статуса НСФ он разделяет мнение Андрейчина и считает их формами особого пересказывательного наклонения.

Е.И. Демина считает, что общий семантический признак КЭ – вторичность информации о действии. Она указывает на основную проблему в изучении болгарской КЭ (собственно, этот вывод не теряет своей актуальности и для

многих последующих работ, и для албанской и македонской КЭ): «Многие авторы, пытаясь определить это значение, в действительности подменяют его более или менее полной характеристикой наиболее распространенных случаев употребления пересказывательных форм» [39. С. 333]⁷. По вопросу о статусе КЭ Е.И. Демина занимает компромиссную позицию: она считает КЭ вторичным сверхнаклонением, справедливо критикуя концепцию Ал. Теодорова-Балана, но в то же время не порывая с авторитетной болгарской грамматической традицией.

Настоящим событием в болгаристике стал выход в 1984 г. монографий Ив. Куцарова [37] и Г. Герджикова [53]. Г. Герджиков выделяет в современном болгарском языке на основании пересечения двух семантических сфер – субъективности/несубъективности и пересказанности/непересказанности четыре способа передачи действия, оппозиция между которыми образует грамматическую категорию «модус высказывания». Редуцированность парадигмы НСФ по сравнению с соответствующей парадигмой СФ объясняется через принцип компенсации: для устранения избыточности семантических противопоставлений устраняется противопоставление относительных/абсолютных времен.

Последняя по времени работа Ив. Куцарова «Теоретическая грамматика болгарского языка. Морфология» [10] представляет собой компендиум достижений болгаристской научной мысли за последние два столетия. КЭ уделяется далеко не последнее место, ей и ее месту в грамматической системе уделено почти восемьдесят страниц – автор обобщает итоги своей работы над КЭ за последние 20 лет (см. [37; 54]). По мнению Куцарова, на уровне морфологии НСФ выражают вторичность информации о действии и характеризуют отдельную морфологическую категорию: вид высказывания (соответственно пересказывание vs. непересказывание).

Статья З. Генчевой [8] носит обзорный характер и обосновывает применение к болгарскому языку французского термина *médiatif* (сравни франц. *médiate* ‘опосредованный’). Она считает, что различные употребления болгарских НСФ указывают на роль посредника, которую берет на себя говорящий, что находит отображение в различных повествовательных регистрах. Это оправдано возведением болгарских НСФ к перфекту, статус которого, по мнению З. Генчевой, придется пересмотреть после того, как будет получен ответ на вопрос о связи значений НСФ и перфекта. В этом же сборнике опубликована и статья Ж. Фейе, где в типологической перспективе рассматриваются значения болгарских НСФ и особенности их системы в разных регистрах (рассказ об исторических событиях; священная история; пересказ после глаголов речи; предположение).

Одной из наиболее близких по времени к нам работ является монография А. Левин-Штайнманн «Легенда о болгарском ренарративе: значение и функ-

⁷ Сравни это с замечанием, сделанным более чем тридцать лет спустя: «Анализ КП (категории пересказа) ведется изнутри вовне, т.е. индуктивно: набор употреблений КП устанавливается, исходя из материала. При этом нередко отдается предпочтение редким и интересным примерам. Частота встречаемости указывается приблизительно или не указывается вообще, что может привести к некоторому перекоосу в оценке КП, как в системе языка, так и – особенно – в речи. Результаты такого рода описаний, при всей их неоспоримой ценности, приводят к тому, что семантическая шкала КП почти совпадает со списком примеров или, во всяком случае, зависит от них чрезмерно» [52. С. 152].

ции *л*-форм без вспомогательного глагола» [55]. Монография включает в себя богатый материал и поднимает вопросы, обычно не рассматривающиеся в связи с НСФ. Так, в начале книги приводится подробнейший список значений, которые могут иметь НСФ: собственно ренарратив, конклюдив, адмиратив, а также значительно менее часто выделяемые имперцептив, констатация состояния и оптатив. В качестве инвариантного значения НСФ принимается констатация состояния, поскольку она отличает рассматриваемые формы от всех остальных форм болгарского глагола, в частности перфектных и других, а все прочие значения, передаваемые НСФ, могут выражаться и иными формами. По вопросу о статусе КЭ А. Левин-Штайнманн придерживается точки зрения, сходной с высказанной Г. Филдер и активно поддерживаемой В. Фридманом: в болгарском языке КЭ не является отдельным наклонением.

Статья Р. Ницоловой [11], которую по объему можно было бы назвать монографией, не будь она опубликована в сборнике, носит обобщающий характер и может служить прекрасным и точным описанием системы эвиденциальности болгарского языка. Р. Ницолова исходит из того, что эвиденциальность в болгарском языке – специфическая грамматическая категория, тесно связанная с эпистемической модальностью и адмиративностью, представляющая собой модализированную эвиденциальную систему. С точки зрения номенклатуры, в болгарском эвиденциальность вместе с модальностью и адмиративностью входит в большую гиперкатегорию *информация говорящего о передаваемой им информации*. В рамках КЭ выделяются четыре вида форм: индикатив, конклюдив, ренарратив и дубитатив. Ницолова разделяет их при помощи нескольких дихотомий (подобно тому, как это делал в свое время Х. Вальтер [56. С. 7]). Значение форм КЭ (в терминологии Ницоловой, *эвиденциалов*) описывается при помощи терминов когнитивной науки *пресуппозиция* (например, «я знаю, что *p*») и *ассерция* (например, «я утверждаю, что *p*»), что вносит четкость в истолкование примеров. Каждой из субкатегорий эвиденциальности посвящается особое место в статье (при этом обобщается опыт монографий Ив. Куцарова [37; 54] и К. Алексовой [57]). Помимо когнитивной, дается и типологическая характеристика, классифицируются употребления КЭ в различных речевых актах и в различных повествовательных регистрах. Описаны и лексико-семантические средства КЭ, впрочем, без особой спецификации, которую давал в свое время Ив. Куцаров (см., например, [37. С. 55–64], там же см. и библиографию; из новейших исследований см. [58]). Статья действительно дает очень четкую картину, если отвлечься от формальной стороны, а именно, общего происхождения форм всех четырех субкатегорий и их значительного сходства между собой и с другими формами (например перфекта). К сожалению, при рассмотрении вопроса о наличии/отсутствии вспомогательного глагола в третьем лице и видам *л*-причастий, используемых при образовании форм, Ницолова не обращается к работам Й. Рот ([59], где показывается факультативность вспомогательного глагола) и Г. Филдер ([25; 26], в которых вводится понятие нарративной перспективы), поэтому из ее изложения можно предположить, будто этот вопрос попросту не ставился.

Последнее, на чем хотелось бы остановиться в этом разделе – это очередной номер «Weiner Slawistischer Almanach», который на момент написания данной статьи готовился к печати. Он посвящен лексическим способам выражения эвиденциальности в языках мира. Болгарскому материалу в нем посвящены три работы. Статья В.С. Храковского [13] носит обзорный характер и

скорее вводит в болгаристическую проблематику (в ней рассматривается связь КЭ и эпистемической модальности в болгарском и русском языках). Статья П. Кехайова [12] посвящена взаимосвязи НСФ с лексическими показателями КЭ и эпистемической модальности (на материале болгарского и эстонского языков). Существенно важным представляется то, что автор разграничивает аналитическое и холистическое прочтение случаев одновременного употребления лексических и грамматических маркеров. Это позволяет показать, как в зависимости от контекста НСФ могут менять свое значение. В моей работе в этом же сборнике [58] анализируются некоторые лексические показатели эвиденциальности и их влияние на семантику НСФ. При анализе различных контекстов с лексическими и грамматическими показателями поднимается тема, которой до сих пор не уделялось должного внимания в литературе (в этой же статье см. и библиографию): так называемый двойной пересказ («он сказал, что ему сказали, что...») и значения, которые в нем получают различные формы. Во вторичном пересказе эвиденциальный компонент значения НСФ остается нереализованным, а на первый план выходит эпистемический компонент.

Македонские НСФ

В македонском литературном языке выделяются НСФ индикатива – 1) настоящего времени/имперфекта: *сум правел, правел*; 2) аориста/перфекта I: *сум направил, направил*; 3) будущего/будущего в прошедшем: *ќе сум правел, ќе правел*; 4) перфекта II/плюсквамперфекта II: *сум имал правено (направено), имал правено (направено)*; 5) будущего предварительного: *ќе сум имал (на)правено, ќе имал (на)правено*; конъюнктива⁸ – 6) «да-конструкций»: *да сум правел (направел), да правел (направел)*; *да сум имал направено, да имал направено* [60. С. 217–218].

В своей «Грамматике македонского литературного языка» [61] (первое издание – 1952 г.) Бл. Конеский связывает понятие определенных/неопределенных времен (аорист/имперфект vs. перфект) македонского языка с понятием «способ сообщения» (*начинот на соопштувањето*). По его мнению, «определенность есть признак непосредственно увиденного и таким же образом переданного действия, а неопределенность – признак действия пересказанного» [61. С. 464], хотя термины «пересказанность», «пересказанное действие» (*прекажаност, прекажано дејство*), по его мнению, лучше передают сущность явления.

«Грамматика македонского литературного языка» Г. Ланта [62] была первой работой, посвященной македонскому литературному языку, доступной для англоязычного читателя. Г. Лант связывает формы перфекта и НСФ и вводит важное уточнение: при использовании НСФ верность высказывания ставится под вопрос. Противопоставление двух аспектов в грамматике Ланта определяет большую часть глагольных форм: при них каждый раз дается

⁸ Сама Р.П. Ускова не считает да-конструкции особым наклонением, поскольку в македонском они отличаются от соответствующих форм индикатива только наличием частицы *да*. Тем не менее, поскольку в албанском языке формы индикатива и конъюнктива различаются, в данной статье болгарские и македонские да-конструкции также рассматриваются в качестве отдельного наклонения – конъюнктива.

уточнение, является ли действие засвидетельствованным (*witnessed*) (или, например, «живо представленным», *vividly conceived*), или же воспринимаемым как отдаленное во времени или реальности (*action viewed as distanced in time or reality*). Значение перфекта, некогда основное для рассматриваемых форм, Лант рассматривает в контексте удаленности. Основное значение перфекта в плане синхронии, по его мнению, передается перфектом II (*имама напишано, има напишано*), в то время как формы перфекта I (*сум пишел, пишел*), из-за его синонимичности с НСФ аориста, могут иметь двойное прочтение. Македонские НСФ, относимые к разному временному плану, могут выражать большую или меньшую степень недоверия к сообщаемой информации.

В работах Р.П. Усиковой в центре внимания, помимо всего прочего, место НСФ в рамках македонской грамматической системы, прямая и косвенная речь и «модальность достоверности». Р.П. Усикова весьма осторожна в отношении КЭ и предлагает определение «пересказывательные модально-темпоральные формы», представляющие «особую модальную категорию, которая показывает, чье сообщение о событии (чью информацию) передает говорящий – свое или чужое» [60. С. 217]. Редуцированность парадигмы НСФ по сравнению с соответствующей парадигмой СФ объясняется через совпадение ориентационного момента с моментом речи. Усикова выделяет несколько видов употребления НСФ, которые формально не противопоставляются друг другу: 1) «нейтрально-доверчивый пересказ»; 2) адмиратив; 3) дубитатив. Основную роль при выборе между СФ и НСФ играет признак достоверности. В македонском языке разные НСФ по-разному относятся к оппозициям по засвидетельствованности/незасвидетельствованности и достоверности/недостоверности, поэтому ряд форм имеет ограниченное употребление (мотивированное тем, какая грамматическая категория выступает на первый план: репортативность, адмиративность или дубитативность). Так, при «нейтрально-доверчивом пересказе» настоящее, будущее, императив и *да*-конструкции не заменяются на соответствующие НСФ, поскольку они нейтральны по признаку засвидетельствованности (соответственно достоверности) действия. Адмиратив рассматривается как «экспрессивно-модальное употребление формы пересказа в несобственной функции» [60. С. 221].

О. Мишеская-Томич в своих работах [63; 64] рассматривает македонские НСФ в балканистическом аспекте и сравнивает различные средства выражения НСФ в языках БЯС. З.К. Шанова справедливо указывает, что «аудитив и адмиратив – семантические категории, которые лишь частично имеют самостоятельное морфологическое оформление» [6. С. 245] и предлагает рассматривать их по отдельности. Их самостоятельный по отношению к перфекту и друг друга статус мотивируется, во-первых, понятием «временного сдвига» по отношению к перфекту и, во-вторых, различием в значении. Ф. Фичи описывает македонский перфект как «большую рамку, внутри которой имеют место различные феномены» [65. С. 67] (имеются в виду различные модально-темпоральные оттенки, а также оппозиция по засвидетельствованности/незасвидетельствованности, которые могут реализовываться в каждом конкретном случае). Не делается различия между собственно перфектом и НСФ; такие значения, как результиатив, инференциал, репортатив рассматриваются в кругу значений македонского перфекта. На основании серьезного анализа ряда текстов Фичи приходит к выводу, что ЭМ имплицитно присутствует во всех случаях употребления македонского перфекта [65. С. 84].

Является ли категория эвиденциальности балканизмом?

Проблема отнесения КЭ к балканизмам неотделима от проблемы ее происхождения в каждом из языков БЯС. Если статус категории в рамках БЯС связан с синхронией и должен рассматриваться именно под этим углом, то происхождение – проблема диахронии. Материальная основа НСФ понятна – перфект, однако не вполне ясным остается путь от перфекта к НСФ. Возможно, болгарские НСФ перфекта были получены путем синтаксической компрессии («синтаксическа кондензация» – термин Св. Иванчева [66. С. 88]). Для македонских НСФ не исключен тот же источник. Истоки албанских НСФ А.В. Десницкая ищет в эмфатическом использовании форм перфекта, когда на первое место выносилась наиболее значимая часть, в данном случае – (апкопированное) причастие: *kam shkruar* → *shkruakam*.

Если источник КЭ в балканских языках ясен, а путь развития задан как минимум двумя точками (началом и концом пути от форм перфекта – к НСФ), то наибольшее количество вопросов вызывают причины развития КЭ (на первое место выходит не по ч е м у, а к а к). Является ли КЭ турцизмом, или она возникла в каждом из рассматриваемых языков независимо? Б. Цонев [44. С. 105–106] выразил первую точку зрения. Он указал на изоморфизм парадигмы НСФ турецкого и болгарского аористов. Его позицию разделяли Л. Андрейчин [46–48], К. Мирчев [67. С. 210], В. Георгиев [68. С. 47] и Р. Лёч [69. С. 181]. Й. Трифионов считал КЭ чисто болгарским явлением [43. С. 169]. Предприняв исследование влахо-болгарских грамот XIV–XVI вв., К. Попов сделал следующий вывод: оппозиция СФ/НСФ возникла в болгарском языке еще до османского нашествия, но османотурецкий язык стал катализатором при их развитии в более поздний период [70. С. 19]. Е.И. Демина на основе исследования болгарских дамаскинов XVII в. относит истоки данной категории к более ранним периодам, потому что в дамаскинах это уже оформившаяся категория [71. С. 410]. По ее мнению, истоки КЭ следует искать в сложной ситуации многовековых языковых контактов на Балканском полуострове. В своей статье [72] она показывает возможные пути формирования болгарской КЭ (от адмиративных употреблений перфекта – как в современном албанском языке – к обозначению пересказанности). В. Косеская-Тошева на вопрос «Является ли турцизмом имперцептивная модальность в болгарском языке», вынесенный в заглавие статьи [7], дает уклончивый ответ: «Мнение о том, что имперцептивная модальность специфична лишь для турецкого языка и восточной группы южнославянских языков ... не является абсолютно правильным» [7. С. 73], приводя ряд фактов из южнославянской диалектологии и истории языка, которые показывают, что в славянских языках существовали условия для развития КЭ и вовсе необязательно принимать гипотезу о турецком влиянии. Г. Герджиков исключает влияние турецкого языка из-за многочисленных формальных различий между болгарской и турецкой системами НСФ и полагает, что КЭ возникла в болгарском языке к XII–XIII вв. [53. С. 259]. Х. Бирнбаум также не дает однозначного ответа: «Нет полной уверенности и в том, что ... нарратив ... действительно имеет своим источником турецкий язык» [73. С. 40]. На основании сопоставления албанской и болгарской систем П. Асенова предполагает, что КЭ – результат самостоятельного развития балканских языков, а влияние турецкого языка на болгарский, если даже оно и имело место, сводилось к «стимулированию несвидетельских функций пер-

факта» [74. С. 37]. Т.Н. Молошная отмечает, что в последнее время господствует компромиссная точка зрения: не исключается турецкое влияние (хотя двуязычность, например, болгар в эпоху османского ига не имела значительных размеров), но, с другой стороны, основным вниманием пользуются те средства и условия, при помощи которых в каждом из рассматриваемых языков могла возникнуть оппозиция СФ/НСФ [75]. Сходную позицию разделяют Р. Ницолова [11] и А. Левин-Штайнманн [55].

Можно ли считать КЭ балканизмом? Традиционно репортативность выделялась только в болгарском (и, позже, македонском), для албанского был предложен термин «адмиратив», что сужало возможности для обнаружения сходства. Албанский и балканославянский материалы сопоставлялись только в той части, где они передают значение адмиративности. После того как выяснилось, что албанские НСФ и румынский презумптив могут выражать косвенную эвиденциальность, стало понятно, что КЭ имеет значительно большую распространенность в рамках БЯС, чем это предполагалось. А обнаружение форм адмиратива в меглено-румынском, арумынском и сливенском диалекте цыганского языка [76. С. 87; 77. С. 141–143] ставит вопрос, не является ли оппозиция по конфирмативности/неконфирмативности одним из балканизмов. Это позволяет вести дискуссию уже не просто о наличии данных форм в ряде балканских языков, а об их соотношении.

Функции категории эвиденциальности в тексте

Еще в работе А.В. Десницкой 1986 г. ставится ряд вопросов, ответ на которые нельзя получить традиционными лингвистическими методами: «Почему в потоке изложения действий и событий среди других глагольных форм вдруг появляются адмиративные? Является ли это чередование случайным, как полагают некоторые, или же оно семантически обусловлено содержанием и композицией эпического текста?» [78. С. 40]. Ответ на это, по ее мнению, можно получить при анализе «композиции всего произведения в целом», что вплотную подводит нас к структуре текста и тесно связанной с ней проблеме балканской модели мира.

Впервые вопрос о месте КЭ в балканской модели мира был поставлен в книге Т.В. Цивьян «Лингвистические основы балканской модели мира» [52]. В аспекте балканской модели мира КЭ участвует в целом ряде базовых оппозиций: внешний/внутренний, истинный/ложный, определенный/неопределенный, свой/чужой, хороший/плохой, причем в каждом конкретном случае КЭ может как заявить о позиции говорящего, так и позволить уклониться от прямого ответа, становясь при этом преимущественно амбивалентной. Учитывая, что эпистемическая оценка высказывания закладывается говорящим (а в т о р о м высказывания), а истолковывается слушающим, придется признать: семантика НСФ определяется уже не в лингвистических, а в семиотических категориях «множественности прочтений». Именно поэтому, обращаясь к НСФ в болгарском языке, мы говорим скорее о нюансах и тенденциях, чем фактах, позволяющих с уверенностью доказать или опровергнуть ту или иную гипотезу.

Помимо собственно балканистического анализа КЭ, Т.В. Цивьян обращает внимание на один важный недостаток в понимании данного вопроса: многие описания КЭ строятся на примерах, выхваченных из контекста. «Первое, чего не хватает для выводов о КП (категории пересказывания, в наших терминах –

КЭ. – М.М.), это анализа ее функционального пребывания в тексте (а не в отдельном предложении)» [52. С. 164]. Анализ КЭ в семиотическом пространстве текста может показать, чем и в какой мере ограничено ее применение и как она определяет положение говорящего по отношению к сообщаемой информации.

Как ни странно, дальнейшая библиография работ по такой многообещающей тематике, как семиотический анализ КЭ, не столь велика. Помимо упомянутой работы, где проблема КЭ впервые поднимается в данном аспекте, мне известна всего одна работа последних лет, связанная с этой же проблемой, – статья П. Асеновой [74]. Автор исходит из того, что КЭ не является грамматическим балканизмом, и доказывает, что она вписывается в балканскую модель мира на семиотическом уровне. Оппозицию СФ/НСФ она рассматривает в контексте оппозиции увиденное/услышанное (*видяно/чуто*), показывая особую маркированность видения.

Неслучайно, что сугубо лингвистическая работа Р. Ницоловой, авторитетное и одно из наиболее полных изложений состояния дел в сфере исследований болгарской КЭ, заканчивается положением о том, что «эвиденциальность в болгарском языке – это категория текста» [11], которая подчиняется множеству грамматических, информационных, когнитивных, прагматических, а иногда и стилистических факторов. Из чего, по всей видимости, можно сделать вывод: лингвистические методы исследования эвиденциальности, с переменным успехом применявшиеся более ста лет, позволили приблизиться к пониманию данного феномена. Обращение же к структуре текста и семиотическим правилам функционирования КЭ в тексте позволяет выйти на качественно иные уровни интерпретации, что, как хотелось бы надеяться, откроет новые горизонты.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Aikhenvald A. *Evidentiality*. Oxford, 2004.
2. Кузнецова А.И. Каким может быть статус эвиденциальности и ирреалиса? // Исследования по теории грамматики. М., 2004. Вып. 3. Ирреалис и ирреальность.
3. Fiedler W. Zu einigen problemen des admirativs in den Balkansprachen // Actes du premier congrès international des études balkaniques et sud-est européennes. Sofia, 1968. V. VI.
4. Сытов А.П. Категория адмиратива в албанском языке и ее балканские соответствия // Проблемы синтаксиса языков балканского ареала. Л., 1979.
5. Десницкая А.В. К вопросу о значении и происхождении категории адмиратива в албанском языке // Македонски јазик. 1981–1982. Г. XXXII–XXXIII.
6. Шанова З.К. Адмиратив и аудитив в современном македонском языке. Сборник во чест на академикот Блаже Конески. Скопје, 1984.
7. Косеска-Тошева В. Турцизъм ли е имперцептивната модалност в българския език? // Език и литература. 1975. № 4.
8. Guentchéva Z. Le médiatif en Bulgare // L'énonciation médiatisée. Louvain, Papis. 1996.
9. Friedman V.A. Hunting the elusive evidential: The third-person auxiliary as a boojum in Bulgarian // Of all the Slavs my favorites: In honor of Howard I. Aronson. Indiana Slavic Studies 12. 2001.
10. Куцаров Ив. Теоретична граматика на българския език. Морфология. Пловдив, 2007.
11. Ницолова Р. Модализированная эвиденциальная система болгарского языка // Эвиденциальность в языках Европы и Азии. СПб., 2007.
12. Kehayov P. Interactions between grammatical evidentials and lexical markers of epistemicity and evidentiality: a case study of Bulgarian and Estonian // Wiener Slavistischer Almanach (в печати).
13. Храковский В.С. Эвиденциальность и эпистемическая модальность (сопоставительный анализ болгарского и русского языков) // Wiener Slavistischer Almanach (в печати).
14. Boas F. Handbook of American Indian languages. Part 1 // Smithsonian Institution. Bureau of American Ethnology Bulletin. 1911. № 40.

15. L'énonciation mediatisée / Ed. Z. Guentchéva. Louvain; Paris, 1996.
16. *Якобсон Р.О.* Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического анализа языков различного строя. М., 1972.
17. Evidentiality: the linguistic coding of epistemology. Norwood, 1986.
18. Evidentials: Turkic, Iranian and neighbouring languages (Empirical approaches to language typology 24). Berlin; New York, 2000.
19. Studies in Evidentiality (Typological Studies in Language 54). Amsterdam, 2003.
20. Эвиденциальность в языках Европы и Азии. СПб., 2007.
21. *Friedman V.A.* Evidentiality in the Balkans with special attention to Macedonian and Albanian // Studies in Evidentiality (Typological Studies in Language 54). Amsterdam, 2003.
22. *Friedman V.A.* Evidentiality in the Balkans: Bulgarian, Macedonian, and Albanian // Evidentiality: the linguistic coding of epistemology. Norwood, 1986.
23. *Aronson H.I.* The Grammatical Categories of the Indicative in the Contemporary Bulgarian Literary Language // To Honor Roman Jakobson. The Hague, 1967. Vol. I.
24. *Фридман В.А.* Адмиративност во балканските јазици: Категорија против употреба // Македонски јазик. 1980. Г. XXXI.
25. *Fielder G.E.* Narrative Perspective and the Bulgarian *l*-participle // Slavic and East European Journal. 1995. № 39.
26. *Fielder G.E.* Distance as a Prototypical Verbal Category in Bulgarian // Balkanistica. 1996. № 9.
27. *Κριστοφορίδης Κ.* Граμματική της αλβανικής γλώσσας κατά την τосκικήν διάλεκτον. Κωνσταντινούπολη, 1882.
28. *Demiraj Sh.* Habitorja dhe mosha e saj // Studime filologjike. 1971. № I.
29. *Dozon O.* Manuelle de la langue chkiye ou albanaise. Paris, 1878.
30. *Lambertz M.* Albanisches Lesebuch. Mit Einführung in die albanische Sprache. Leipzig, 1948. T. I.
31. *Schmaus A.* Beobachtungen zu Bedeutung und Gebrauch des albanischen Admirativs // Beitrage zur Südosteuropa-Forschung. München, 1966.
32. *Dhrimo A., Angoni E., Hysa E., Lafe E., Likaj E., Agalliu F., Demiraj Sh.* Fonetika dhe Gramatika e gjuhës së sotme letrare shqipe. Tirana, 1976. Vol. II. Morfologjia.
33. *Demiraj Sh., Cikuli N.* Gramatika e gjuhës shqipe. Tirana, 1971. V. I. (Fonetika, leksikologjia, morfologjia).
34. *Demiraj Sh.* Morfologjia e gjuhës së sotme shqipe. Prishtines, 1971.
35. *Эйнтрай Г.И.* Албанский язык. Л., 1982.
36. *Duchet J.-L., Përnaska R.* L'admiratif albanais: recherche d'un invariant semantique // L'énonciation mediatisée. Louvain; Paris, 1996.
37. *Куцаров И.* Преизказването в българския език. София, 1984.
38. *Levin-Steinmann A.* Der bulgarische Renarrativ und der Mythos von der selbständigen grammatischen Kategorie // Die grammatischen Korrelationen. Graz, 1999.
39. *Демина Е.И.* Пересказывательные формы в современном болгарском литературном языке // Вопросы грамматики болгарского литературного языка. М., 1959.
40. *Молошная Т.Н.* Категория пересказывания болгарского глагола (обзор) // Советское славяноведение. 1989. № 2.
41. *Sankoff A. und D.* Grammtik der Bulgarischen Sprache. Wien, 1852.
42. *Теодоров-Балан Ал.* Неуспех по българския език в нашите училища // Периодическо списание на българско книжно дружество в София. Средец, 1887. Кн. XXI–XXII.
43. *Трифонов Й.* Синтактични бележки за съединението на миналото действително причастие с глагола «съм» в новобългарския език // Периодическо списание на БКД в София. 1905. Кн. LXVI. Год. 17. Св. 3–4.
44. *Цонев Б.* История на българский язык. София, 1937. Т. III.
45. *Weigand G.* The Admirative in Bulgarian // The Slavonic Review. 1924. № 2.
46. *Андрейчин Л.* Основна българска граматика. София, 1944.
47. *Андрейчин Л.* Грамматика болгарского языка. М., 1949.
48. *Andrejczin L.* Kategorie znaczeniowe konjugacji bułgarskiej. Kraków, 1938.
49. Грамматика на съвременния български книжовен език. София, 1983. Т. II. Морфология.
50. *Маслов Ю.С.* Очерк болгарской грамматики. М., 1956.
51. *Маслов Ю.С.* Грамматика болгарского языка. М., 1981.
52. *Цивьян Т.В.* Лингвистические основы балканской модели мира. М., 1990.
53. *Герджиков Г.* Преизказването на глаголното действие в българския език. София, 1984.
54. *Куцаров Ив.* Едно екзотично наклонение на българския глагол. София, 1994.

55. *Levin-Steinmann A.* Die Legende vom Bulgarischen Renarrativ. Bedeutung und Funktionen der kopulativen I-Periphrase. München, 2004.
56. *Валтер Х.* По въпроса за наклоненията в съвременния български книжовен език // Език и литература. 1989. № 1.
57. *Алексова К.* Адмиративът в съвременния български език. София, 2003.
58. *Макарцев М.* К вопросу о связи лексических и грамматических показателей эвиденциальности в болгарском языке // Weiner Slawistischer Almanach (в печати).
59. *Roth J.* Die indirekten Erlebnisformen im Bulgarischen: Eine Untersuchung zu ihrem Gebrauch in der Umgangssprache. Wiesbaden, 1979.
60. *Усикова Р.П.* Грамматика македонского литературного языка. М., 2003.
61. *Конески Бл.* Грамматика на македонскиот литературен јазик. Скопје, 1967.
62. *Lunt H.* A grammar of the Macedonian standard language. Skopje, 1952.
63. *Мишевска-Томиќ О.* Прекажаноста – балканско јазично кодирање на вонјазичната стварност // Балканска слика на светот. Зборник од меѓународната научна работилница одржана во Скопје на 5–6 декември 2005 година. Скопје, 2006.
64. *Мишевска-Томиќ О.* Прекажаноста како модална категорија // Зборник во чест на академикот Блаже Конески. Скопје, 1984.
65. *Fici F.* Macedonian perfect and its modal strategies // Македонски јазик. 2001. Г. LI–LII.
66. *Иванчев Св.* Проблеми на развитието и функционирањето на модалните категории в българскиот език // *Иванчев Св.* Приноси в българското и славянското езикознание. София, 1978.
67. *Мирчев К.* Историческа граматика на българскиот език. София, 1958.
68. *Георгиев Вл.* Възникване на нови сложни глаголни форми със спомагателен глагол «има» // Известия на Института на българскиот език. 1957. № 5.
69. *Лёв Р.* О специфическом характере грамматической интерференции, связанной с происхождением так называемых пересказывательных форм болгарского языка // Исследования по славянскому языкознанию. М., 1971.
70. *Попов К.* Нови данни за произхода на преизказните глаголни форми в българскиот език // Език и литература. 1976. № 6.
71. *Дьомина Е.* Към историята на модалните категории на българскиот глагол // Българскиот език. 1970. № 5.
72. *Демина Е.И.* К вопросу о генезисе модальных категорий болгарского индикатива // Симпозиум по грамматической типологии современных балканских языков (15–16 января 1974 г.). Предварительные материалы. М., 1973.
73. *Бирнбаум Х.* О двух направлениях в языковом развитии // Вопросы языкознания. 1985. № 2.
74. *Асенова П.* Преизказането на глаголното действие в българскиот език – проява на балканскиот манталитет? // Българистични студии. София, 2004.
75. *Молошная Т.Н.* Синтаксические способы выражения косвенных наклоений в современных славянских языках // Этюды по типологии грамматических категорий в славянских и балканских языках. М., 1995.
76. *Friedman V.A.* Surprise! Surprise! Arumanian has had an Admirative! // Indiana Slavic Studies. 1994. Vol. 7.
77. *Марковиќ М.* Ароманскиот и македонскиот говор од охридско-струшкиот регион во балканскиот контекст. Скопје, 2007.
78. *Десниќаја А.В.* К семантике албанского адмиратива // Вопросы языка и литературы народов балканских стран. Л., 1986.



© 2009 г. В. В. БОЯРЧЕНКОВ

«СЕКРЕТАРЬ АНТИКВАРСКОГО СОСЛОВИЯ»: О.М. БОДЯНСКИЙ В ОБЩЕСТВЕ ИСТОРИИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССИЙСКИХ.

К 200-летию со дня рождения ученого-слависта

Роль Осипа Максимовича Бодянского в становлении отечественного славяноведения весьма известна. Анализ трудов одного из первых, наряду с В.И. Григоровичем, И.И. Срезневским и П.И. Прейсом, профессоров-славистов в России, характеристика его долгой преподавательской работы в Московском университете уже больше чем столетие занимают главное место в многочисленных посвященных ему публикациях, – от некрологов до диссертаций¹.

Едва ли требуется объяснять, почему справедливо заслуженная Бодянским репутация первопроходца российского славяноведения почти всегда отвлекала исследователей от рассмотрения прочих сторон его деятельности. Важнее то, что неизбежное при этом искажение исторической перспективы мешало по достоинству оценить заслуги этого слависта, лежащие за пределами научно-педагогической плоскости. Так, если к настоящему времени ценой немалых усилий в архивохранилищах было выявлено несколько рукописных конспектов университетских лекций О.М. Бодянского [1. С. 55–66], то давно опубликованные протоколы заседаний Общества истории и древностей российских (далее – ОИДР), в котором ему довелось на протяжении четверти века играть одну из главных ролей, по большому счету остаются не востребованными.

Между тем, именно участвуя в предприятиях этого ученого общества в 1840–1870-е годы, Бодянский получал исключительно широкие возможности проявить свои научно-организаторские способности. Настоящее исследование призвано восполнить этот пробел, а именно: на основе анализа важнейших направлений в деятельности ученого-слависта на посту секретаря ОИДР реконструировать идейно питавшие ее парадигмы. В том, что эта деятельность отнюдь не сводилась к славяноведческим изысканиям и тяготам цензурных исследований – сюжетам, отчасти получившим освещение в литературе [2. С. 3–

Боярченков Владислав Викторович – канд. ист. наук, доцент Рязанского государственного радиотехнического университета.

¹ Впрочем, даже специальные биографические очерки, посвященные Бодянскому, порой грешат неполнотой и неточностью сведений (см.: [1. С. 40–41]).

38; 3. С. 97–115; 4. С. 151–152], – убеждают не только упомянутые протоколы, но и внушительные по объему материалы архива ОИДР, а также дневники и частная переписка членов Общества. Двухсотлетняя годовщина со дня рождения О.М. Бодянского, отмечаемая, согласно выписке из его метрического свидетельства, 11 ноября 2008 г. (по новому стилю) [1. С. 41], представляется хорошим поводом на основании этих источников, в значительной степени еще не введенных в научный оборот, разобраться в причинах его успехов и неудач на этом поприще.

К середине 1830-х годов, когда недавний выпускник Московского университета и многообещающий, по дружному мнению профессоров-антагонистов М.Т. Каченовского и М.П. Погодина [5. С. 168], славист Бодянский вступил в ОИДР. Престижное, хотя и несколько аморфное образование, старейшее из действовавших на тот момент (оно было основано в 1804 г.), это московское историческое общество, формально прикрепленное к университету, уже четверть века руководствовалось собственным уставом, который определял его структуру и пределы автономии. Помимо избираемых полноправных участников Общества – действительных членов, устав предполагал наличие в его составе выборных же должностных лиц – секретаря, библиотекаря, актуария, казначея. Так же избираемый глава ОИДР, председатель, принимал бразды правления после утверждения министром народного просвещения по представлению попечителя учебного округа [6. С. 5–9]. Гарантированная таким образом внутренняя самостоятельность делала Общество весьма привлекательным в глазах многочисленных и далеко не только московских любителей отечественной старины.

О.М. Бодянский был принят в число действительных членов в заседании 27 марта 1837 г. [7. Т. 3. Кн. 3. С. 401], когда ОИДР вступало в новую и, как тогда многим не без основания казалось, самую благоприятную пору своего существования. За год до этого на должность председателя вместо дряхлого А.Ф. Малиновского был единогласно избран недавно назначенный попечитель Московского учебного округа С.Г. Строганов, сразу же озаботившийся вопросом о средствах, за счет которых Общество могло «вернее действовать для исполнения своей цели» [7. Т. 1. Кн. 1. С. 115]. Со своей стороны Строганов добился для ОИДР статуса императорского и, главное, ежегодной казенной субсидии в размере 5000 рублей ассигнациями. Этот вновь обретенный источник доходов позволял надеяться на то, что деятельность Общества, прежде всего издательская, обретет наконец устойчивый характер, тем более что в декабре 1836 г. секретарем – также единогласно – был избран Погодин, известный своей предприимчивостью и снискавший в продолжавшейся в то время полемике с Каченовским и его сторонниками репутацию первого знатока русской истории. Явно держа в уме добытую Строгановым субсидию, новый секретарь незамедлительно представил программу издания «Русского исторического сборника», призванного сменить публиковавшиеся от случая к случаю «Труды и летописи» Общества. Замысел Погодина, предполагавший выпуск раз в три месяца книжек сборника, объемом в восемь–десять печатных листов [7. Т. 3. Кн. 3. С. 400], встретил всеобщее одобрение.

Бодянский оставался в стороне от всей этой бурно разворачивавшейся на исходе 1830-х годов деятельности. Подготовка к предстоящему ученому путешествию в славянские земли, а затем и сама эта затянувшаяся на пять лет поездка основательно вырвала молодого слависта из круга забот и волнений его

собратьев по Обществу. Когда же он вторично – на этот раз уже не только формально – соединился с ними, вернувшись в Москву осенью 1842 г., от их бывшего энтузиазма времен избрания Строганова и Погодина не было и следа. За пять лет отсутствия Бодянского в ОИДР сменилось три библиотекаря, а публикация каталога рукописного собрания, о которой велись разговоры в 1836 г., все еще не была осуществлена. Более того, серия недоразумений между председателем и секретарем, помноженная на взаимную неуступчивость, привела к их едва скрываемой вражде. В результате Строганов перестал помышлять о новых привилегиях для Общества, а Погодин, очевидно тяготясь своими секретарскими обязанностями, все больше внимания уделял издаваемому им с 1841 г. частным образом «Москвитяину», в то время как «Русский исторический сборник» прозябал, так и не превратившись в изначально задуманное периодическое издание.

На фоне поглощавшей ОИДР с каждым годом стихии рутины и дрязг активность приступившего к делам Бодянского не могла остаться незамеченной. Так, сразу же по возвращении, на рубеже 1842–1843 гг., он выступает с сообщением об актах по русской и польской истории, найденных им в Познани, ходатайствует о получении славянских рукописей из церковных собраний, «требует настоятельно доступа к библиотеке» Общества, берется за составление плана издания новой серии трудов ОИДР, после того, как было решено закончить «Русский исторический сборник» десятым томом [9. С. 48–51]. К моменту, когда Погодин в очередной раз поставил перед сочленами вопрос о своем преемнике, Бодянский еще не успел нажить себе много врагов, что и предопределило итоги выборов нового секретаря. При баллотировке, состоявшейся в февральском заседании 1845 г., против его кандидатуры было подано только два голоса, которые принадлежали, видимо, его менее удачливым соперникам – помощнику директора Оружейной палаты А.Ф. Вельтману и библиотекарю Общества П.М. Строеву [10. С. 532–533].

Собравшимся на это заседание дали понять, что дело не ограничится заменой неугодного Строганову Погодина на лояльного Бодянского. По предложению председателя присутствовавшие принялись искать причины неудач последних лет и остановились на необходимости изменения устава. Ведущая роль нового секретаря при обсуждении этого вопроса проступает в дневниковой заметке, сделанной по этому поводу его предшественником: «Бодянский взялся написать конституцию. Комедия!» [8. Т. 8. С. 149]. Однако такое скептическое отношение к этому начинанию разделяли далеко не все. В Обществе закипела работа по преобразованию устава. К мартовскому заседанию было подготовлено восемь «мнений», только одно из которых – погодинское – было высказано против каких бы то ни было перемен [11. Ф. 440. Оп. 1. Ед. хр. 749. Л. 170]. Остальные приверженцы старых порядков воздержались от публичной полемики, хотя в частном письме прежнего секретаря поддержал заместитель Строганова, вице-президент ОИДР А.Д. Чертков [8. Т. 8. С. 150]. Остальные семь поданных «мнений» свидетельствовали о довольно внушительной поддержке инициаторов преобразований.

Свести все эти предложения к общему знаменателю был призван особый комитет, куда на правах секретаря вошел и Бодянский. Это, безусловно, должно было помочь ему отстаивать собственную позицию, обстоятельно изложенную в «Замечаниях на Устав ОИДР, касающихся некоторых изменений, дополнений и т.п., составляющих параграфы оного» [11. Ф. 440. Оп. 1. Ед. хр. 749.

Л. 147–154об.]. Анализ этого документа убеждает, что избрание Бодянского секретарем не было случайностью. Составленные в том же духе, что и большинство других представленных проектов, его «Замечания» отличаются от них куда большей продуманностью общего плана и четкостью формулировки отдельных положений.

Бодянский предлагал здесь, прежде всего, упорядочить работу Общества. Каждый из его участников должен был извещать остальных членов о выбранной им для изучения теме, затем, в свою очередь, выступать на заседании с чтением своего исторического исследования, после чего оно публиковалось в трудах ОИДР. Автор в таком случае получал в вознаграждение, по своему усмотрению, либо твердо установленную сумму денег, либо оттиски своего сочинения. Таким образом, все члены Общества оказывались включенными в его деятельность. Отвечать за работу этого механизма, согласно проекту Бодянского, должен был секретарь, наделявшийся настолько широкими полномочиями, что ни одна бумага Общества не имела силы без его подписи [11. Ф. 440. Оп. 1. Ед. хр. 749. Л. 149].

Этот план и стал отправным пунктом для работы комитета. Большая часть его содержания вошла в состав итогового документа – «Чертежа Нового устава Общества», представленного в июньском заседании ОИДР 1845 г. За пределами «Чертежа» остались лишь немногие из действительно важных для Бодянского положений. Таких, как предложение изменить официальное название Общества, вставив между «историей» и «древностями» более близкую новому секретарю филологию, или указание на необходимость изучать «не одних только Великорусов, как это было до сих пор большею частью, но Руских (так в тексте. – В.Б.) в обширном смысле, т.е. Бело- и Малорусов, как в Царстве Руском (так в тексте. – В.Б.), так и за границей» [11. Ф. 440. Оп. 1. Ед. хр. 749. Л. 147].

Прозвучавшее на этом же июньском заседании выступление Строева, связывавшего будущее Общества исключительно с преобразованием его в отделение Археографической комиссии, не встретило у председателя сочувствия [12. С. 418–430; 13. Т. 1. С. 361; 14. С. 28–29]. Реализация этой идеи неизбежно означала бы утрату даже той степени автономии, которую гарантировал действовавший устав. Строганов же, очевидно, придерживался модели ученого сотрудничества, уже доказавшей свою жизнеспособность в первые десятилетия XIX в., в первую очередь в деятельности Румянцевского кружка. Эта модель предполагала объединение широких административных и финансовых возможностей просвещенного аристократа и энергичных усилий его квалифицированных помощников с более низким социальным статусом.

Так или иначе, судьба проекта нового устава теперь всецело находилась в руках министра народного просвещения С.С. Уварова, давняя неприязнь которого к Строганову обрекала всю эту предварительную работу на неудачу [10. С. 738; 15. Ф. 203. Кн. 16. Л. 44об.]. Тем не менее, это препятствие поначалу не мешало Бодянскому заниматься воплощением собственных замыслов. Благодаря его настойчивости, заседания Общества в скором времени стали проходить регулярно, собирая все больше и больше посетителей. Причем редкое собрание обходилось без чтения и обсуждения докладов. Но, главное, секретарю удалось организовать издательскую деятельность в небывалых прежде масштабах – детищем Бодянского стали «Чтения в ОИДР», «полуповременное», как было сказано в «Объявлении» на обороте обложки титульного листа его

первой книжки, издание [16. 1846. Кн. 1], выходявшее в свет ежемесячно, за исключением летнего вакационного времени. Именно «Чтения» принесли Обществу то всеобщее публичное признание, на которое так рассчитывал Строганов с момента своего появления на посту председателя. Едва ли не все любители отечественной старины и славянских древностей с нетерпением ожидали новых публикаций на страницах этого журнала.

Впрочем, стоит заметить, что первоначальные издательские планы Бодянского были весьма скромными, в то время как на необходимость издания ежемесячного журнала Общества настаивал другой недавний претендент на место секретаря, А.Ф. Вельтман [11. Ф. 440. Оп. 1. Ед. хр. 749. Л. 143об.–144, 152об.–153, 154–154об.]. И все же, кому бы ни принадлежал в данном случае приоритет, «Чтения» состоялись и завоевали успех благодаря неутомимости их редактора Бодянского. В этом не сомневались даже его противники, а сторонники, как, например, одесский археолог Н.Н. Мурзакевич, и вовсе были готовы увенчать его званием «секретаря нашего антикварского сословия» [16. 1887. Кн. 1. С. 197].

Эта последняя формулировка нуждается в комментарии. Антикварию – пожалуй, самое емкое наименование исследователей и собирателей памятников старины в первой половине XIX в. не только в России. Оно отражает реалии слабо развитой профессионализации и специализации исторического знания, когда сфера любительского интереса к древностям не была еще отмежевана от профессиональных занятий археологией и историей [17. Р. 9–13]. Этот термин, правда, в более узком значении, встречается в письме Бодянского к П.И. Шафарыку от 20 ноября 1847 г. [18. С. 126] Так же секретарю ОИДР была не чуждой и сословная идентификация тех, кто занимался исследованием прошлого. Отвергая предложение петербургского антиквария И.П. Сахарова о принятии в Общество купцов – потенциальных учредителей премий, Бодянский противопоставляет им действительных членов «не-купцов», которые, по его словам, «как сословие – в миллион раз лучше». Примечательно, что здесь же он не только подчеркивает, но и превозносит любительскую природу осуществляемых ими исторических изысканий: «Из чести в наше время немногие трудятся, а коли уж трудятся, так решительно из-за одной ее, без малейшей примеси материализма» [10. С. 746–747]. Это представление о сословном единстве исследователей истории и древностей, по-видимому, можно считать принципом, которым Бодянский пытался дополнить строгановскую формулу союза просвещенного вельможи с покровительствуемыми им учеными.

Однако складывавшаяся годами система отношений упорно сопротивлялась прямолинейному проецированию на нее новых норм и ценностей. Многие члены ОИДР со стажем воспринимали введение новых порядков не иначе как ломку традиций. Им казалось неприемлемым, что Бодянский, один из самых молодых сочленов, не довольствуясь «технической» стороной секретарства, взялся по-своему распоряжаться делами Общества. Возможно, не напрасно молва приписывала Шевыреву возмущение установившейся «диктатурой Бодянского» [8. Т. 10. С. 162].

Вряд ли можно говорить о формировании в ОИДР открытой оппозиции начинаниям обновившегося в 1845 г. руководства, хотя результаты баллотировок по новым кандидатурам в члены Общества показывают, что в 1846–1847 гг. здесь уже не наблюдалось былого единодушия [15. Ф. 203. Кн. 8. Л. 163; Кн. 9. Л. 161]. Как видно из официальных протоколов, многие «старо-

жилы» ОИДР – И.М. Снегирев, Ф.Л. Морошкин, С.П. Шевырев, М.П. Погодин, А.Д. Чертков, П.М. Строев, смещенный с должности библиотекаря [12. С. 408, 413], – почти совсем перестали посещать заседания. За этим отказом представителей «старой авторитетной партии» продолжать активное участие в Обществе читалось их недовольство согласованными действиями председателя и секретаря [15. Ф. 704. К. 27. Ед. хр. 7. Л. 5–5об.]. И хотя инициированное руководителями ОИДР рекрутирование новых членов, лояльность которых не вызывала подозрений, с лихвой восполнило образовавшийся было «кадровый дефицит», – среди принятых в эту пору были С.М. Соловьев, Н.В. Калачов, В.М. Ундольский, И.Д. Беляев, К.Д. Кавелин, – смена поколений в Обществе оказалась чреватой конфликтными ситуациями. Победу «строгановской партии» можно было признать полной, – Бодянский, переизбиравшийся в должности секретаря 27 марта 1848 г., получил в поддержку своей кандидатуры двенадцать голосов при одном голосе против [16. 1847/1848. Кн. 8. С. III], – если бы за спинами ее противников не маячила угрожающе фигура могущественного неприятеля председателя ОИДР – графа С.С. Уварова. Поэтому историю, начавшуюся вслед за публикацией в «Чтениях» английского перевода сочинения Дж. Флетчера «О государстве Русском», при всей ее внезапности, трудно назвать громом среди ясного неба.

Приближение опасности Бодянский почувствовал сразу же, как только очередное столкновение министра с попечителем закончилось отставкой последнего 20 ноября 1847 г. [10. С. 745]. Между тем, в условиях усиливавшегося давления цензуры, ознаменованного учреждением комитета 2 апреля 1848 г., обнаружилось и наиболее уязвимое место в последнем уцелевшем пока бастионе Строганова – то самое «полупременное» издание, которое совсем недавно принесло Обществу признание. Даже в более благоприятные времена у Бодянского были причины для беспокойства по этому поводу [10. С. 740; 8. Т. 9. С. 156–157], теперь же малейшая неосторожность грозила обернуться серьезными проблемами.

Это и произошло в конце сентября 1848 г., когда пребывание Уварова в Москве совпало с выходом в свет книжки «Чтений», содержавшей упомянутое сочинение Флетчера. В заседании 30 сентября собравшиеся получили возможность ознакомиться с ним, на следующий день Бодянский доставил экземпляр Уварову, а уже через час от министра последовал запрос о том, кто «дозволил напечатание Флетчерова сочинения» [2. С. 13–14]. После того как выяснилось, что секретарь ОИДР руководствовался разрешением Строганова, Бодянский принялся обосновывать право Общества на собственную цензуру и изымать экземпляры журнала с крамольным произведением у сочленов и тех немногих, кто успел приобрести его в книжной лавке. Только 7 октября, когда ректор Московского университета Д.М. Перевощиков уведомил его о приказании министра остановить печатание трудов ОИДР впредь до «особенного предписания», руководители Общества поняли, что дело отнюдь не закончено, и его исход будет теперь зависеть от решений, принятых в Петербурге и Царском Селе [19. Ф. 1278. Оп. 1. Ед. хр. 176. Л. 3–7].

Строганов попытался перехватить инициативу и через доверенное лицо (по-видимому, через отца, Г.А. Строганова – известного дипломата, члена Государственного совета) направил две объяснительных записки начальнику Третьего отделения Его Императорского величества канцелярии графу А.Ф. Орлову – от 8 и 12 октября. Избранная им тактика была проста: предста-

вить государю, опередив Уварова, свою версию инцидента и тем самым по возможности смягчить ожидаемое наказание. В этих записках председатель ОИДР признавался в собственной неосторожности и настаивал, что вред состоявшейся публикации сильно преувеличивается министром, действующим из соображений «давнишней мести» [19. Ф. 1278. Оп. 1. Ед. хр. 176. Л. 9–10об.]. Причем повторное его обращение по одному и тому же делу, как утверждал Строганов, было продиктовано опасением за участь Бодянского, которому, по слухам, грозила «вся ответственность перед законом». Единственным виновником происшедшего председатель называет себя, дважды пренебрегшего предостережениями секретаря, указывавшего на «сомнительные в Флетчере места». Поэтому избавление «этого достойного ученого, столько далекого от всякого злого умысла, сколько известного кротким и благородным своим характером» от монаршего гнева становится одной из главных целей в защите, организованной Строгановым [19. Ф. 1278. Оп. 1. Ед. хр. 176. Л. 15–16].

Отчасти эта тактика оправдала себя: в конфиденциальном послании от 19 октября Орлов извещал председателя ОИДР о впечатлениях императора, впервые из письма Строганова ознакомившегося с обстоятельствами этого дела. Николай I, сославшись на «нынешние обстоятельства», – в Западной Европе в эту пору одна за другой следовали революции, – в общих словах оправдывал ужесточение цензуры [19. Ф. 1278. Оп. 1. Ед. хр. 176. Л. 27–27об.]. Однако посредник между шефом жандармов и Строгановым сообщал последнему более определенные и утешительные итоги беседы Орлова с государем, состоявшейся, как видно, 16 октября. Решив установить цензурный контроль над изданиями Общества, Николай I в то же время соглашался с тезисом Строганова о его единоличной ответственности за публикацию сочинения Флетчера. От себя начальник Третьего отделения обещал председателю проследить за тем, чтобы его подчиненные не пострадали [19. Ф. 1278. Оп. 1. Ед. хр. 176. Л. 23–24].

Итак, казалось, к последствиям всеподданнейшего доклада Уварова председатель ОИДР был готов. В самом начале ноября поступило уведомление от попечителя Московского учебного округа Д.П. Голохвастова о подчинении изданий Общества общему цензурному положению, что стало предметом жаркой полемики на экстренно созванном заседании. А на следующий день самому председателю пришлось выслушать переданное через московского генерал-губернатора А.А. Закревского замечание императора [8. Т. 1. С. 176; 19. Ф. 1278. Оп. 1. Ед. хр. 176. Л. 28об.]. Однако пришедшее в Москву в эти же дни известие о перемещении Бодянского в Казань, похоже, явилось полной неожиданностью для Строганова, не говоря уже о самом слависте.

В этих условиях борьба за удержание позиций в ОИДР становилась бессмысленной. Прошения об отставке обоих руководителей Общества датированы 5 ноября. Председатель при этом сослался на предстоящие частые отлучки из Москвы, а секретарь – на занятия, не позволяющие ему в дальнейшем исполнять должностные обязанности [20. Кн. 1. С. 1]. Тем временем Строганов благодаря своим петербургским связям узнал, что перевод Бодянского оказался сюрпризом даже для всеведущего шефа жандармов. В качестве единственного обоснования этого перевода в распоряжении ректора Московского университета от 11 ноября указывалось обязательство профессора-слависта, как путешествовавшего за границей на средства министерства народного просвещения, «прослужить по назначению начальства не менее 12-ти лет», а о пресловутой «истории Флетчера» не говорилось ни слова [19. Ф. 1278. Оп. 1. Ед. хр. 176. Л. 25–25об., 31].

Но в сохранившемся у Бодянского тексте этой самой «подписки 1837 г., на который пытались опереться его гонители, вполне определенно речь шла об обязательстве служить именно в Московском университете, и опальный славист не преминул заметить, что этот документ некогда был скреплен собственной подписью министра [19. Ф. 1278. Оп. 1. Ед. хр. 176. Л. 31об., 32об.]. Однако ни эти доводы, ни взывания Строганова, скрепя сердце, обратившегося все-таки к Уварову, к «общему началу справедливости», успеха не имели [19. Ф. 1278. Оп. 1. Ед. хр. 176. Л. 37–39об.].

Из отношения министра на имя попечителя Московского учебного округа от 29 ноября следовало, что Бодянский мог рассчитывать разве что на временное увольнение от службы по состоянию здоровья с обещанием в дальнейшем дослужить остаток двенадцатилетнего срока [19. Ф. 1278. Оп. 1. Ед. хр. 176. Л. 31об.]. Поэтому в прошении об отставке, поданном славистом на имя Перовщикова 18 декабря, основной упор сделан на «слабом от природы золотушно-ревматическом сложении», совершенно неприспособленном к любому иному, кроме московского, климату [19. Ф. 1278. Оп. 1. Ед.хр. 176. Л. 33–34]. В частной переписке этот мотив отказа ехать в Казань не упоминается (см.: [2. С. 15–16]).

Однако Строганов не прекратил на этом своих попыток отстоять Бодянского. В своем докладе, с которым, благодаря все тому же Орлову, 10 января 1849 г. ознакомился Николай I, отставной председатель ОИДР по понятным причинам по-прежнему исходит из того, что теперешние невзгоды Бодянского – прямое следствие «истории Флетчера». В этом случае вся старая строгановская аргументация сохраняла свою полную силу. Но теперь ходатай, для которого, по его словам, «мучительно будет воспоминание, что голос его остался бессильным для спасения невинного подчиненного», добивался лишь того, чтобы Бодянскому не навязывали обязательство дослуживать шесть лет вопреки условиям его «подписки» [19. Ф. 1278. Оп. 1. Ед. хр. 176. Л. 41–42].

Шеф жандармов сообщал Строганову, что в результате Уварову пришлось пойти на эту уступку [19. Ф. 1278. Оп. 1. Ед. хр. 176. Л. 43–43об.], а карандашная приписка к тексту всеподданнейшего доклада Орлова вселяла надежды на большее: «Его Высочество изволил согласиться с обещанием возвратить Бодянского на службу при первой возможности». До этого момента ему назначалось пособие в размере двух тысяч рублей в год [19. Ф. 1278. Оп. 1. Ед. хр. 176. Л. 42]. Приблизительно к этому времени, очевидно, следует отнести и отмеченную постфактум, в конце 1852 г., в дневнике слависта беседу Строганова с Николаем I, связывавшим возвращение Бодянского в Московский университет с назревавшей уже в то время отставкой министра народного просвещения [21. С. 517].

Таким образом, та модель аристократической опеки, на которую ориентировался в своем руководстве Обществом Строганов, если и не избавила его протее от серьезных неприятностей, то, во всяком случае, позволила существенно смягчить нанесенный по его позициям удар. Пешку в игре двух графов больше напоминал не Бодянский, а лишенный подобного покровительства другой профессор-славист, В.И. Григорович, перемещенный министром из Казани на место уволенного секретаря ОИДР, а затем, спустя год, уже после отставки Уварова вынужденный вернуться обратно [22. С. 307–308].

В гораздо меньшей степени выдержал испытание «Флетчеровой историей» принцип сословной солидарности членов ОИДР, которому пытался следовать сам Бодянский. В послании Шафарыку, написанном по свежим следам всех этих событий, 19 февраля 1849 г., отлученный от деятельности ученый в числе пяти главных виновников своих несчастий называет четыре имени действительных членов Общества: Погодина, Шевырева, Строева и Снегирева [18.

S. 134]. (К слову, именно последнему из них Строганов уверенно приписывал авторство доноса по поводу издания сочинения Флетчера) [19. Ф. 1278. Оп. 1. Ед. хр. 176. Л. 1]. Но если этих ученых Бодянский, как мы видели, уже давно имел основания подозревать в недоброжелательстве, то отсутствие поддержки со стороны других сочленов, особенно принятых в Общество в годы его секретарства и совсем недавно голосовавших за его переизбрание, явно обескуражило слависта. Один библиотекарь Ундольский открыто защищал отставленного секретаря [10. С. 727–728]. Остальные в конце ноября 1848 г. безропотно избрали новое руководство в лице председателя Черткова и секретаря Беляева [20. Кн. 1. С. I–II].

Прекращая выпуск «Чтений» и приступая к изданию «Временника», новое руководство не пощадило чувств Бодянского, увидевшего в новом печатном органе ОИДР всего лишь «двойника блаженной памяти “Исторического Сборника”» [18. С. 135]. Отставленный секретарь переживал тяжелое разочарование в тех, кого недавно считал своими единомышленниками. Согласие лично поздравить Ундольского с днем его ангела 6 февраля 1849 г. он сопровождает характерной оговоркой: «Боюсь только встретиться у Вас с кем-либо из Общников, кроме, разве, г. Иванова» [15. Ф. 704. К. 25. Ед. хр. 40. Л. 58]. А переписка с новым секретарем, долго и настойчиво требовавшим у предшественника несданные им дела [16. 1907. Кн. 3. С. 59–66], похоже, надолго отбила у Бодянского всякое желание иметь дело с бывшими соратниками. В конце концов члены Общества примирились с тем, что у их бывшего руководителя останутся материалы, которые он анонсировал в своих «Чтениях». Это были, в основном, его излюбленные памятники древней церковнославянской письменности и малороссийской истории. Правда, сам Бодянский не слишком верил в то, что эти его запасы скоро увидят свет [18. С. 157–158; 16. 1907. Кн. 3. С. 63–64].

Действительно, вновь занять кафедру славянских наречий в Московском университете у него получилось намного быстрее, чем вернуть утраченные позиции в ОИДР: отношения между Бодянским и Обществом прерываются почти на восемь лет. Однако его активная роль в событиях начала 1857 г. показывает, что все это время надежды завершить начатое в 1840-е годы не покидали бывшего секретаря. Эти надежды ожили после скандальной истории, в которой на этот раз оказались замешаны его недруги. В середине января 1857 г. в заседании совета Московского художественного общества в доме у Черткова состоялась драка между С.П. Шевыревым и В.А. Бобринским. Инцидент вызвал широкую огласку, и один из слухов, навеянных первым же после скандала заседанием в Обществе 25 января, особенно заинтересовал Бодянского. В приписке к письму Ундольскому через четыре дня он спрашивал: «Правда ли, что Чертков отказывается?» [15. Ф. 704. К. 25. Ед. хр. 41. Л. 31], очевидно, имея в виду председательство того в ОИДР. Высылка угрожала теперь участникам драки, а выговор – Черткову [8. Т. 15. С. 321–327; 23. С. 184]. Отставка председателя, как и в случае девятилетней давности со Строгановым, стала средством избавления от дискредитации Общества в целом.

Беляев и его немногочисленные сторонники были застигнуты всеми этими новостями врасплох. Накануне мартовского заседания, которое должно было решить вопрос о новом председателе, Снегирев направил письмо секретарю ОИДР, где предлагал в качестве кандидата на этот пост М.А. Оболенского, а в случае его отказа – попечителя Московского учебного округа Е.П. Ковалевского [13. Т. 2. С. 74]. Но все эти усилия были напрасны. Бодянскому, действовавшему куда более оперативно, удалось к этому времени мобилизовать силы «строгановской партии». Благодаря его стараниям, результаты выборов пред-

седателя, состоявшихся 29 марта, были предрешены: представительная депутация членов Общества отправилась к Строганову просить его о возвращении на почетный пост. Тот согласился при условии возобновления «Чтений», редактором которых он не желал видеть никого, кроме своего прежнего секретаря. Последний не возражал [24. С. 426; 16. 1858. Кн. 1. С. 140–141, 143], и хотя Беляев продержался на посту секретаря до конца года, все нити управления ОИДР с конца марта 1857 г. уже безраздельно сосредоточились в руках Строганова и Бодянского. Еще не приступив к исполнению секретарских обязанностей, славист почти не сдерживал ликования по поводу происшедших перемен в Обществе в письме к Шафартику от 25 июня этого года: «Положено прекратить “Временник”, как временщик, и возобновить “Чтения”, издание коих опять поручено мне» [18. S.200].

Бодянский оставался в должности секретаря ОИДР до самой смерти, последовавшей 6 (18) сентября 1877 г. Однако, парадоксальным образом, эти двадцать лет оставили куда менее яркий след в истории Общества, чем неполные четыре года его первого секретарства. Заседания проходили далеко не так регулярно, как в середине 1840-х годов, и к тому же не отличались прежним многолюдством, больше напоминая по этому показателю времена Погодина и Беляева. Возобновленные «Чтения» выходили теперь не ежемесячно, а лишь четыре раза в год, отнюдь не искупая объемом изменившуюся периодичность. Больше всего Бодянский преуспел в возвращении старых долгов, – материалы, отложенные в долгий ящик после истории Флетчера, с десятилетним опозданием начали приходить к читателю. Но и это получалось не всегда: активнейший в 1840-е годы Ундольский успел окончательно охладеть ко многим из своих прежних замыслов [25. С. II]. А с воплощением новых – как, скажем, с публикацией каталога библиотеки Троице-Сергиевой лавры – не лучше обстояло дело и у самого секретаря. Заявленное в 1861 г. намерение сделать это спустя шесть лет все еще ждало осуществления [15. Ф. 203. Кн. 18. Л. 144–144об.].

Некоторые причины подобной нерасторопности действий Бодянского лежат на поверхности. Это, прежде всего, недуги, преследовавшие уже немолодого секретаря, безусловно, усугубленные психологической травмой, которую вызвала его вынужденная отставка в конце 1848 г. [21. С. 513]. Сыграл свою роль и переезд С.Г. Строганова из Москвы в Петербург в 1859 г., где его внимание от ОИДР отвлекала Археологическая комиссия, в которой он председательствовал. И хотя удалившийся глава Общества продолжал оказывать секретарю посильную помощь (например, содействовал отмене внешней цензуры над изданиями ОИДР в 1862 г.) [15. Ф. 203. Кн. 16. Л. 142, 145–145об.], в решении повседневных вопросов Бодянскому приходилось довольствоваться формальным участием вице-президента, функции которого неизменно теперь выполнял попечитель Московского ученого округа. Вряд ли такую замену можно было назвать полноценной. Фактически единоличная власть, принадлежавшая с этого времени секретарю, явно не пошла на пользу ни ему, ни Обществу [26. С. 75–76].

И все же главная проблема, так и оставшаяся неразрешимой на всем протяжении второго секретарства Бодянского, думается, заключалась в другом: ОИДР теперь, в отличие от 1840-х годов, должно было считаться с конкуренцией, порождаемой появившимися с тех пор новыми учеными обществами. Эпоха «великих реформ» предлагала ученым такие организационные возможности, которые были немыслимы в николаевские времена, когда руководимое Бодянским Общество пользовалось, можно сказать, всеми преимуществами

монополии. Оставшиеся на уровне 1837 г. финансовые ресурсы ОИДР не позволяли ему в 1860-е годы на равных соперничать ни с Русским географическим обществом, сулившим своим членам-историкам участие в увлекательных этнографических экспедициях [27. С. 194–206], ни с Московским археологическим обществом, затеявшим проведение всероссийских археологических съездов [26. С. 56–72], ни с Обществом любителей естествознания, антропологии и этнографии, которое организовало к Славянскому съезду 1867 г. этнографическую выставку [28. С. 111–131], превратившуюся впоследствии в музей.

От всех этих новых начинаний Бодянский предпочитал держаться в стороне [15. Ф. 203. Кн. 18. Л. 76; 29. № 139], что не добавляло веса репутации ОИДР. Заманчивая в николаевскую эпоху перспектива получения авторского гонорара в виде оттисков собственного сочинения не очень прельщала исследователей в условиях стремительно развивавшегося в пореформенное время книжного и журнального рынка. В глазах нового поколения многие принципы издательской политики «Чтений», как, впрочем, и взгляды самого их редактора, порой выглядели как анахронизм [16. 1866. Кн. 4. С. 259–260]. Поэтому в числе участников изданий Общества, равно как и среди посетителей его собраний в 1860 – начале 1870-х годов, трудно встретить ученых, с чьими именами связывались успехи исторического и филологического знания той поры.

Без притока свежих сил ОИДР мало-помалу вырождалось в частное предприятие Бодянского. В результате, когда очередное публицистическое произведение на страницах «Чтений» – «Трилогия на Трилогию» А.А. Майкова, отстаивавшая университетскую автономию [1. С. 76–77], – вызвало гнев властей и отставку, на этот раз окончательную, Строганова, это событие и последовавшая череда выборов нового председателя не вызвали у общественности ни сочувствия, ни даже интереса. В последние годы секретарства ученого-слависта жизнь в ОИДР была почти полностью парализована, и его преемникам потребовалось немало времени и сил, для того чтобы хотя бы отчасти вернуть Обществу его былой авторитет [26. С. 74–78; 30. С. 258–259].

Трудно представить себе в эти годы повторение той давней оценки, которую принесли Бодянскому его первые самостоятельные шаги в ОИДР – «секретарь антикварского сословия». И дело здесь не только в том, что младшим современникам Бодянского спустя три года после его смерти, вместо понятного всем в 1840-е годы слова «антикварий», приходилось изобретать новый, но не более удачный термин «палеолог» [10. С. 630–631]. Само историографическое пространство пореформенной России, в котором предстояло заново искать свое место Бодянскому, разительно отличалось от привычного для него порядка вещей, что наложило тяжелый отпечаток на всю его позднейшую деятельность в качестве секретаря ученого общества. Однако те, кто в 1860–1870-е годы в действиях Бодянского был склонен замечать лишь недостатки, обусловленные отжившими свой век представлениями, вероятно, просто не пытались за яркими достижениями более удачливых конкурентов ОИДР различить принципы, впервые в России примененные при выстраивании работы ученого общества ученым-славистом еще в николаевскую эпоху.

Сочетание приверженности любительскому началу в науке с регулярностью занятий, опоры на поддержку просвещенного аристократа с применением баллотировки при решении спорных вопросов, наконец, периодическое издание как средоточие разнонаправленных исследовательских усилий – все эти приметы ОИДР периода его расцвета без труда обнаруживаются в практике многих научных объединений первых пореформенных десятилетий. Столь длительная жизнеспособность этих составляющих формулы развития ученого

общества в российских условиях, выработанной «секретарем антикварского сословия» в 1840-е годы, составляет его немалую, хотя и недооцененную заслугу перед отечественной наукой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Лаптева Л.П.* Славяноведение в Московском университете в XIX – начале XX в. М., 1997.
2. *Белокуров С.А.* «Дело Флетчера». 1848–1864 гг. М., 1910.
3. *Ишутин В.В.* Славянская проблематика в научных заседаниях ОИДР при Московском университете в первой половине XIX в. (1804–1848) // *Историографические исследования по славяноведению и балканистике.* М., 1984.
4. *Чирскова И.М.* «Чтения в ОИДР»: история и цензура (60–70-е годы XIX в.) // *Вспомогательные исторические дисциплины: Высшая школа, исследовательская деятельность, общественные организации: Тезисы докладов и сообщений научной конференции.* М., 27–29 января 1994. М., 1994.
5. *Петров Ф.А.* Формирование системы университетского образования в России. М., 2003.
6. Устав ОИДР с переменами и прибавлениями, одобренными министром народного просвещения 1816 г., марта 13 дня. [М., 1823].
7. *Русский исторический сборник.* М., 1837–1844.
8. *Барсуков Н.П.* Жизнь и труды М.П. Погодина. СПб., 1888–1910. Т. 1–22.
9. Протоколы заседаний Общества с 1840 по 1844 г. [М.], б.г.
10. *Барсуков Н.П.* Русские палеологи сороковых годов // *Древняя и новая Россия.* 1880. Т. 16.
11. Государственный исторический музей. Отдел письменных источников.
12. *Барсуков Н.П.* Жизнь и труды П.М. Строева. СПб., 1878.
13. *Снегирев И.М.* Дневник. М., 1904–1905. Т. 1–2.
14. *Забелин И.Е.* Дневники. Записные книжки. М., 2001.
15. Российская государственная библиотека. Отдел рукописей.
16. Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете. М., 1846–1848, 1858–1918.
17. *Levine Ph.* The Amateur and the Professional: antiquarians, historians and archeologists in Victorian England, 1838–1886. Cambridge, London, New York etc, 1986.
18. Korespondence Pavla Josefa Šafařka. Vydal V.A. Francevi. I. *Vzájemné dopisy P.J. Šafařka a ruskými učenci (1825–1861).* Praha, 1927. Č. I.
19. Российский государственный архив древних актов.
20. Временник Общества истории и древностей российских при Московском университете. М., 1849.
21. *Кочубинский А.А. О.М. Бодянский* в его дневнике // *Исторический вестник.* 1887. № 12.
22. *Буслаев Ф.И.* Мои воспоминания. М., 1897.
23. «Тайники чужой души». Дневник П.И. Бартенева. 1854–1858 гг. // *Исторический архив.* 2000. № 4.
24. *Попруженко М.Г.* Дневник О.М. Бодянского // *Исторический вестник.* 1913. № 8.
25. *Бодянский О.М.* Предисловие к Описанию славянских рукописей Московской патриаршей библиотеки // Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1867. Кн. 2.
26. *Чесноков В.И.* Правительственная политика и историческая наука России 60–70-х гг. XIX в. Воронеж, 1989.
27. *Боярченков В.В.* Историки-федералисты: Концепция местной истории в русской мысли 20–70-х гг. XIX в. СПб., 2005.
28. *Найт Н.* Империя напоказ: Всероссийская этнографическая выставка 1867 г. // *Новое литературное обозрение.* 2001. № 51.
29. К.Д.Н. Из Москвы // *Голос.* 1867.
30. *Демидов И.А., Ишутин В.В.* Общество истории и древностей российских при Московском университете // *История и историки.* 1975. М., 1978.



Памяць стагоддзяў на карце Айчыны. Зборнік навуковых прац у гонар 70-годдзя Міхаіла Фёдаравіча Спірыдонова. Мінск, 2007. 434 с. Память веков на карте Родины. Сборник научных статей к 70-летию Михаила Федоровича Спиридонова

Сборник статей, посвященных Михаилу Федоровичу Спиридонову в честь его 70-летия, примечательное явление – и не только в масштабах Белоруссии.

Прежде всего, как гласит титул, сборник посвящен различным проблемам исторической географии. Как правило, именно эта дисциплина традиционно остается самой слаборазрабатываемой среди специальных исторических дисциплин. Она, подобно нумизматике, требует от исследователя многолетнего и кропотливого, изнурительного и вдумчивого труда. Кроме того, далеко не всегда обстоятельства благоприятствуют тем мужественным людям, которые посвящают свою жизнь ее изучению: слишком тесно историческая география оказывается связанной с болезненными для национального самосознания политическими проблемами границ и владений различными землями. Тот факт, что в Белоруссии нашлось много ученых, по преимуществу молодых, морально и профессионально подготовленных к занятиям этой специальной дисциплиной, свидетельствует о несомненной зрелости исторической науки в этой стране в целом. Отрадно, что в сборнике, как представляется, нет ангажированной политической подоплеки, все авторы остаются на научной почве, не пытаясь сделать карьеру на соседней, не всегда чистой, территории политики.

В этом заслуга не только и не столько составителей сборника (Р.А. Олехнович, А.И. Груши и А.Б. Довнара) и его редакционной коллегии (ответственный редактор А.А. Коваленя, а также Ю.Н. Бохан, В.И. Новицкий, А.А. Скепьян), сколько самого юбиляра. Человек поистине трагической судьбы (раннее полное сиротство, потеря правой руки от детской шалости в послевоенные годы), фантастического упорства и преданности науке, неслышимой порядочности и искренности (я бы сравнила его с такими столпами белорусской и российской науки, как Н.Н. Улащик, М.А. Рахматуллин), он принадлежит к тем лучшим представителям советской интеллигенции или интеллигенции советского периода, пронесшим через всю жизнь верность заветам – хотите назовите их христианскими, хотите назовите скромнее – нравственной чистоты, бескорыстия, трудолюбия и независимости. Это те самые люди, в которых великий русский философ Г.П. Федотов видел надежду на спасение того огромного культурного мира, которое он называл Россией.

Выпускник Московского государственного университета поры его послевоенного расцвета в период начинавшейся «оттепели» он вернулся в родную Белоруссию носителем высокого профессионализма, вооруженным методиками современного исследования и с прочной

прививкой «интернационализма», не дававшей оснований скатиться к таким мелким «измам», как национализм или ксенофобия. Его любовь к родине и родному сословию, морали которого он оставался верен, нашли выход в занятиях историей белорусского крестьянства и исторической географией. К счастью, условия Белоруссии 60–80-х годов XX в. благоприятствовали этому. История крестьянства (за исключением периода коллективизации) была одним из стовых хребтов советской науки, а незаживающая рана от военных потерь страны (и – добавим – потребности идеологической борьбы с белорусским национализмом – бельмом в глазу советологов, в особенности в контексте с трудами Е. Туронека, посвященными Отечественной войне...) привела к изданию в 80-х годах XX в. историко-географических сборников «Память», авторы которых, не ограничиваясь памятью о погибших в Отечественную войну, воссоздавали прошлое различных населенных пунктов. Эти сборники формировали высокое уважение к предкам, поддерживали живой интерес к истории у самых широких кругов читателей. Об уровне очерков М.Ф. Спиридонова свидетельствует, как показал В.С. Менжинский (с. 389–396), широкое использование автором не только опубликованных материалов Литовской метрики, но и архивных документов из РГАДА. Равным образом это относится и к географическому комментарию М.Ф. Спиридонова к переписи войска Великого княжества Литовского 1528 г., изданной А.И. Грушей в 2003 г. А о карте Белоруссии XVI в., составленной юбилеем, и говорить не приходится. Она принадлежит к лучшим современным картам Восточной Европы и давно стала классической.

Еще будучи школьным преподавателем истории, Михаил Федорович начал собирать материал по истории закрепощения крестьянства в первой половине XVI в., ставшей темой его кандидатской диссертации под руководством акад. Литовской АН Ю. Юргиниса. А с начала 1970-х годов стал участвовать в регулярно собиравшихся тогда общесоюзных аграрных симпозиумах и активно сотрудничать с Белорусской советской энцикло-

педией не только по указанным выше темам, но и по историографии, вводя в широкий оборот знания об историках Белоруссии, в том числе и репрессированных (таких как М.К. Любавский) или просто не бывших в чести у советской власти (как М.В. Довнар-Запольский) (сведения об этом читатель найдет в списке трудов М.Ф. Спиридонова, дополненном А.Б. Довнаром и В.Н. Темушевым) (с. 397–429). Стоит указать и вклад М.Ф. Спиридонова в двухтомное энциклопедическое издание «Великое княжество Литовское» (2005–2007). Все это подробно освещено в обстоятельной и тепло написанной вступительной статье Г.Я. Голенченко и Л.С. Ивановой «Историк – это характер» (с. 5–12). Хотелось бы особо подчеркнуть стойкость М.Ф. Спиридонова в отстаивании научных норм. Он резко и бескомпромиссно выступал против фантазий Н.И. Ермоловича, воспринимавшихся как политизированно ориентированные, что отнюдь не прибавляло сил для собственных историко-географических занятий, однако было чрезвычайно важно для создания благоприятного климата для науки в целом.

Именно в этом климате научности и порядочности выросло новое поколение белорусских историков, таких как В.Н. Темушев, представивший в рецензируемом сборнике фундаментально исследованную историю формирования территории Гомельской волости ВКЛ до начала XVI в., А.А. Радоман, выяснивший границы Новгородского и Пинского поветов ВКЛ во второй половине XVI в., – непосредственных продолжателей М.Ф. Спиридонова на ниве исторической географии.

Однако и старая гвардия оказалась не чужда этим проблемам. Г.Я. Голенченко, в продолжение исканий Г.Н. Сагановича и А.В. Белого о смысле выражения «Белая Русь», опубликовал комментированную сводку сведений об этом хорониме, четко разграничив в нем конфессиональный, политико-географический, этнографический подтекст. Признавая, что в ранних документах хороним «Белая Русь» относится по преимуществу к территории будущей Белоруссии, Г.Я. Голенченко отмечает, что таким же обра-

зом характеризуются и земли Восточной Европы, включавшей Московское княжество (после 1478 г. Княжество всея Руси, после 1547 г. – Российское царство). Можно согласиться с автором, что пришла пора создания полного реестра подобных упоминаний. Между прочим, это же касается и пресловутой «Московии», отнюдь не бывшей самоназванием самого восточного европейского государства. К сожалению, сборник по этнополитической и географической терминологии Восточной Европы, подготовленный в Институте славяноведения РАН уже пять лет тому назад, все не вышел в свет.

К группе историко-географических статей можно отнести и статью московского исследователя А.В. Кузьмина о странствиях евангелия-апракос (Рум. 108), написанного, как показал автор, между 29 июня 1440 и 24 июня 1447 г. (или около этого, поскольку вести о коронации Казимира Ягеллончика не могли дойти до писца рукописи в Полоцкой земле, подобно интернетовским, в тот же день), а затем перенесенного в церковь св. Спаса, возможно, подальше от литовско-русской границы. В поисках пунктов перемещения рукописи автор подробно рассматривает сведения о Спасской и Ильинских церквях в пределах белорусских земель.

Особая группа статей посвящена проблемам социальной организации – сельской общине во владениях Виленского католического епископства Брашевичах и соседних с ним селениях, сохранявшей не только права самоуправления, но и права распоряжения землей (В.Ф. Голубев); эволюцию крестьян-слуг, в том числе и панцырных, и селян-чиншевиков на протяжении второй половины XVI–XVII в. исследовал А.Б. Довнар. Известный российский историк А.В. Шеков на основе письменных и археологических источников выдвинул идею о высоком уровне развития личного княжеского землевладения в Черниговском княжестве XII – первой трети XIII в. В статье А.В. Мацука читатель найдет полную драматических подробностей картину борьбы при Августе III двух магнатских кланов Радзивиллов и Сапег в 1739 г., в ходе которой началось возвышение

Чарторыйских. С этим родом отчасти связана и история поселения Столовичи в Новгородокском повете Великого княжества Литовского. В.С. Поздняков, давно исследующий историю Мальтийского ордена и его владений на территории нынешней Белоруссии, в сборнике представил сложную и запутанную смену владельцев Столовичей, волею кн. Н.К. Радзивила Сиротки в 1610 г. превратившихся в командорию ордена. Время основания этого поселения неизвестно. Его письменная история начинается в середине XV в., когда Казимир Ягеллон подтверждал права луцкого старосты Немиры Рязановича (1445–1452) на тех же основах, как было при Витовте и «как ныне держит Немир». Бездетный сын последнего Война, в крещении Яков, завещал Столовичи жене, которая, пережив и второго мужа кн. Семена Васильевича Збаражского, оставила их дочке. И далее переход происходил по женской линии. Правнучка Немира Татьяна, став женой знаменитого кн. К.И. Острожского, принесла ему в приданое и Столовичи. Спокойный переход владения из рук в руки прекратился в начале XVI в., когда на него стал претендовать кн. Ф.М. Чарторыйский, племянник Войны, сын родной сестры последнего Марии. По суду 1533 г., на который Илья Константинович Острожский не явился, Столовичи с тремя селами и «татарами калдычейскими» перешли в род Чарторыйских, где и оставались несмотря на судебное разбирательство 1546 г., которое проигнорировала кн. Беата Острожская. Среди наследников в роде Чарторыйских стоит упомянуть внука последнего сербского деспота Яна Стефановича Бранковича (ум. 1503 г.) Александра, и правнука Михаила, при котором Столовичи превратились в центр волости. М.А. Чарторыйский в начале 70-х годов XVI в. завещал волость слуге М.С. Калдычейскому, а в 1585 г. кн. Софья, выкупив у новых владельцев, вернула родовое имение Чарторыйских, стоившее уже не 10, а 20 тыс. злотых и включавшее более восьми сел, двор и фольварк, но не смогла удержать надолго и отдала в заставу (в заклад) пану М. Казинскому, который в 1595 г. в свою очередь заложил его Н.К. Радзиви-

лу Сиротке. Однако даже основание коммандории не привело к стабильности владельцев и хозяйствования на этой земле. Правда, в более позднее время заставу сменила аренда, которой домогались держатели корчем и мельниц. История Столовичей – вероятно, типичный пример смены хозяйственных стилей крупных землевладельческих родов, освоения и заселения земель – и не только славянским населением, но и татарским и еврейским. Отрадно, что в сборнике историко-географического характера исследуется и прошлое владельцев села, превратившегося в центр волости. Хотелось бы надеяться, что в будущей монографии найдется место и для генеалогических таблиц о брачных связях и переплетениях родов и хотя бы беглой характеристики природных условий.

Выделяются еще две тематические группы статей. Историографическая представлена публикацией автором рецензии предложений И.А. Голубцова 1968 г. по составлению исторического атласа России до 1917 г., до сих пор не увидевшего свет (благодаря чему Россия остается единственной европейской страной, до сих пор лишенной подобного научного атласа), и обзором О.И. Дзярновича немецкой историографии о создании Великого княжества Литовского. В этой последней привлекает высокая оценка работ А.Л. Шлецера, постоянно замалчиваемого советской и постсоветской российской историографией, а также внимание к работам М. Хелльмана и его полемике с В.Т. Пашуто, разбор работы Р. Линднера. Вывод же О.И. Дзярновича, сделанный на основе анализа немецких работ, о бесперспективности поисков причин создания ВКЛ в сфере внешних сношений, можно было бы поддержать, если бы этот вывод не дополнялся другим – о бесперспективности вообще этого занятия (с. 197–198).

К этой же группе можно отнести и обзор В.М. Свежинским истории публикации средневековых мемуаров о Белоруссии, в котором автор критично и справедливо оценил эдичионную практику двух минувших столетий, в том числе и польскую (неточности воспроизведения текстов, их издание в переводах, не все-

гда адекватных оригиналу и т.д.), дополнив тем самым классические работы по источниковедению Белоруссии Н.Н. Улащика. Пожалуй, было бы полезно издать этот опус в расширенном виде отдельной книжкой. Непосредственное отношение к методике публикации и, как ни странно, исторической географии, имеет и статья Ю.В. Нестеровича о терминах, коррелятивных иным – «графика», «текст», «письмо». Она тесно связана и с наблюдениями А.И. Груши относительно формирования письменной культуры, соответствовавшей новой землевладельческой системе, закрепляемой различного рода пожалованиями – листами на землю и населявших ее людей, когда произошла смена культур – место устной, пережитки которой встречались вплоть до первой четверти XVI в., заняла письменная, более соответствовавшая новым формам землевладения – место отчины заняла выслуга.

Несколько особняком стоят статьи по истории церкви в ВКЛ, в том числе Белоруссии, и нумизматике. Г.М. Брегер дополнил список ранее известных кальвинистских храмов еще пятью XVI–XVII вв. – в Минском и Ошмянском поветах и дал характеристику их фундаторов, а Л.С. Иванова – сделала общий обзор истории 96-ти храмов и с помощью В.Н. Темушева положила эти сведения на карту.

Наконец, следует упомянуть статью Ш.И. Бектинева, давно и плодотворно изучающего историю денежных систем, употреблявшихся в Белоруссии. На этот раз в сферу его внимания попали памятники смоленского права. За основу периодизации денежного обращения в этом регионе автор взял схему В.М. Потина. Бектинева несомненно прав, утверждая, что наиболее прочные торговые связи Смоленск в XII–XIV вв. поддерживал с землями ВКЛ. Однако в денежной системе Смоленска XI – начала XII в. заметно влияние не только киевской денежно-весовой системы, но и «северной» – новгородской. Анализируя термины, использовавшиеся в смоленско-рижском договоре 1229 г., автор утверждает, что самой крупной денежной единицей была смоленская гривна серебра, вес которой, в отличие от В.Л. Янина, он определяет не

в 163.7 г, а в 192.96 г, а форму – не шестиугольной, но палочкообразной, как и новгородская. Что же касается смоленской гривны кун или пенязей, то Ш.И. Бектинеев возводит ее к любекскому пфеннигу и считает, что в так называемый безмонетный период – в 20–80-е годы XII–XIII вв. – на данной территории имели хождение иностранные монеты. Таким образом, в споре И.Г. Спасского и В.М. Потина об использовании иностранных монет во внутреннем обращении – применительно к Смоленску – Бектинеев занял сторону второго. Свое исследование Ш.И. Бектинеев сопроводил топонимическим указателем, показывающим на современной карте более точно, нежели исследования Л.В. Алексеева и А.А. Зимина, пределы Смоленского княжества XII–XIII вв. Меньше повезло иностранным топонимам договорных грамот: Жат – это Зоест, Травна – гавань г. Любека.

Перед заключением полагается указывать недостатки. Рецензентке не хватило фотографии семьи Михаила Федоровича и Елены Федоровны, в особенности на фоне трогательной семейной фотографии с родителями, очевидно

1939 г. Не указано, какая карта использована при оформлении – весьма удачном – обложки. Нет данных об авторах. Однако не считая этих «мух», можно сказать, что сборник сделан по-белорусски добротно, почти без опечаток. Замечены только «глазные»: вместо Przedruk оказалось Hrzedruk (с. 432) (при нынешнем обычном отсутствии корректора).

В целом сборник показывает огромные возможности исторической географии для изучения самых разных сторон политической, экономической, социальной, духовной истории общества. Авторы свободно ориентируются не только в разноязычной историографии своих тем (огорчительно, что не все российские издания доходят до Белоруссии (так, очевидно нет «Правды Русской» А.А. Зимина)), но и в таких же источниках, происходящих не только из белорусских, но и российских и польских библиотек и – что следует подчеркнуть особо – архивов, являясь тем самым примером для всех своих соседей.

© 2009 г. А.Л. Хорошкевич

Славяноведение, № 2

О.В. ХАВАНОВА. Заслуги отцов и таланты сыновей. Венгерские дворяне в учебных заведениях монархии Габсбургов, 1746–1784. СПб., 2006. 439 с.

Монография О.В. Хавановой посвящена проблеме, представляющей несомненный интерес в контексте изучения тех сложных взаимоотношений между Веной как центром империи Габсбургов и Венгрией, от состояния которых уже к середине XVIII в. во многом зависели не только могущество и процветание Дунайской монархии, но и само ее существование в ряду великих европейских держав. Реформы системы образования (прежде всего ее элитных звеньев) стали в эпоху правления Марии Терезии и осо-

бенно в десятилетие пребывания у власти ее сына, коронованного реформатора Иосифа II (1780–1790), неотъемлемой и существенной составной частью внутренней политики венского двора, направленной на модернизацию многонациональной империи. В свою очередь успех этой политики был невозможен без использования в интересах имперского центра мощного и разностороннего (в том числе и культурного) потенциала венгерского дворянства, обладавшего собственной традицией государственного строитель-

ства и верно своим патриотическим ценностям, восходящим корнями к раннему Средневековью. Задачи модернизации стали актуальны именно в первой половине XVIII в., ведь расширение империи вследствие победоносных походов Евгения Савойского и вытеснения оттоман за пределы Средней Европы означало включение в рамки Габсбургской монархии большого конгломерата восточных и юго-восточных земель, которые предстояло каким-то образом интегрировать в целостное имперское пространство. Последнее предполагало наличие не только централизованного механизма управления, но и грамотной (и что важно, преданной Габсбургам) бюрократии, которая независимо от национальных корней ее отдельных представителей была бы способна выполнить свою имперскую миссию. Кузницей такой бюрократии становятся едва ли не в первую очередь дворянские академии, о которых О.В. Хаванова повествует с большим знанием дела, опираясь на многочисленные документы венгерских, австрийских, словацких, румынских (трансильванских) архивов, зачастую впервые введенные в научный оборот. Ее работы по этой теме (включая многочисленные статьи в венгерских и австрийских исторических журналах) вызвали серьезный отклик коллег-профессионалов в Венгрии, Австрии и других странах-наследницах Дунайской монархии.

Но изучение одного из важнейших аспектов внутренней политики Габсбургов – лишь одна из задач монографии О.В. Хавановой, успешно решенных автором. Не менее интересна эта работа выявлением взаимозависимости между системой образования и социальными процессами в венгерском обществе, особенно тем, что в социологии называют «повышением социальной мобильности». По мере усложнения бюрократической машины в монархии Габсбургов венгерское дворянское общество постепенно осознает, что для достижения высокого социального статуса (а чем далее, тем более всего лишь только для закрепления за новыми поколениями того статуса, которым обладали отцы) уже недостаточно родовой принадлежности к сословиям. Чтобы

быть востребованным на государственной службе, надо было подкрепить свою родовитость (заслуги предков) определенным уровнем образованности и профессиональными умениями в какой-либо сфере деятельности – военной и гражданской. В работе О.В. Хавановой речь идет не только и не столько об объективных социальных процессах, повышении мобильности и т.д., сколько об отражении их в головах людей, о различиях систем ценностных ориентаций разных поколений венгерского дворянства, о меняющемся месте образования, знаний в ряду тех ценностей, которые составляли основу духовного мира венгерских дворян. Существенный аспект работы О.В. Хавановой – анализ ментальных различий поколений на примере отцов и детей из нескольких десятков знатных и не очень знатных венгерских (в том числе происходивших из Трансильвании) дворянских фамилий. И все это на фоне общеевропейской циркуляции идей, на фоне эпохи Просвещения, которая оставила яркий след в рассматриваемый период в общественной мысли, культуре, литературе, наконец в политической практике разноязычной монархии Габсбургов. Монополия церкви в школьной системе именно в эти десятилетия подрывается, формирующаяся в Австрийской империи система элитного дворянского образования носит отчетливо выраженный светский характер. Происходило встречное движение просвещенного абсолютизма и дворянских сословий. Первый стремился к рационализации управления многонациональной державой и нуждался, как уже говорилось, в соответствующих кадрах. В свою очередь молодые, способные выходцы из сословий устремлялись в дворянские академии, чтобы через приобретение к современному, передовому юридическому, философскому, техническому, естественнонаучному знанию повысить свой социальный статус. Работа О.В. Хавановой ценна как раз показом и конкретно-историческим анализом существовавшего в те десятилетия способа согласования интересов абсолютизма и дворянских сословий. Так, при Марии Терезии механизм распределения стипендий становится

ся средством, позволявшим центру влиять на формирование новой политической элиты, в которой заметно усиливается венгерское представительство. Богатая конкретным материалом, глубоко осмысленным, рецензируемая монография постановкой основных проблем соответствует принципам современной венгерской исторической науки, продолжающей и развивающей при изучении XVIII в. традиции, сложившиеся благодаря выдающимся ученым, таким как Д. Кошари, К. Бенда, педагог О.В. Хава-

новой Э. Балаж, если назвать только тех, кто творил в последние десятилетия.

История элитных школ показана через биографии отдельных представителей дворянской элиты, что оживляет изложение яркими образами выдающихся исторических личностей эпохи. Это делает книгу интересной не только для узкого круга специалистов по монархии Габсбургов в XVIII в., но и для более широкой, исторически образованной, читающей публики.

© 2009 г. А.С. Стыкалин

Славяноведение, № 2

А.С. ЛЕВЧЕНКОВ. Последний бой чешского льва. Политическая борьба в Чехии в первой четверти XVII века. СПб., 2007. 318 с.

Монография историка-слависта А.С. Левченкова посвящена одному из важных эпизодов послегуситской истории Чехии – восстанию чешских протестантских сословий 1618–1620 гг. против власти австрийских Габсбургов, переросшему в Тридцатилетнюю войну, которая вошла в историю, по справедливому замечанию автора, «как самый кровавый вооруженный конфликт XVII в.» (с. 9). Книга состоит из предисловия, написанного авторитетным отечественным славистом, профессором МГУ Л.П. Лаптевой, вступления, трех глав и заключения. Монография также снабжена списком использованных источников и литературы, примечаниями и иллюстрациями. В работе использованы широкий круг источников и современная литература по исследованной автором проблеме.

Первая глава монографии посвящена взаимоотношениям чешских протестантских сословий с Габсбургами в конце XVI – начале XVII в. в условиях общеевропейского политического и религиозного кризиса того времени, а также предыстории конфликта чешских сословий и Габсбургов. Автор основательно рассмотрел отношения чешских сословий с королевской властью в предгуситский период (в правление Иоганна Люксембургского

(1310–1346) и особенно его сына императора и короля Карла IV (1346–1378), гуситское время (в правление сыновей Карла IV Вацлава IV (1378–1419) и Сигизмунда Люксембургского (1419–1421, 1436–1437) и «гуситского короля» Иржи из Подебрад (1458–1471)) и послегуситский период (в правление династии Ягеллонов (1471–1526)). Автор также уделил внимание проблеме смены династий на чешском престоле после пресечения национальной династии Пржемысловцев, подчеркнув, что за исключением Иржи из Подебрад, на чешский престол после этого приглашались представители династий иностранного происхождения (Люксембурги, Ягеллоны и т.д.), что способствовало «укреплению политической и экономической независимости крупной шляхты и развитию на этой основе сословно-представительной монархии» (с. 12). Исследователь справедливо отметил, что именно в правление Владислава II Ягеллона «были в целом оформлены основы разграничения прав королевской власти и чешской сословной общины, с определенными изменениями действующие до конца XVII в.» (с. 18). Кроме того, автор скрупулезно рассмотрел процесс формирования Чешского королевства в форме конфедерации «земель чешской коро-

ны» (Чехии, Моравии, Силезии, Вержней и Нижней Лужиц) при Люксембургах, Иржи из Подебрад и Ягеллонах, и создания гуситских конфессий в Чехии (утраквистских церквей), а также коротко остановился на взаимоотношениях Чехии, католической церкви (прежде всего папства) и «Священной Римской империи» при Карле IV и его сыновьях.

Далее автор детально рассмотрел взаимоотношения чешских сословий и королевской власти при императорах и королях Фердинанде I (1526–1564) и Максимилиане II (1564–1576) Габсбургах. К середине 70-х годов XVI в., т.е. к моменту смерти Максимилиана II, эти взаимоотношения являлись лишь временным компромиссом, который сохранялся благодаря отсутствию в чешском обществе сплоченной оппозиции. Важную роль в его достижении, по справедливому замечанию автора, сыграли «в целом реалистичная и при этом при необходимости решительная политика австрийской династии, использующей слабости сословного общества, а также личный авторитет Фердинанда I и Максимилиана II как гарантов мирного сосуществования католиков и протестантов в империи» (с. 53).

Затем А.С. Левченков проанализировал проблему формирования оппозиции чешских протестантских сословий власти австрийских Габсбургов в правление сына Максимилиана II Рудольфа II (1576–1611, в империи правил до 1612). Вступив на престол, Рудольф II начал политику рекатолизации послегуситской Чехии. Во главе чешских утраквистов император и король поставил Фабиана Резека Страконницкого, который «выразил стремление вернуть чехов в лоно Католической церкви», что вызвало серьезную озабоченность чешских протестантов. Кроме того, это назначение было нарушением традиции, согласно которой «во главе консистории могли стоять только люди, лояльные протестантизму» (с. 59). Далее автор подробно остановился на мерах по ограничению прав чешских протестантов, предпринятых Рудольфом II под давлением Мадрида и папства (в частности, в 1602 г. им были обновлены мандаты Владислава II против еретиков, т.е. Общины чешских бра-

тьев, произведены кадровые перестановки в ключевых органах власти чешских земель и т.д.). Кроме того, А.С. Левченков детально проанализировал события, связанные с династическим кризисом в австрийской ветви Габсбургов (борьбой за престол Рудольфа II со своим братом эрцгерцогом Матиасом, приведшей к полному отстранению императора от власти во всех подвластных ему землях) и созданием в Германии двух противостоящих военно-политических союзов немецких князей: Католической лиги и Протестантской унии.

В конце первой главы исследователь основательно рассмотрел внешнюю и внутреннюю политику императора и короля Матиаса (1611 – император – 1612–1619), брата и преемника Рудольфа II, и, в частности, проанализировал причины политического кризиса в Чехии, охватившего королевство накануне сословного восстания 1618–1620 гг. (в их числе было назначение фанатичного католика Фердинанда Штирийского наследником чешского престола при поддержке прогабсбургской католической партии чешских сословий, что существенно обострило отношения чешских протестантов и католиков) (с. 125).

Вторая глава монографии посвящена восстанию чешских протестантских сословий 1618–1620 гг. и началу Тридцатилетней войны. Автор подробно рассмотрел все основные события этого периода: пражскую дефенестрацию 23 мая 1618 г. (сравнив ее с гуситской дефенестрацией 30 июля 1419 г.), военные действия войск Габсбургов и протестантских сословий друг против друга, провозглашение чешским королем Фридриха V Пфальцкого вместо низложенного Фердинанда II, преемника Матиаса, и т.д. Автор изучил оказание помощи чешским протестантам со стороны стран, воевавших против Габсбургов в начавшейся Тридцатилетней войне (прежде всего, Нидерландов), в частности, справедливо отметив, что в конечном итоге традиционные противники Габсбургов Англия и Франция отказались поддержать восставших. Трансильванский князь Габор Бетлен, первоначально поддерживавший восставших, заключил мирное соглашение с Габсбур-

гами. Зато австрийским Габсбургам удалось привлечь на свою сторону короля Испании Филиппа III (из испанской ветви Габсбургов), Речь Посполитую, Католическую лигу во главе с герцогом Максимилианом Баварским и даже протестантскую Саксонию. Наконец, исследователь тщательно проанализировал причины поражения чешских протестантов в битве при Белой Горе 8 ноября 1620 г., приведшей к полной ликвидации автономии чешских земель в составе монархии Габсбургов.

Третья глава монографии посвящена восстановлению власти Габсбургов в чешских землях и участию чехов (как католиков, так и протестантов) в Тридцатилетней войне. Кроме того, автор впервые детально исследовал проблему чешской протестантской эмиграции в протестантских странах Европы после объявления католицизма единственной законной религиозной конфессией в Чехии (по распоряжению Фердинанда II). Исследователь тщательно рассмотрел все дальнейшие военные действия Тридцатилетней войны от поражения чешских протестантских сословий в битве при Белой Горе (ее следствием была казнь основных руководителей чешского восстания и полная конфискация имущества чешских протестантов в пользу католиков, кроме того, в чешских землях окончательно победила Контрреформация) до окончательного поражения императора и короля Фердинанда III (1637–1657), сына Фердинанда II, и его союзников в 1648 г., после чего был заключен Вестфальский мирный договор от 27 октября 1648 г. Как справедливо замечает автор, согласно этому договору «выиграли все противники австрийских Габсбургов, сражавшиеся против Вены...», включая и имперские княжества» (с. 296). Чешское королевство полностью вошло в состав наследственных земель Габсбургов, «лишившихся права выбора короля», и начало «превращаться в государство с абсолютной монархией» (с. 299).

В заключении автор изложил основные выводы своей работы, которые, с нашей точки зрения, выглядят вполне обоснованно.

Однако в рецензируемой работе имеется и ряд недостатков. Среди них нужно отметить отсутствие хотя бы краткого обзора историографии по данной проблеме (в краткой форме это сделала Л.П. Лаптева в предисловии). Автор ограничился лишь списком использованной литературы. Кроме того, в работе отсутствует именной указатель. Недостаточно четко, с нашей точки зрения, разграничена политика Габсбургов в империи и их наследственных землях, и не подчеркнута специфика их отношений с чешскими и венгерскими протестантскими сословиями (хотя бы в форме простого сравнения). Автор также не упомянул, что при Карле IV и его сыновьях в состав земель чешской короны входили Люксембург (до 1437 г.) и Бранденбург (до 1415 г.). Необходимо отметить и некоторые мелкие неточности, которые содержатся в монографии. Так, например, А.С. Левченко датировал вступление на чешский престол Иоганна Люксембургского 1314 г., а не 1310 г. (с. 12), смерть короля Англии и Шотландии Якова I 1525 г., а не 1625 г. (с. 282), присвоил императору «Священной Римской империи», чешскому и венгерскому королю Сигизмунду Люксембургскому порядковый номер IV (с. 14), хотя он был единственным чешским королем с таким именем, и упоминается в богемистической литературе вообще без номера, датировал пресечение династии Люксембургов 1436 г., а не 1437 г. (с. 14) и т.д.

Однако указанные недостатки не умаляют достоинств книги, и, в целом, она является ценным исследованием в отечественной историографии проблемы конфликта Габсбургов с чешскими протестантскими сословиями, переросшего в Тридцатилетнюю войну.

A. ZELENKOVÁ. *Slovenská prozódia a verzifikácia v rukopise Štefana Krčméryho (1935)*. Praha, 2006. 138 s.

А. ЗЕЛЕНКОВА. *Словацкая просодия и версификация в рукописи Штефана Крчмери (1935)*

Книга Анны Зеленковой – словацкой исследовательницы, работающей в Славянском институте (Прага), – не обычная монография. Это публикация ранее не известных документов, представляющих интерес для историков и теоретиков литературы. Документы сопровождаются тремя литературоведческими статьями под общим заглавием «Крчмери и словацкая теория стиха в чешско-словацком контексте межвоенного периода».

Штефан Крчмери (1892–1955) – по своему уникальная личность в истории словацкой культуры. Он проявил себя как поэт, прозаик, переводчик, литературовед, эстетик, публицист, редактор, издатель, организатор культурной жизни. А. Зеленкова видит в нем словацкую параллель известного чешского критика Ф.Кс. Шальды (s. 57). Крчмери был заметной фигурой послевоенной Словакии (в 1919–1932 гг.), занимая пост секретаря «Матицы Словацкой» и главного редактора влиятельного журнала «Slovenské pohľady». В 1930 г. он получил звание доктора в Карловом университете (Прага), представив работу «Вклад в историю поэтической школы Штуровой». Вскоре у Крчмери появляются признаки психического расстройства, в результате чего он вынужден оставить свои должности в Матице и журнале. К середине 1930-х годов его состояние ухудшается, однако он не прекращает литературоведческой работы. Его главным трудом стала книга «150 лет словацкой литературы» (1943), которая с добавлением еще двух работ по истории национальной литературы вышла в двух томах в 1976 г. В 1970-е годы были переизданы и его статьи по теории стиха, написанные главным образом в начале 1930-х годов и опубликованные в «Slovenské pohľady».

Рукопись «Возможности чехословацкой просодии» (1935) стала своеобразным итогом стиховедческих исследований Крчмери. История ее драматична. Она была написана во время пребывания автора в больнице и послана на отзыв и с просьбой о публикации крупному чешскому литературоведу Альберту Пражаку, с которым Крчмери некогда резко полемизировал и сумел переубедить его во взглядах на словацкую романтическую поэзию. Работа, однако, не была опубликована и не попала после смерти Пражака ни в чешские, ни в словацкие архивы. Помимо этой рукописи, в книге Зеленковой публикуются такие документы, как автобиография Крчмери, отзывы И. Горака и Я. Якубца о диссертации Крчмери (1930), письма к Я. Влчеку, В. Тилле, А. Пражаку, И. Гораку, В. Кучере и Т.Г. Масарику. Книга дополнена иллюстрациями, списком литературы, именным указателем и резюме на английском и немецком языках.

Статьи А. Зеленковой увязывают рукопись Крчмери с предшествующими словацкими работами по теории стиха, другими исследованиями самого Крчмери и его полемикой с чешскими и словацкими исследователями. Контекст здесь подан широко и обстоятельно.

Пафос стиховедческой концепции Крчмери состоит в эстетической реабилитации поэзии словацкого романтизма – поэзии штуровцев, последователей Л. Штура. Крчмери опирался на взгляды Т. Милкина и полемизировал со школой Я. Влчека, которая усматривала высшие достижения словацкой поэзии в силлаботоническом стихе П.О. Гвездослава и недооценивала штуровцев с их опорой на фольклорный силлабический стих. Исследователь предложил оригинальную

систему метрических констант, характерную именно для словацкого языка, в отношении которого обычно применяли усредненные критерии чередования стоп с определенным расположением ударных и безударных слогов. Опираясь на достижения Я. Мукаржовского и чешской и словацкой экспериментальной фонетики, Крчмери видел различие между чешской и словацкой тонической просодией «в функциональном использовании количественной характеристики звуков, которые не имеют в словацком языке такого значения, как в чешском. Это вытекает из относительной слабости словацкого словесного ударения и границы между словами. Крчмери при этом подчеркивал, что словацкие дифтонги даже при идеальной акустической реализации не достигают количества долгого гласного. Это обуславливает инстинктивное стремление словацкого языка к многосложным стопам и фразовым тактам, причем в чешском чаще встречаются односложные слова. Из различного соотношения между стиховым членением и фразовой структурой в чешском и словацком языках вытекают и другие отличия, в основном в интонационной линии. В чешском поэтическом языке интонация связана с семантикой слова, в словацком сильнее фразовая интонация» (с. 22). Более слабое словесное ударение в словацкой поэтической речи, по Крчмери, может смещаться, и ритмическое движение определяется фразовым ударением. Тем самым Крчмери снимал с поэзии шутовцев обвинения в «нечувствительности» к словесному ударению, что вело, по мнению оппонентов, к снижению художественной ценности словацкой романтической поэзии.

Словацкий исследователь вводил шутовскую поэзию в контекст «тонической» (т.е. силлабо-тонической при изосиллабизме) поэзии, начало которой положила просодическая реформа чеха Й. Добровского (90-е годы XVIII в.); ему и посвящены «Возможности чехословацкой просодии». Крчмери в своей неопубликованной рукописи подчеркивал, несмотря на различие, общую основу просодических систем чешского и словацкого языков, что позволило ему создать аллегорический образ архитектурно совер-

шенного «дворца», созданного достижениями чешской и словацкой тонической поэзии, в «строительстве» которого приняли участие шутовцы А. Сладкович и Я. Ботто. Вершиной этого «дворца» была, по мнению Крчмери, поэзия О. Бржезины.

А. Зеленкова подробно анализирует не только взгляды Крчмери и его полемику с современниками (Г. Бартек, А. Пражак и др.), но и его своеобразный интуитивный подход к исследованию, основанный на эстетике А. Бергсона и Б. Кроче. Это вело к формированию особого стиля изложения – скорее эссеистического, чем строго научного, со стремлением «вчувствоваться» в поэтическое произведение. Широкая эрудиция, способность нестандартно мыслить и убеждать в своей правоте, чутье поэта в анализе стихотворного материала разных эпох присущи «Возможностям чехословацкой просодии» Крчмери.

Автор книги также сообщает малоизвестные сведения о неудачных попытках Крчмери получить место доцента в Пражском или Братиславском университетах (1932–1933). И. Горак, давший благоприятный отзыв на диссертацию Крчмери в 1930 г., негативно оценил представленные ему другие работы Крчмери, в том числе статью «Словацкая поэзия», позднее вошедшую в сборник «150 лет словацкой литературы». Он объяснил свою точку зрения тем, что состояние здоровья Крчмери не позволяет ему вести полноценную научную деятельность (с. 49). По этой же причине Крчмери не имел возможность стать священником, преподавателем теологии или сотрудником научной библиотеки. Возможно, это же обстоятельство помешало А. Пражаку дать ход присланной ему рукописи Крчмери «Возможности чехословацкой просодии».

Книга А. Зеленковой содержит материалы, интересные для специалистов по стиховедению и истории словацкой (и чешской) литературы в целом. В ней много ценных «штрихов к портрету» такой незаурядной личности, какой был в 1920–1930-е годы словацкий литературовед Штефан Крчмери.



МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ПО ПАЛЕОГРАФИИ И КОДИКОЛОГИИ В МОСКВЕ

С 14 по 16 мая 2008 г. в Москве проходила международная научная конференция «Палеография и кодикология: 300 лет после Монфокона», организаторами которой выступили Институт всеобщей истории РАН, Российский государственный гуманитарный университет (Историко-архивный институт), Государственный исторический музей и Посольство Греции в Российской Федерации. В ее работе приняли участие специалисты из России, Украины, Италии и Болгарии. Конференция была приурочена к 300-летию выхода в свет первого труда по греческой палеографии, созданного ученым монахом-бенедиктинцем Бернаром де Монфоконом. Знаменательная дата в истории греческого письма и книжности дала возможность авторам идеи конференции подвести итоги и наметить перспективы изучения не только греческих, но также латинских и славянских рукописей.

Работа научного симпозиума строилась по тематическому принципу. На первом заседании были заслушаны доклады по истории создания фондов и коллекций рукописей и документов. Выступления *Г.А. Тюриной* (Москва) «Каталогизация греческих рукописей в Европе в XVIII – начале XIX в.», *О.Н. Блескиной* (Санкт-Петербург) «Каталогизация латинских рукописей Российской национальной библиотеки: история, результаты, перспективы», *Г.Н. Лебедевой* (Санкт-Петербург) «В.Н. Бенешевич и каталог греческих рукописей Государ-

ственной публичной библиотеки», *Л.А. Герд* (Санкт-Петербург) «Неосуществленный проект приобретения патмосских листов Пурпурного кодекса», *Т.Л. Подкупко* (Одесса) «Коллекция рукописей В.Г. Григоровича в фонде Одесской государственной научной библиотеки им. М. Горького», *Е.К. Чернухина* (Киев) «Коллекция древних актов митрополита Андрея Шентицкого: состав и проблемы описания» представили практически весь спектр проблем, связанных с приобретением рукописей, составом и описанием коллекций, созданием научно-справочного аппарата фондов и их использованием.

Итогам и перспективам изучения истории скрипториев, созданию и иллюстрированию рукописей, а также переводу сочинений греческих авторов на другие языки посвятили свои доклады *А. Бруни* (Рим) «Греческая палеография и картвелология», *А.В. Захарова* (Москва) «Традиции иллюстрирования лекционных в Византии», *Е.В. Уханова* (Москва) «Об одном киевском скриптории последней четверти XI – начала XII в.», *А.Г. Сергеев* (Санкт-Петербург) «Атрибуция некоторых сербских рукописей XIV в. из собрания БАН», *А.Л. Саминский* (Москва) «Восточные истоки и константинопольские источники украшения рукописи Австрийской национальной библиотеки Theol. gr. 154» и *С.В. Стрельников* (Санкт-Петербург) «Палеографические наблюдения над жалованными грамотами Кирилло-Белозерского мона-

стыря». *Г.З. Быкова* и *Э.Н. Добрынина* (Москва) поделились с аудиторией первыми результатами исследований Хлудовской Псалтири, проведенных в ходе реставрации знаменитого памятника византийской книжности.

В своем выступлении «Книжное письмо в сербских грамотах XIV–XV вв.: проблемы писцов, подлинности и датировки актов» *А.А. Турилов* (Москва) рассмотрел использование книжного письма в документах. Интересные наблюдения докладчика могут быть применены при изучении подобного явления, характерного как для славянских, так и для греческих актов.

Тема второго дня заседания – «Знаковые системы в палеографии», проходившего в Российском государственном гуманитарном университете, продолжила традиционную для научных мероприятий РГГУ проблематику, связанную с источниковедением и вспомогательными историческими дисциплинами. Был затронут большой круг проблем от цифровых систем в арабо-христианских и греческих рукописях IX–XVII вв. (*Д.А. Морозов*, Москва) до счетных знаков коми-зырян (*Б.М. Морозов*, *Р.А. Симонов*, Москва) и маргинального знака геликон в славянских требниках (*Ж.А. Левшина*, Санкт-Петербург). Выступавшие специально исследовали азбучные ряды в восточнославянских печатных букварях конца XVI–XVII в. (*Ю.Э. Шустова*, Москва) и историю буквы ё в русской азбуке (*Е.В. Пчелов*, Москва).

В секции «Палеография, кодикология и источниковедение» прозвучали выступления *А.Г. Авдеева* (Москва) «Граффити Матфея, попа Галичского, из св. Софии константинопольской», *А.В. Сиринова* (Санкт-Петербург) «О так называемом Молитвеннике Анны Ярославны», *Е.С. Степановой* (Москва) «Автографы переводчиков с греческого языка Посольского приказа в XVII в.» и *И.А. Вознесенской* (Санкт-Петербург) «Рукописный сборник учебного содержания Николая Семенова Головина».

На конференции были заслушаны доклады, посвященные изучению памятни-

ков средневековой культуры в рукописной традиции. К ним относится история появления пергамена, идентификация сюжетов иллюстраций и их значение для определения места происхождения рукописи – выступления *Е.В. Антонец* (Москва), *Е.Ю. Золотовой* (Москва), *Н.А. Елагиной* (Санкт-Петербург) и *И.П. Мокрецово*й (Москва).

Участники конференции представили свои наблюдения по истории и эволюции собственно греческого письма и почерковедения. *Б.Л. Фонкич* (Москва) предложил новую датировку (середина IX в.) греческой рукописи Codex Marghalianus из Ватиканской библиотеки, которую Б. Монфокон относил к VIII столетию. *А. Катальди Палау* (Милан) исследовала две греческие Минеи из константинопольского монастыря Иоанна Продрома Петра в парижском и московском собраниях. *Г.Р. Парпулов* (Пловдив) проанализировал фрагменты византийского сочинения «Догматическое всеоружие» из собраний Ватикана и ГИМ. *Д.Н. Рамазанова* (Москва) выступила с сообщением «Греческая каллиграфия Балкан конца XVI – первой половины XVII в. («Школа» Луки Бозеу)».

Н.П. Чеснокова (Москва) обратилась к греческим документам в составе столбцов Посольского приказа. Она выявила сохранившиеся записи, а также сведения об утраченных автографах синайского архимандрита Кирилла (последняя четверть XVII в.), который сыграл видную роль в развитии отношений между русским правительством и древним монастырем св. Екатерины. *Д.А. Яламас* (Москва) охарактеризовал обширную шифрованную переписку между иерусалимским патриархом Досифеем и русским правительством в начале XVIII в.

Подводя итоги конференции, *Б.Л. Фонкич* отметил и несомненные успехи в области палеографии и кодикологии средневекового рукописного наследия, и широкие перспективы этого научного направления.

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «РОССИЯ, ПОЛЬША, ГЕРМАНИЯ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ ЕВРОПЕЙСКОГО ЕДИНСТВА В ИДЕОЛОГИИ, ПОЛИТИКЕ И КУЛЬТУРЕ»

В начале XXI в. взаимоотношения Германии, Польши и России сохраняют принципиальное значение для развития международных отношений в Европе для строительства всестороннего экономического, политического и культурного сотрудничества на континенте, для осознания народами наших стран современных форм европейской идентичности. Поэтому эти отношения привлекают пристальное внимание европейской общественности. За последнее десятилетие существенно изменился облик Европы, отразив стремление народов идти по пути поиска коллективных, совместных форм экономического развития, социального и культурного прогресса. Однако строительство общеевропейского дома связано не только с достижениями. Создание Единой Европы, развитие отношений как внутри Европейского Союза, так и стран объединенной Европы с соседями породили также немало сложных проблем, которые коренятся не только в современном процессе глобализации, но и уходят своими корнями в прошлое. История взаимоотношений Германии, Польши и России становится подчас предметом острых политических и публицистических дискуссий, которые нередко осложняют как взаимоотношения между нашими странами, так и отношения с соседями. Следует подчеркнуть, что прошлое, исторический опыт наших народов оказывает глубокое воздействие на характер политических и культурных процессов сегодняшнего дня.

Неразрывная связь истории и современности была в центре внимания участников Международной научной конференции: «Россия, Польша, Германия: история и современность европейского единства в идеологии, политике и культу-

ре» (Псков, 17–19 сентября 2007 г.). Ее организаторами выступили Российская академия наук, Комиссия историков России и Польши, Институт славяноведения РАН, Германский исторический институт (Москва), Псковский государственный педагогический университет (ПГПУ), Смоленский государственный университет, АНО «Псковский археологический центр», Псковский государственный объединенный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник. Председатель Оргкомитета конференции – один из выдающихся историков России, получивший признание за рубежом – член-корр. РАН, проф. Борис Николаевич Флоря (Институт славяноведения РАН). Конференция проводилась при организационной и финансовой поддержке Германского исторического института (Москва) и Фонда им. Фридриха Эберта.

Символично, что названная конференция, посвященная России, Польше и Германии, вслед за конференциями в Москве (1994) и в Смоленске (2001), где проводились предыдущие конференции в рамках этой научной программы, состоялась ныне в Пскове. История Пскова – одного из древнейших русских городов – весьма тесно связана с историей наших соседей. Будучи форпостом на северо-западе России, Псков и Псковская земля внесли не только значительный вклад в защиту отечества. Не меньшая роль была отведена Пскову в развитии экономических и культурных связей России с соседними странами, в том числе с Германией, странами Прибалтики, Литвой и Польшей. Эта историческая традиция продолжается псковичами и сегодня. Псков по праву считается одним из крупных научных центров России, в котором

успешно развиваются многие передовые научные направления и школы.

На открытии конференции к ее участникам и гостям с приветствиями обратились: мэр города Пскова *М.Я. Хоронен*, ректор Псковского государственного педагогического университета профессор *В.Н. Лешиков*, проректор ПГПУ по научной работе *А.В. Истомин*. С приветствиями выступили также профессора *Б.Н. Флоря*, *С. Былина*, *Х. Духхардт*, представитель Германского исторического института *А. Доронин* и представитель Фонда им. Фридриха Эберта *Мария Унрау*. В приветствии *М.Я. Хоронина*, в частности, говорилось: «По нашему убеждению конференция внесет существенный вклад в развитие научных исследований по истории России, Польши, Германии, по проблемам европейского единства и роли наших стран в развитии современной Европы. Она послужит сотрудничеству академической науки и высшей школы, диалогу общественности, взаимопониманию между народами Европы».

В первый день работы конференции был заслушан доклад видного общественного деятеля Пскова, в прошлом возглавлявшего администрацию города, – *И.Е. Калинина* о связях Пскова с городами-побратимами. Еще в 1970-е годы автор стоял у истоков движения породненных городов, и сейчас он отдает ему все силы и энергию. Город Псков установил отношения с 17 городами-побратимами в Европе, в том числе два города – в Германии и один – в Польше. В докладе были всесторонне освещены их многообразные связи, на первом месте среди которых – культура и торговля. Подчеркивая значение народной дипломатии, автор констатировал: «Политики устанавливают границы, а народы стремятся к сотрудничеству».

На пленарном заседании 17 сентября в центре внимания участников была проблема формирования и взаимодействия исторических регионов в Центральной и Восточной Европе, роль в этом процессе России, Польши и Германии, а также Литвы и Прибалтики. Главное внимание докладчики уделили экономическому и культурному взаимодействию регионов и

их пограничных областей, формированию здесь этнической, территориальной и национальной идентичности. Говоря в связи с этим о средневековой Польше, *С. Былина* (Варшава) отметил два направления ее культурного развития, с одной стороны, ориентированного на запад, а с другой – на восток. Особо докладчик остановился на роли Чехии во взаимодействии Востока и Запада в Центральной Европе. В докладе и в развернувшейся дискуссии широко обсуждался вопрос о типологических и культурологических параллелях в культурной структуре регионов, о континуитете их культурного развития и формах их культурного взаимодействия в Новое и новейшее время. Проблема цивилизационной роли этнического и культурного пограничья Германии, Польши и России в XVI–XVII вв. была рассмотрена в докладе *А. Буэс* (Германия) на примере сочинения Мартина Груневега, в описании путешествия которого нашли отражения культурные и политические реалии Польши, России и других областей Восточной Европы, включая и причерноморские владения Оттоманской империи. Примечательно, что и в этом докладе исследуемые вопросы не ограничились узкими региональными рамками, а прозвучали в широком европейском контексте.

Значение исследований регионального пограничья нашло отражение в докладах ученых *Е.В. Салминой*, *Б.Н. Харлашова*, *Н.В. Большаковой* (Псков) с соавторами. В этих докладах были проанализированы связи Псковской земли с соседями: Германскими областями в Прибалтике, Литвой, странами Западной Европы со времени средневековья и до XIX в. включительно. Эти связи были прослежены в докладах на уровне как отдельных, так и систематических культурных контактов и связей, на уровне торговых взаимоотношений, типологии территориальных и административных структур, а также непосредственного этнокультурного взаимодействия. Сложность исследовательских задач обусловила обращение авторов, наряду с традиционными письменными источниками, к иным видам исторических источников: от широкого применения

данных археологии до изучения этнолого-гического материала.

Особо следует отметить доклад *Б.Н. Флори* (Москва), посвященный России в системе европейских международных отношений XVI–XVII вв. Как отметил докладчик, одним из критериев принадлежности России к Европе является участие России в европейской политике. В докладе главное внимание было уделено эпохе вступления России на европейскую политическую арену и роли в этом Польши и Германии.

Проблемам международной политики было посвящено заседание секции «Политические противоречия и императивы европейской общности». На нем главное внимание было уделено месту России, Польши и Германии в политической жизни Европы XVII–XIX вв., когда войны и конфликты были практически единственной формой политического взаимодействия государств. Однако в пяти докладах и дискуссии главной мыслью стал тезис о единстве европейского политического пространства, которое определялось отнюдь не только общностью территории и обусловленным географическим положением вынужденным соседством, но общностью политической, военной и дипломатической культуры европейских стран и народов. Одной из форм такой общности стала, например, эпоха Просвещения. Во-вторых, было рассмотрено зарождение и развитие идеи поддержания европейского равновесия и европейского мира. Наконец, существенное значение имел тезис о единстве и многообразии политических форм европейских государств и общих фундаментальных чертах процесса их политической модернизации.

Вторая секция «Взаимодействие культуры – фундамент европейской идентичности» была специально посвящена роли России, Польши, Германии в процессах культурного обмена в Европе. Интереснейший материал в этом отношении был представлен в докладах *З.А. Тимошенко-вой*, *Л.А. Костючук* (Псков). В центре их внимания находились культурные связи русской провинции, рассмотренные на примере Псковской земли и северо-запада России. Такая постановка вопроса

имеет особое значение, поскольку традиционно международные связи в области культуры изучаются на примере наиболее передовых столичных центров. Аналогичные процессы в провинции имеют свои существенные особенности. Авторы докладов проанализировали культурные связи с зарубежными странами на уровне человеческих контактов, изучая переселение иностранцев в северо-западные области России во второй половине XVII в. Были исследованы также контакты и взаимодействие русского и немецкого языков, что, в частности, нашло отражение в русско-немецких разговорниках, зафиксировавших элементы псковской народной речи. Международные культурные связи в Центральной и Восточной Европе на примерах архитектуры и изобразительного искусства были рассмотрены в докладе *Т.В. Кругловой* (Псков). Книговедческий аспект европейского культурного обмена был исследован в докладе *Д. Нарбутене* (Вильнюс). Развитие всесторонних культурных связей народов Европы приобрел в первой трети XIX в. новое качество. Как показала *Л.П. Марней* (Москва), в это время осознание европейской идентичности связывается в общественной мысли уже не только с областью политики и культуры, а находит выражение в проектах экономического объединения Европы.

Второй день конференции, 18 сентября, был посвящен проблемам, связанным с осознанием народами России, Польши, Германии культурной и национальной идентичности, с одной стороны, и идентичности как формы принадлежности к европейскому сообществу – с другой. Особое значение в развернувшейся дискуссии имели доклады *Х. Духардта* (Майнц) «Дискурсы Европы в Германии, Польше и России на исходе XIX в.»; *А.В. Доронина* (Москва) «Россия, Польша, Германия в поисках национальной идентичности» и *У. Аугустыняк* (Варшава) «Отношения Речи Посполитой и Московского царства в польской публицистике первой половины XVII в.». В последнем докладе были поставлены три фундаментальные проблемы. Во-первых, о роли стереотипа в восприятии

народами соседних государств для формирования представления о европейской общности. Во-вторых, об исторически обусловленной диалектике сотрудничества и противостояния во взаимоотношениях Польши и России и, в-третьих, о формах осознания в обществе указанной антиномии. В докладе *А.В. Доронина* были проанализированы критерии (в их историческом развитии) формирования наций. Автор выдвинул тезис о решающей роли в этом исторического сознания и самосознания народа. С точки зрения общности исторического прошлого он рассматривал становление наций в России, Польше и Германии. По его мнению, выдвинутый тезис позволяет преодолеть противоречие между критериями этнической общности и государственной принадлежности. *Х. Духардт* говорил о проблемах теоретического осмысления европейского единства на рубеже XIX и XX вв., когда строительство Единой Европы становится постепенно политическим императивом на исходе Нового времени. Он отметил, что Россия, Польша и Германия представляли собой как бы три типа отношения к европейской общности. Российская империя была обращена в себя и в этом смысле была отделена от Европы. Польша на пути европеизации пыталась обрести национальное возрождение. Германия развивала идеи европейской общности как форму обоснования своего лидерства среди европейских государств.

Общность европейских народов их самосознание тесно связаны с проблемами конфессиональной идентичности, с тремя важнейшими направлениями современного христианства. Эти вопросы также нашли отражение в докладах *В. Кригзайзена* (Варшава), *В.Б. Лебедева* (Псков). Авторы уделили главное внимание проблеме исторического развития принципов веротерпимости и свободы совести как одного из фундаментальных элементов европейской общности. Другим фундаментальным элементом европейской идентичности является примат права во взаимоотношениях личности общества

и государства. О его воплощении в германском конституционном законодательстве XIX в. говорилось в докладе *Т.Г. Хришкевич* (Псков). Проблема соотношения категорий исторической справедливости и международного права как элементов европейского политического сознания и практики международных отношений была поставлена в докладе *Р. Шмигельските-Стукене* (Вильнюс) в связи с историей публикации документов о разделах Речи Посполитой с конца XVIII в. и до наших дней.

Завершил работу конференции «круглый стол» на тему: «Псковская земля – общественно-политические и социокультурные проблемы становления гражданского общества», состоявшийся 19 сентября в Изборске. В ходе дискуссии были рассмотрены вопросы социального развития передовых и депрессивных регионов в России, Польше и Германии, проблемы культурного облика их населения, вопросы сохранения памятников истории и культуры. Особо было уделено внимание развитию в отстающих регионах системы общественных, негосударственных организаций.

В завершении конференции, обращаясь к ее участникам, заместитель мэра Пскова *Н.И. Михайлов* отметил: «Конференция была с исключительным интересом встречена научными кругами и общественностью Пскова. Ее научные итоги подведут ученые, которые, как мне известно, ее уже высоко оценили. Я хотел бы отметить только, что конференция, несомненно, послужит укреплению взаимопонимания между народами наших стран, обогатит многосторонние культурные связи. Она имеет исключительное значение и для Пскова, для всей Псковской земли, ибо позволяет увидеть живую связь времен – величественное прошлое нашего города в единстве с его сегодняшними успехами и проблемами, с буднями и праздниками».

КОНФЕРЕНЦИЯ «ЦЕННОСТНЫЕ КАТЕГОРИИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ: КАТЕГОРИЯ ВРЕМЕНИ»

1–2 апреля 2008 г. Отдел истории культуры Института славяноведения РАН провел конференцию «Ценностные категории славянской культуры: категория времени», которая была организована в рамках проекта «Ценностные категории русской культуры в типологическом контексте», поддержанного Программой ОИФН РАН (2006–2008), руководитель – Софронова Л.А.

В центре внимания участников конференции находились содержание и особенности восприятия категории времени в славянских культурах. За два дня было заслушано более 20 докладов, в конференции приняли участие сотрудники нескольких отделов Института славяноведения РАН, а также коллеги из других институтов: Института философии РАН, Института мировой литературы РАН, Института этнологии и антропологии РАН, Института искусствоведения, Института культурологии, Европейского университета Санкт-Петербурга, РГГУ и других научных центров.

Во вступительном слове от имени организаторов конференции *Е.Е. Левкиевская* (ИнСлав) подчеркнула, что конференция стала своеобразным заключительным аккордом долгого, многоаспектного и плодотворного проекта исследований категорий славянской культуры, которыми на протяжении 15 лет занимался Отдел. Она предложила посвятить конференцию и будущий сборник памяти выдающегося ученого, главного научного сотрудника Отдела истории культуры Георгия Дмитриевича Гачева, который трагически погиб 25 марта 2008 г. Г.Д. Гачев предполагал участвовать в конференции с выступлением, посвященным эссенциональному и экзистенциальному времени у Тютчева и проблеме времени в поэтике литературного текста, поэтому было предложено на-

чать конференцию с его доклада, который зачитала *Н.В. Злыднева*.

Доклады конференции были сгруппированы в шесть тематических блоков: «Человек – язык – время», «Мифологическое время», «Календарное время», «Историческое время», «Время в литературных текстах» и «Знаки времени». Такое построение конференции позволило ее участникам на обширном материале показать самые разные формы и особенности восприятия времени в славянских культурах. В рамках тематики «Человек – язык – время» были заслушаны доклады *Н.Г. Брагиной* (ИМЛИ) «Время сквозь призму памяти (анализ языковых употреблений)», *Т.И. Вендиной* (ИнСлав) «Время в народной духовной культуре» и *Н.Н. Запольской* (ИнСлав) «Категория времени в профанной и сакральной грамматике».

Говоря о категории времени в ее отношении к категории памяти, *Н.Г. Брагина* подчеркнула, что оба концепта являются объектами длительного философского осмысления еще со времен Аристотеля, который первым поставил вопрос о связи памяти с ощущением времени. Корреляция память/время – одна из важных проблем современной лингвистики – ярко представлена и в языке. Докладчика прежде всего интересовал вопрос о том, как в языковой памяти представлено время и процесс переживания прошлого, как в языке выражена дискретность восприятия прошлого и деформация реального времени, а также вопрос о пространственных формах прошлого. Как показала *Н.Г. Брагина*, дискретность восприятия времени находит в языке метафорическое выражение. В докладе были рассмотрены метафоры памяти-поверхности, памяти-глубины, памяти-текста, а также цветового восприятия оппозиции память/забвение (белый/черный). Анализ языковых употреблений

привел докладчика к выводам о том, что выражение категории памяти в языке носит дискретный характер, она опосредует реальное время в индивидуальное, которое в свою очередь тоже дискретно и имеет ярко выраженные пространственные характеристики.

Т.И. Вендина обратилась к восприятию времени в народной духовной культуре и тому, как это восприятие отразилось в языке. Отметив, что осмысление времени непосредственно связано с осмыслением места человека в мире и его духовными ценностями, она подчеркнула, что категория времени в народной духовной культуре в семантическом плане очень насыщена, поскольку связана с жизненным циклом человеческого бытия. Восприятие это задано самой природой, суточными и годовыми циклами и связано прежде всего с хозяйственной деятельностью человека. Время организует саму жизнь человека. Подтверждение этой идеи можно найти и в архаических способах измерения времени, и в ритуально-магических практиках, и в том, как различные формы деятельности человека, приемы пищи, распорядок дня находят отражение в говорах. Языковые данные свидетельствуют, что человек оказывается полностью включенным в мир природы, а в народном сознании время сопряжено с самой жизнью и деятельностью. *Т.И. Вендина* пришла к интересным выводам о том, что, по данным говоров (и прежде всего архангельских диалектов), в народном сознании категория времени соотносится с категорией пространства и что человек оказывается обращенным лицом не в будущее, как можно было бы предположить, а в прошлое, к предкам. Таким образом, данные языка показывают, что смысловой диапазон категории времени чрезвычайно широк: от хозяйственных определителей до духовных и душевных качеств человека. Время – это прежде всего ценностная, эмоционально насыщенная категория, индикатор социально-этических качеств человека.

В следующем докладе – «Категория времени в профанной и сакральной грамматике» – *Н.Н. Запольская* рассмотрела и проанализировала временные отноше-

ния, выраженные на уровне глагольных форм, в литургических текстах XVI–XVII вв. и отметила связь грамматической категории времени с проблемой именуемости и познаваемости Бога в сакральных текстах. «Христианизация языка», т.е. распространение сакральных смыслов на слова, таким образом, получает и грамматические средства выражения. Метатексты – грамматики и грамматические комментарии XVI–XVII вв. – становятся носителями особой субграмматики.

Еще один тематический блок конференции был посвящен мифологическому времени. Доклад о мифологии сезонного времени представила *Л.Н. Виноградова* (ИнСлав). Проанализировав народный календарь, она показала, что оценка времени в рамках оппозиции плохой/хороший связана с представлениями о пребывании демонов на земле, перемещении духов по земным локусам. В этом отношении поверья славян восходят к древнейшим индоевропейским представлениям о связи явлений природы с появлением на земле душ умерших.

И.А. Морозов (Ин-т этнологии и антропологии) обратился к анализу механизма взаимодействия пространства и времени игры и пространства и времени личности. Придя к выводу о том, что игровые отношения становятся моделью отношений социальных, докладчик рассматривал игровое время как социокультурный параметр. Анализ феномена игрового лидерства показал, что в игре в расчет принимается в первую очередь возраст, т.е. наличие игрового опыта, однако поскольку переживание возраста субъективно, сама личность может влиять на свой возраст в игре – уменьшать или увеличивать его. Игровой лидер, «душа компании» становится наиболее ярким воплощением духа игры и творцом игрового мифологического времени, моделирующего саму жизнь и дающего человеку возможность ее многократного проживания.

Следующие два выступления рассматривали функционирование временных моделей в фольклоре – в свадебных песнях и причитаниях и в анекдотах. *Н.В. Кургузова* (г. Орел) на материале

сборников XIX и XX вв. проанализировала временную организацию и функционирование изоморфных временных моделей в свадебных песнях и причитаниях на лексико-семантическом уровне. Данные исследования свидетельствуют, что систему свадебного времени образуют оппозиции из разных ритуальных хрономимов, причем временная парадигма свадьбы уподобляется годовому циклу. Грамматическому и фольклорному времени в анекдотах был посвящен следующий доклад. Задачей обширного исследования А.С. Архиповой (РГГУ) стала проверка того, насколько происхождение анекдота влияет на его формальные характеристики. В своем выступлении она обратилась к сравнению группы так называемых кинозависимых анекдотов (о Чапаеве, Штирлице), возникшей в XX в., с анекдотами о Винни Пухе, Рабиновиче и Вовочке. Она пришла к выводу о том, что анекдоты о Штирлице развиваются вопреки традиции современного анекдота. По ее представлению, даже «кинозависимые» анекдоты ориентируются на обычные характеристики нарратива, в то время как анекдоты о Штирлице воспроизводят довольно устойчивую синтаксическую структуру текста диктора в фильме «Семнадцать мгновений весны».

Блок «Календарное время» объединил доклады четырех исследователей – С.Н. Амосовой (Европейский университет, Санкт-Петербург), А.В. Семеновой (ИнСлав), М.С. Киселевой (Ин-т философии) и Л.Е. Горизонтова (РГГУ, ИнСлав). Доклад С.Н. Амосовой был посвящен представлениям восточных славян, связанным с субботой. Принято было считать, что у восточных славян этот день оценивался как несчастливый, неблагоприятный; однако специальных исследований, посвященных изучению семантики субботы, до настоящего времени не проводилось. На основе анализа архивных материалов Каргопольского, Полесского архивов и архива Европейского университета С.Н. Амосовой удалось установить, что такая трактовка исследователей не совсем корректна. Хотя в субботу существовали запреты на ряд работ и на свадьбы, для некоторых видов

работ и особенно для начала новых дел этот день считался, наоборот, благоприятным. Суббота часто противопоставлялась понедельнику как первому, несчастливому дню или среде как «толстый», скоромный день «тощему», постному. Представления о субботе тесно связаны с богатой семантикой воскресного дня, т.е. с идеей полноты и завершенности.

Исследованию кашубского народного календаря и сочетанию языческих и христианских представлений в нем было посвящено выступление А.В. Семеновой. Она обратилась к кашубским представлениям о членении времени, отраженным в языке, в религиозных воззрениях, мифологических стереотипах и социокультурных аспектах жизни кашубов. В докладе было показано, что в кашубском народном календаре переплетаются не менее четырех основных видов времени: 1) мифологическое, в которое включено отчасти и аграрное с его запретами на некоторые виды работ в определенные периоды и на пользование плодами земли до определенной поры, а также проявление мифологического времени в отношении к частям суток – времени пронцаемости границы двух миров ограничено сумерками и темным временем вообще; 2) природное время у кашубов подчиняется аграрному, т.е. наблюдениям за погодой, поведением животных и вегетативным циклом; 3) бытовой цикл расписывает до мелочей народный быт: приурочивает к датам и периодам праздники, игры, ярмарки, приготовление различных видов пищи; 4) христианский церковный календарь по принципу, напоминающему сообщающиеся сосуды, неразрывно соединен с аграрным календарным циклом. Помимо этого, в кашубском календарном цикле проявляются и многие другие важные аспекты бытия и мировидения, как, например, деление на «мужское» и «женское», «детское» и «взрослое», «игровое» и «серьезное», «стихийное» и «окультуренное», т.е. различные аспекты единого круговорота рождения, гибели и вечного циклического воскресения в природе.

В выступлении М.С. Киселевой было рассмотрено календарное время проповеди на примере «Обеда душевного» Си-

меона Полоцкого. «Обед душевный» представляет собой календарное по назначению произведение – сборник воскресных проповедей; задача Симеона Полоцкого заключалась в том, чтобы ввести читателя в проблематику проповеднической культуры; целью его было, как доказала докладчик, прежде всего просвещение, а не полемика. Анализ произведения показал, что проповедь в свою очередь вовлекает слушателя в течение истории. При этом особую роль играет семантическая насыщенность воскресенья как особого, маркированного дня недели. М.С. Киселевой удалось проследить, как в проповедях Симеона Полоцкого происходит преодоление времени вечностью.

Л.Е. Горизонтов в докладе «Хроно-топ Российской империи» определил время и пространство как универсальные характеристики человеческого бытия, формирующие существенные смыслы для исторического и культурного феномена «Империя». Докладчик отметил, что фактор пространства непосредственно сказался на историческом отставании страны, а в силу неразрывной связи пространства и времени ресурсный потенциал пространства не мог быть полностью раскрыт. Однако имперский хронотоп не был уничтожен вместе с исчезновением самой империи; он воспроизводится на протяжении всего XX столетия и продолжает функционировать даже сегодня, в начале XXI в.

Блок «Историческое время» был представлен тремя выступлениями. В докладе *М.В. Лескинен* (ИнСлав) «История и национальная память» было рассмотрено происхождение и использование концепта «память» в качестве отдельного объекта исторического изучения, его соотношение с научными представлениями об истории, «устной историей» и образом истории в XX в. Она проанализировала тенденции современной зарубежной и отечественной историографии, противопоставляющей свидетельства очевидцев официальному историописанию, а также те работы, в которых происходит отождествление концепций «коллективной памяти» с коллективным сознанием (картиной мира) или менталитетом. Разделяя

понимание концепта «память» как средства сохранения и передачи идентичности или иерархии идентичностей, *М.В. Лескинен* обратилась к анализу истории формирования российской этнической идентичности в исторических сочинениях 1830–1860-х годов и его трансформациям 1860–1880-х годов в трудах антропологов и этнографов и показала, что в этот период происходило изменение в конструировании представлений о прошлом Российского государства. На смену образа его прошлого как исторических событий, в которых главным субъектом выступало государство, приходит идея общности народа-этнуса; его этническое происхождение обосновывается в качестве одного из элементов национальной памяти.

Выступление *М.В. Ахметовой* (журнал «Живая старина») было посвящено исследованию временной модели в постсоветских выпускных мероприятиях. Материалом для исследования послужили программы выпускных вечеров и последних звонков, тексты школьных театрализованных представлений, песни на школьную тему, интервью с учителями. Она пришла к выводу о том, что выпускная традиция, бытующая по фольклорным законам, все же в первую очередь литературоцентрична. Сами же подобные мероприятия, символизирующие окончание детства и начало взрослой жизни, порождают особого рода временную модель, в которой актуализируются метафоры пути, развилки дорог, памяти, оппозиция начало/конец. В заключение *М.В. Ахметова* выделила три основные ценностные категории, лежащие в основе подобных мероприятий: это преемственность, возвращение и память.

Е.Е. Левкиевская рассматривала членение исторического времени в наивной картине мира; материалом послужили рассказы и воспоминания информантов в рамках экспедиций на русский север. Данные исследований показали, что в наивной картине мира нет представления о времени как о едином потоке, время расщепляется на личное (жизнь человека и его семьи), календарное (хозяйственная и социальная активность человека), историческое и онтологическое. Анализу соотношения личного, исторического и он-

тологического времени и был посвящен доклад Е.Е. Левкиевской. Она пришла к выводу о том, что время воспринимается носителями народной культуры в личностном аспекте, а историческое время вторично, оно находится как бы «над ним».

Доклады, посвященные времени в литературных текстах, были особенно многочисленны. Кроме доклада Г.Д. Гачева, прозвучавшего в начале конференции, в этот блок вошли выступления Л.А. Черной (Ин-т культурологии), Г.В. Вдовина (Останкинский музей) и Л.А. Софроновой (ИнСлав), Н.М. Куренной (ИнСлав) и П.В. Корольковой (ИнСлав, МГУ им. М.В. Ломоносова).

Исследуя особенности «мимоидущего» (реального, земного, суетного) и вечного времени в древнерусской литературе, Л.А. Черная отметила, что «мимоидущее время», как и сама жизнь человека, воспринималось как нечто тленное, мимолетное и не имеющее ценности по сравнению со временем вечным, связанным в сознании человека того времени с вечной жизнью. Вечное (божественное) и «мимоидущее» (человеческое) время в соответствии с христианскими воззрениями не имели точек пересечения. И лишь с конца XVII в. можно говорить о возрастании роли мимоидущего времени; рождение жанра дневника, мемуаров, записок свидетельствует о том, что земное время становится значимым, а его фиксация – важной для человека. В связи с этим ценность обретает не только земная жизнь, но и сама категория будущего.

В совместном докладе Г.В. Вдовина и Л.А. Софроновой «Мифопоэтическое время: В.Л. Боровиковский и Н.В. Гоголь» были проанализированы особенности мифологического и исторического времени в творчестве Боровиковского и Гоголя. Время у художника и писателя работает по схожим принципам и оказывается тесно связанным с кодами еды и костюма. Кроме того, на картинах Боровиковского и в произведениях Гоголя время нельзя отделить от эмоционального состояния человека. Особое внимание и художника, и писателя привлекает тема старости и связанная с ней тема смерти.

В продолжение темы времени в русской классической литературе прозвучал доклад Н.М. Куренной, которая, про-

анализировав контекст фиксации времени в ранних рассказах А.П. Чехова, приходит к выводу о том, что время в тот период творчества оказывается одним из ключевых элементов художественной картины мира писателя, поэтому дешифровка временных кодов в его рассказах оказывается столь важной. Точные указания времени в первых же строчках – день, время суток, церковный праздник – не бывают у Чехова случайными, они играют особую роль, становясь осью, на которую нанизывается все повествование. Кроме того, выбор времени может выполнять функцию психологического приема и становиться формой авторского присутствия в тексте.

П.В. Королькова в своем выступлении обратилась к чешской литературе и некоторым особенностям временной организации чешской литературной волшебной сказки первой половины XX в. На примере сказочного творчества К. Чапека и Й. Лады она показала, что сказка, отнюдь не являясь второстепенным жанром в чешской литературе того времени, оказывается способной предложить новый способ взаимодействия автора и читателя и особую форму литературной игры. Разнообразные формы переосмысления временной организации фольклорной волшебной сказки, как показал анализ сказочных произведений чешских писателей, становится одной из важнейших составляющих подобной литературной игры.

Последние четыре доклада были посвящены знакам времени в таких областях культуры, как живопись, мода, музыка и садово-парковое искусство. Этот блок объединил выступления Н.В. Злыдневой (ИнСлав), Р.М. Кирсановой (Ин-т искусствознания), Ф.М. Софронова (Московская государственная консерватория им. П.И. Чайковского) и И.И. Свириды (ИнСлав). В докладе Н.В. Злыдневой «Мотив часов в русской живописи 1920–1930-х годов» анализировалась поэтика визуальной репрезентации времени, которая активизируется на трех уровнях: часы как реальный предмет повседневного быта, актуализация морфологии формы (круг и крест) и мифологическое

осмысление – солярная символика в рамках общей культурной традиции. Было показано, как мотив часов (метонимия времени и памяти) разворачивал диалог двух временных моделей – циклической и линейной, приобретший в переломную эпоху позднего авангарда особое значение: он обозначил скрытую мифологию солярного культа, унаследованного от исторического авангарда, и выявил перенос акцента с плана выражения (геометрики формы) на план содержания – визуальный нарратив, занявший доминирующую позицию на этапе перехода от беспредметности к фигуративной живописи.

Следующее выступление рассматривало знаки исторического времени в моде – прежде всего в театральном костюме. *Р.М. Кирсанова* обратила внимание на то, что вплоть до XVII в. костюм репрезентировал прежде всего сословную принадлежность, в то время как сезонные рекомендации появились сравнительно поздно. В области же театрального костюма о его соответствии разворачиваемым на сцене историческим событиям задумались лишь в XVIII в., прежде всего в опере, где впервые проявилось стремление по крайней мере к исторической стилизации. Только начиная с XIX в. можно говорить о точности исторического костюма в театре.

Следующий участник конференции обратился к еще более широкому предметному полю исследования. Анализ музыкального времени как одной из составляющих временного кода эпохи и исследование трактовки композиторами категории музыкального времени на протяжении нескольких веков позволил *Ф.М. Софронову* прийти к выводу о том, что развитие представлений о музыкальном времени, несомненно, оказывается связано с эпохой и ее культурным кодом – даже там, где он восстанавливается и познается через само понимание музыкального времени, как, например, сейчас. Поскольку музыка является искусством запечатленного времени, именно время, по убеждению докладчика, становится той категорией музыки, которой оказываются подчинены все остальные – высота звука и интервалы между высотами,

его тембр и способ звукоисчисления (артикуляция). На широчайшем материале *Ф.М. Софронов* показал, как эволюция понятия о времени в культуре в целом неизменно влекла за собой изменение трактовки музыкального времени, что составляло подчас саму сущность стиля.

В докладе *И.И. Свириды* сад был охарактеризован как локус, насыщенный различными видами темпоральности. Мы можем говорить о времени сада как художественном тексте, развертываемом в процессе движения в реальном садовом пространстве; о циклическом времени природы и античных мифов, с которыми связан сад; о сакральном времени вечности, восходящем к образу Эдема; историческом времени, воплотившемся посредством различного рода мемориальных садовых сооружений – таким образом, сад становится местом памяти; о времени повседневности и праздника в саду как бытовом пространстве. Кроме того, сад как место созерцания природы связан с особой временной категорией – длительностью. Все это, как отмечалось в докладе, позволяет, с одной стороны, усомниться, что сад является лишь пространственным искусством, а с другой – что он лишь пространство культуры. Сад, расположенный на земле и под открытым небом, исходя из его темпоральных характеристик, может быть определен как своеобразное пространственно-временное искусство, текст которого развертывается в «геохудожественном» пространстве.

Своеобразие категории времени в славянской культуре, как следует из материалов конференции и оживленной дискуссии, заключается прежде всего в особой значимости этой ценностной, эмоционально насыщенной категории в фольклоре, языке, литературе, истории, живописи, музыке, а также моде и садово-парковом искусстве. Время неразрывно связано с такими категориями, как пространство, память, путь и вечность, а также с осмыслением места человека в мире. Оно может выступать и в качестве социально-культурного параметра.

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ СЕМИНАР «ПОДКАРПАТСКИЕ РУСИНЫ И РОССИЯ»

20 декабря 2007 г. в здании московской Библиотеки-фонда «Русское Зарубежье» состоялся историко-культурологический семинар «Подкарпатские русины и Россия». Главным организатором мероприятия выступило русинское землячество «Карпатская Русь», объединяющее проживающих в Москве русинов и всех сочувствующих русинскому народу.

Принимая во внимание слишком широкий сюжетный диапазон современной русинистики, организаторы сосредоточились на проблематике подкарпатских русинов (коренного населения Подкарпатской Руси – нынешней Закарпатской области Украины) и их контактов с Россией и русскими. Также была затронута проблематика Пряшевщины – русинской этнической территории в Словакии. Это обусловлено тем, что хотя Пряшевщина и не входит в современное понятие Подкарпатской Руси, исторические судьбы этих регионов вплоть до первых десятилетий XX в. представляли единое целое.

После торжественного открытия семинара к участникам и гостям с приветственным словом обратился председатель русинского землячества «Карпатская Русь» *Й.М. Гливка*. После этого присутствующих отдельно поприветствовали старший научный сотрудник Института славяноведения РАН, кандидат исторических наук *М.Ю. Досталь*, глава Сойма подкарпатских русинов, кандидат богословия *о. Д. Сидор* (Ужгород), заместитель директора Библиотеки-фонда «Русское Зарубежье» *В.С. Угаров* и благочинный Успенского благочиния столицы *о. С. Пристая*. Также были зачитаны два приветственных адреса – от секретаря Всемирного совета русинов *А. Зозуляка* (Пряшев, Словакия) и президента Общественной ассоциации «Русь» *С.Г. Суляка* (Кишинев).

Научная часть семинара была разделена на три тематических блока, каждый из которых завершался дискуссией. В

рамках первого, вводного блока, посвященного становлению русинской идентичности, прозвучали выступления *М.Ю. Досталь*, *о. Д. Сидора* и *О.Б. Неменского* (ИСл РАН).

М.Ю. Досталь посвятила свой доклад русинскому национальному движению в Закарпатье и его отражению в современной историографии. Принимая во внимание то, что карпатские русины признаны самостоятельным народом в большинстве европейских государств, в которых они являются коренным населением, докладчик подробно осветила болезненную проблему непризнания русинов на Украине. Кроме этого она на конкретных примерах проиллюстрировала плюсы и минусы современной русинофильской и украинофильской научной продукции.

Ужгородский гость *о. Д. Сидор* выступил с докладом «Историко-правовые обоснования требования русинами самоуправляемой территории», вызвавшим большой интерес у большинства участников семинара. В своем выступлении, которое тесно перекликалось с актуальными вопросами закарпатской политической жизни, он коснулся правовых аспектов вхождения Подкарпатской Руси в состав Чехословакии, СССР и Украины. По мнению *о. Д. Сидора*, все правоотношения между Киевом и Закарпатьем, возникшие с момента провозглашения Украиной независимости, являются нелегитимными.

В докладе *О.Б. Неменского* «Русскость и русинство» была сделана попытка типологического сравнения русской и русинской идентичностей. Также ученый представил контуры разрабатываемой им классификации современных восточнославянских национализмов.

Второй блок семинара объединил доклады, посвященные специфике исследования и конкретным аспектам русинско-российских контактов. В частности, свои

ми наработками в этой области поделились М.Ю. Дронов (ИСл РАН), Н.М. Пашаева (Государственная публичная историческая библиотека) и П.С. Куприянов (ИЭА РАН).

Ведший семинар *М.Ю. Дронов* выступил с темой «Российско-русинские связи: актуальные вопросы изучения», сосредоточившись на нескольких слабо разработанных в карпатоведении сюжетах, связанных с взаимными имагологическими представлениями русских и русинов.

В докладе *Н.М. Пашаевой* «Карпаторусские интеллигенты в России» прозвучали отдельные подробности из жизни и деятельности в Российской империи уроженцев тогдашней Угорской Руси Ивана Орлая (1770–1829), Михаила Балудянского (1769–1847), Петра Лодия (1764–1829), Василия Кукольника (1765 – 1821) и Юрия Венелина (1802–1839).

Если тема *Н.М. Пашаевой* была посвящена нахождению русинов в русской среде, *П.С. Куприянов* выступил с докладом «Русины глазами русского путешественника 1-ой половины XIX в.», проиллюстрировавшим восприятие россиянином *В.Б. Броневским* (1784–1835) русинской среды.

Третий блок, представленный докладами *Е.В. Гурко-Кряжиной* (ИНИОН РАН) и *С.М. Слоистова*, был посвящен пряшевской проблематике.

Е.В. Гурко-Кряжина рассказала о результатах своей работы по выявлению и систематизации библиографии русскоязычной периодики Словакии 1919–1944 гг. Отдельное внимание было уделено истории и идейной ориентации «Народной га-

зеты», «Русского Слова» и некоторых других русинских изданий.

С.М. Слоистов совершил исторический экскурс в деятельность Православной миссии в Ладомировой в 20–40-е годы XX в. Село Ладомирова в нескольких километрах от Свидника в последнее время получило известность как родина недавно почившего первоиерарха Русской православной церкви за границей митрополита Лавра (Шкурлы). Именно в этом облюбованном русскими беженцами селе Пряшевщины располагался один из важнейших центров православной и русофильской агитации в тогдашней Чехословакии.

Также в рамках семинара состоялась подготовленная *А.Н. Чубриковым* презентация русинских материалов Мало-русской народной исторической библиотеки (<http://mnpib.malorus.org>). В холле Библиотеки-фонда «Русское Зарубежье» в течение всего мероприятия действовала книжная выставка современных русинских изданий.

В целом, семинар оправдал надежды организаторов и участников, представив в первом приближении малоизвестную в России проблематику Подкарпатской Руси. Материалы научной встречи планируется издать на страницах международного исторического журнала «Русин» (Кишинев). Хочется верить, что проведение в Москве русинистических мероприятий, подобных историко-культурологическому семинару «Подкарпатские русины и Россия», станет регулярным.

© 2009 г. *М.Ю. Дронов*

CONTENTS

ARTICLES

<i>Rashkovsky B.E.</i> (Moscow). Book of Iosippion as a Source for the History of Slavs and Other East European Peoples in 1940–1990s Researches	3
<i>Vilkul T.L.</i> (Kiev). “Povest vremennykh let” About 1097 Lubech Snem: Interpretations and Misreadings	16
<i>Vasilyev V.L.</i> (Novgorod). From the Slavic Toponymical Antiquity of the Russian North-West.....	25
<i>Makarova I.F.</i> (Moscow). Osman Matrices for Liberated Bulgaria	39

COMMUNICATIONS

<i>Tchentsova V.G.</i> (Moscow). Information about St. Nicolas of Mirlikia’ Right Hand in the Monks 1648 Letter from the St. Nicolas Closter in Grilica	54
<i>Tchesnokova N.P.</i> (Moscow). Letter from Anastasia Farmakolitria near Thessalonica in the Manuscript Collection of the State Historical Museum: Problem of Attribution and Dating	68
<i>Makarisev M.M.</i> (Moscow). Category of Evidence in Balkan Languages: Contemporary View....	74

FROM THE SLAVIC STUDIES HISTORY

<i>Boyartchenkov V.V.</i> (Ryazan’). O.M. Bodyansky in the Society for Russian History and Antiquities (Toward the Slavic Scholar’s 100th Anniversary)	91
--	----

REVIEW-ARTICLES AND REVIEWS

<i>Choroshkevich A.L.</i> Памяць стагоддзю на карце Айчыны. Зборнік навуковых прац у гонар 70-годдзя Міхаіла Фёдаравіча Спірыдонава	103
<i>Stykalin A.S.</i> О.В. Хаванова. Заслуги отцов и таланты сыновей. Венгерские дворяне в учебных заведениях монархии Габсбургов	107
<i>Butchanov I.I.</i> А.С. Левченков. Последний бой чешского льва. Политическая борьба в Чехии в первой четверти XVII века	109
<i>Shvedova N.V.</i> A. Zelenková. Slovenská prozódia a verzifikácia v rukopise Štefana Krčméryho (1935)....	112

SCHOLARLY LIFE

<i>Tchesnokova N.P.</i> International Scholarly Conference on Paleography and Codicology in Moscow ...	114
<i>Nosov B.V.</i> International Scholarly Conference «Russia, Poland, Germany: Past and Present of European Unity in Ideology, Politics and Culture»	116
<i>Korolkova P.V.</i> Conference «Categories of Values in Slavic Culture: Category of Time»	120
<i>Dronov M.Yu.</i> Historical-Culturological Seminary «Carpatian Rusins and Russia»	126

Сдано в набор 03.12.2008 Подписано в печать 02.02.2009 Формат бумаги 70 × 100¹/₁₆

Офсетная печать. Усл.печ.л. 10,4 Усл.кр.-отт. 4,4 тыс. Уч.изд.л. 12,0 Бум.л. 4,0

Тираж 418 экз. Зак. 990

Учредители: Российская академия наук, Институт славяноведения РАН

Издатель: Академиздатцентр «Наука», 117997 Москва, Профсоюзная ул., 90

Адрес редакции: 119991, Москва, Ленинский проспект, 32а. Телефон 938-01-20

E-mail: jurslav@rambler.ru; zhurslav@mail.ru

Оригинал-макет подготовлен МАИК «Наука/Интерпериодика»

Отпечатано в ППП «Типография «Наука», 121099 Москва, Шубинский пер., 6

ПОДПИСКА-2009

ВТОРОЕ ПОЛУГОДИЕ

ОБЪЕДИНЕННЫЙ КАТАЛОГ

1_{том} Российские и зарубежные газеты и журналы

2_{том} Книги и учебники



1
ТОМ
ПРЕС
РОС
И З
ГАЗ
И Ж

УВАЖАЕМЫЕ ПОДПИСЧИКИ!

Журналы Российской академии наук можно выписать в любом почтовом отделении России по объединенному Каталогу Федерального управления почтовой связи (ФУПС). Академические журналы объявлены в этом каталоге в разделе "АПР"